

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 35 АВГУСТ 1981

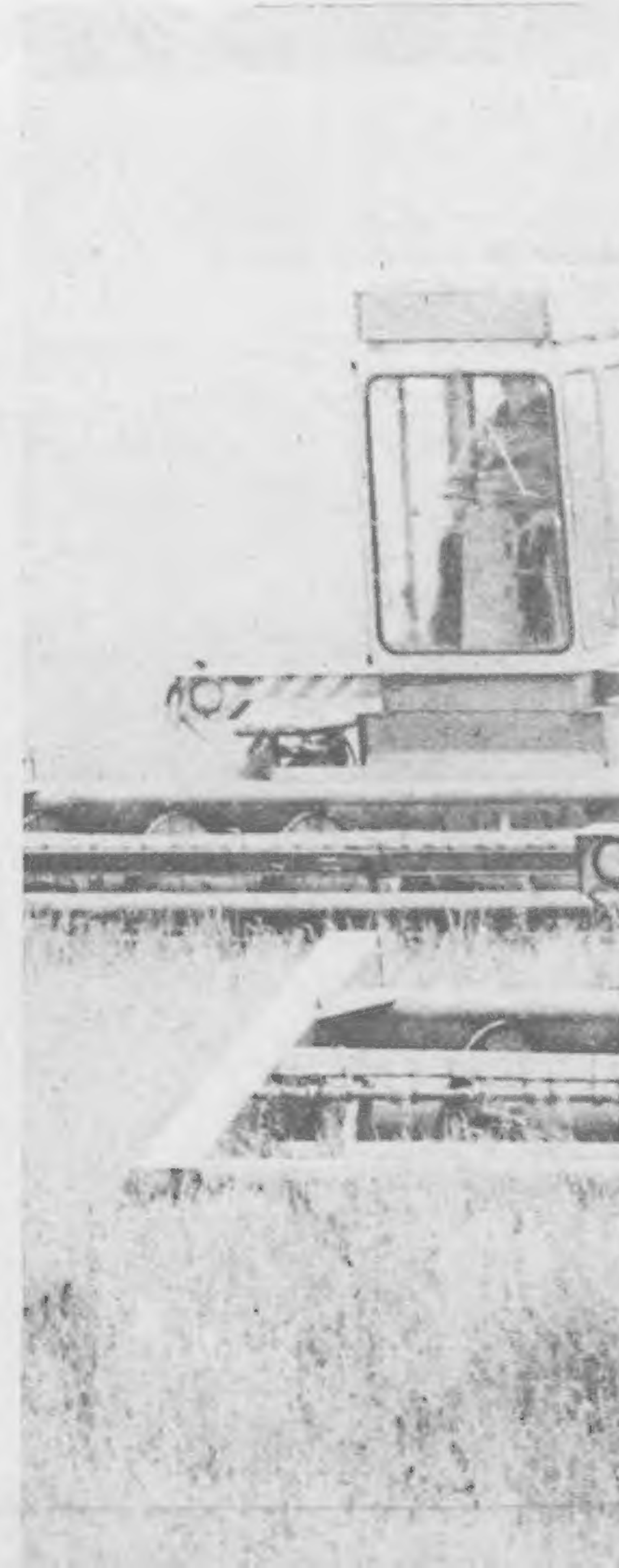

Перешагнув через Урал, жатва пришла в Сибирь. Среди лидеров алтайских хлеборобов колхоз «Россия», Змеиногорского района. Первые намолоты показали: озимая пшеница дает по 35 центнеров с гектара. Для Сибири это отличный показатель даже в благоприятные годы. А нынешний год для земледельцев Алтая выдался засушливым. На снимке: уборка хлебов на полях колхоза «Россия».

КОГДА ЖАТВА

В зените жатва хлебов на полях Башкирии. По-ударному работают в колхозе имени Салавата, Кушнаренковского района. Здесь перекрыты все каналы потерям зерна. Комбайны тщательно загерметизированы, для уборки низкорослых хлебов колхозные рационализаторы на каждой машине установили дополнительные подборщики. Активно действует тут пресс-группа при штабе жатвы колхоза. На полях и токах работают более 40 агитаторов и политинформаторов. На снимке: лучший агитатор колхоза Флюза Серазетдинова.

урожай-81

Александр ИГОШЕВ

НА ТОКУ

Когда на хлебозаготовке
приходит страдная пора,
как заводные,
сортировки
стучат,
грохочут триера.

В ладу с большими скоростями
ремни на приводах поют.
И ветродуи
лопастями
рабочий ветер создают.

Движки под вороним капотом
калятся чуть не докрасна.
Работа — до седьмого пота:
и день в трудах,
и ночь без сна.

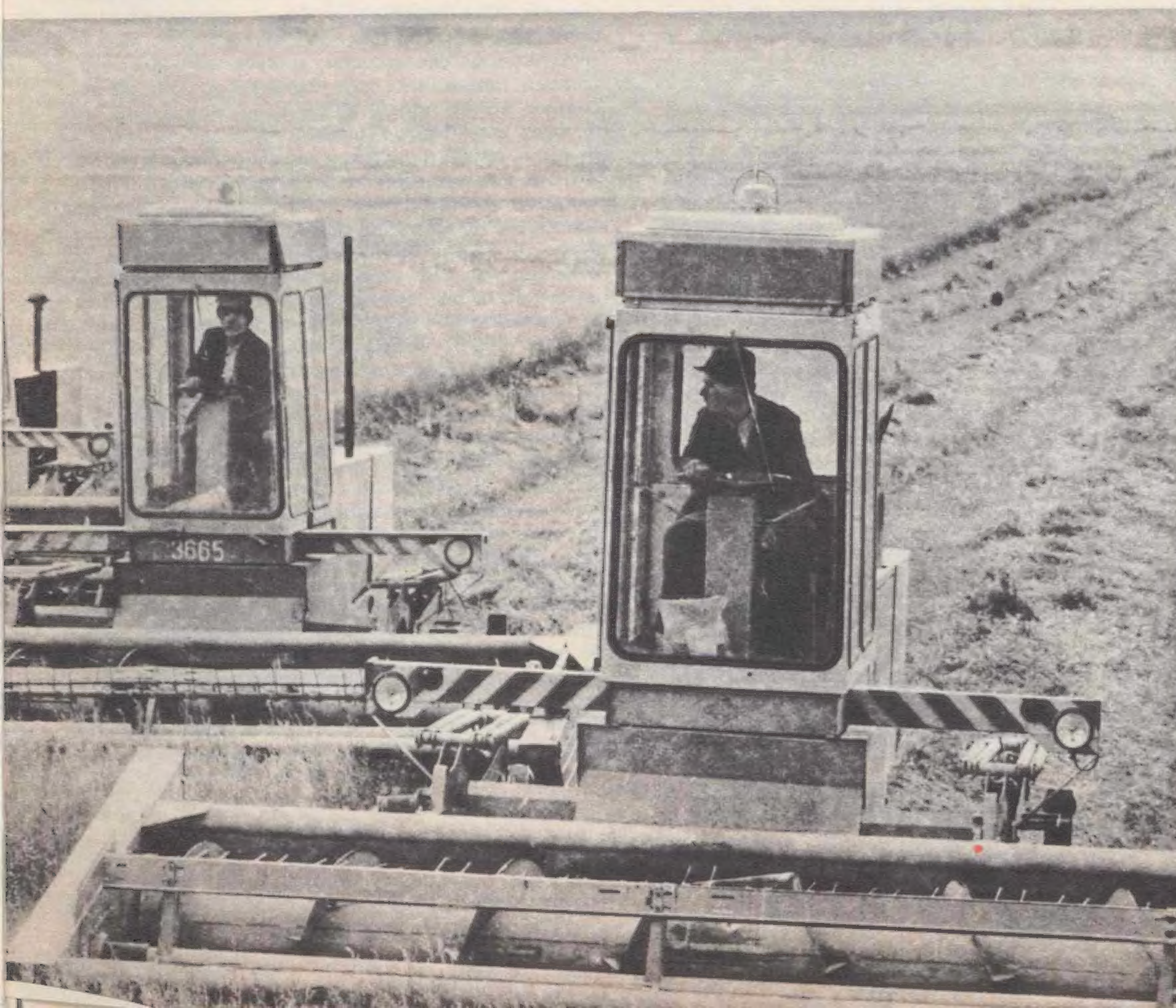
Бежит безмолвье полевое
в лога глубокие
на дно.
И, словно золото живое,
из-под машин течет зерно.
Под солнцем гранями лучится —
лишь успевай сортировать...

И мне бы
в деле научиться
от слов полуву отвечать.

В ЗЕНИТЕ

С опережением графика поставляет государству молоко и мясо латвийский колхоз «Тервете». Дойное стадо по продуктивности занимает первое место в республике. Сказывается повседневная забота о кормах. На снимке: Идет заготовка кормов. Ежедневно цех травяной муки производит 40 тонн витаминной продукции.

Фото В. Вонога, В. Садчикова, В. Семенова (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 35 (2824)

29 АВГУСТА 1981

© Издательство «Правда», «Огонек», 1981

Безрассудная гегемонистская политика нынешней американской администрации, ослепленной оголтелым антисоветизмом, донельзя напрягает международную обстановку, создает в мире лихорадку гонки вооружений, вызывает образование очагов военной опасности в разных регионах земного шара. Но не только это. Такая политика осложняет отношения между разными странами, порождает настроения безвыходности даже вокруг тех проблем, которые могли быть сравнительно легко решены на переговорах.

Правящие круги США стремятся к установлению своего гегемонизма во всем мире. Этому служат военно-воздушные и морские базы на всех континентах, многотысячные «силы быстрого развертывания», которые по планам Пентагона должны быть размещены в тысячах километров от берегов США, поближе к возможным театрам военных действий (например, в регионе Персидского залива), создающиеся на чужих территориях склады тяжелого вооружения, могущего понадобиться на случай вспышки военных действий вдалеке от американских границ. Все направлено к одной безумной цели — властвовать над всем миром, определять его судьбы в зависимости от интересов крупных американских монополий. Но чем обнаженнее гегемонизм в политике США, тем больше внешняя политика Вашингтона по-

лом единственного законного его руководителя — СВАПО. Многие африканские народы поняли суть политики США и разглядели за долларовыми подачками, улыбками президентов и государственных секретарей самых жестоких неокolonизаторов.

США все это явно не устраивало. Африка ускользала из рук, тем более что оплот империалистов в Южной Африке — расистская ЮАР сама стала все сильнее испытывать удары африканских борцов юга черного континента. И новое правительство США, решившее огнем и мечом осуществлять свою политику гегемонизма, пошло ва-банк: оно перестало заигрывать с независимой Африкой и сделало ставку на южноафриканских расистов, объявив их верными союзниками по прошедшим войнам, предложив им свою дружбу. Начался обмен дружественными визитами с самыми отъявленными расистами. Америка Р. Рейгана показала африканцам свое истинное лицо. Сессия Ассамблеи глав государств и правительств стран — членов Организации африканского единства (ОАЕ) в Найроби (Кения) решительно осудила, как она назвала, «дьявольский сговор» Вашингтона с расистским режимом Претории. Так сама внешняя политика Р. Рейгана превращает независимую Африку в своего врага. Так в гегемонистском и антисоветском ослеплении руководители США своими же руками начинают проводить в Африке курс, направленный прежде всего против своих же собственных национальных интересов, даже таких, какими их представляет себе нынешняя администрация.

Так же в конечном счете обстоит дело и с политикой США на Ближнем Востоке. Нет нуж-

ские власти присоединились к руководителям Израиля в характеристике воздушного налета на Ирак как «оборонительной меры».

Таким образом, и на Ближнем Востоке в своем ослеплении антисоветизмом, стремлением во что бы то ни стало утвердить свой гегемонизм в этом регионе американская администрация своей нескрываемой поддержкой сионистского Израиля и явно антиарабскими шагами объективно побуждает все арабские страны к отпору американским империалистам, ибо они, даже придерживающиеся прозападной позиции, все больше осознают, какую опасность для их национальной независимости представляет ничем не ограниченная политика США «с позиции силы».

И, наконец, обратимся к Юго-Восточной Азии, которая тоже превращена политикой Вашингтона и Пекина в очаг военной опасности. Здесь бездумная политика, в которой США получили подкрепление в лице пекинских приверженцев антисоветизма, настолько запутала обстановку, что она порождает локальные военные конфликты, грозящие в конечном счете слиться в один общий весьма опасный источник глобальных потрясений. США пытаются превратить Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в некое подобие военного блока, хотя эта организация была создана для сотрудничества в области экономики и культуры и ставит задачей превращение Юго-Восточной Азии в зону мира и безопасности. Через превращение АСЕАН в военный блок США стремятся стать гегемоном в этом регионе и таким образом получить компенсацию за позорное поражение в войне против Вьетнама. США стремятся

НЕ РОЙ ДРУГОМУ ЯМУ...

рождает антиамериканизм, тем больше она создает недругов США даже среди тех стран, которых американские правящие круги снабжают деньгами и вооружением. Словом, тем сильнее такая политика оборачивается против национальных интересов самих же США, то есть тех интересов, ради которых, по словам руководителей США, и проводится нынешний антисоветский, гегемонистский курс внешней политики. Этот курс на практике оказывается самым что ни на есть антинациональным, хотя это может на первых порах не так уж бросаться в глаза. Нужно время, когда все это обнаружится. Но не будет ли тогда слишком поздно?

Начнем с политики США в отношении Африки. Бывшая американская администрация Дж. Картера в самом начале своего правления обнародовала декларацию о своем взгляде на Африку и отношении к ней. Основная мысль, которая проводилась в этой декларации, заключалась в том, что Африка, обладая огромными природными богатствами, в частности промышленным сырьем, являясь как бы своего рода добавлением к Соединенным Штатам Америки. В связи с этим США поставили своей задачей «обольстить» Африку, пообещав ей займы, капиталовложения и даже продовольствие тем районам, которые испытывают в нем недостаток или просто-напросто голодают. Американские монополии усиленно полезли, например, в Нигерию. Другим заметным местом приложения американских капиталов стал Судан, что во многом и определило его прозападную позицию. Вашингтон принялся изображать себя сторонником освобождения Намибии, а также и Родезии (нынешнее Зимбабве). Однако колониальные народы Африки добивались своего освобождения без американской помощи. Вслед за Мозамбиком, Анголой (в отношении нее не помогла ни южноафриканская расистская агрессия, ни американская поддержка раскольников из УНИТА) и другими португальскими колониями стало независимым и Зимбабве. Не сломлена воля к независимости и у намибийского народа, борющегося под нача-

ды повторять ставшие общеизвестными истины о том, что кэмп-дэвидский сговор, направленный на установление американской гегемонии на Ближнем Востоке и в регионе Персидского залива, приводит США к противоположным результатам. Особенно после того, как этот сговор США постепенно превращают в повод, ссылаясь на который американские вооруженные силы закрепляют за собой «право» надолго располагаться в районе Персидского залива (военно-морская армада, опирающаяся на базу на острове Диего-Гарсия) и под видом международных сил, контролирующих выполнение соглашения между Израилем и Египтом в отношении «освобождаемых» египетских территорий, проникают на Синайский полуостров. Происходит постепенная эскалация военного присутствия США на Ближнем Востоке. Это настораживает даже такие обычно симпатизирующие США арабские страны, как Саудовская Аравия.

Еще большую враждебность арабских стран вызвали США своей позицией в отношении террористического налета израильской авиации на ядерный исследовательский центр Ирака под Багдадом. Известно, что это бандитское нападение Израиль совершил, пользуясь военными самолетами американского производства. Широко разрекламированные самолеты с предупредительной системой АВАКС, расположенные в Саудовской Аравии, не просигнализировали и не предупредили о полете израильских самолетов, хотя они летели к Багдаду через воздушное пространство Саудовской Аравии. Не странно ли это и не похоже ли на то, что США были ланнее оповещены о готовящемся бандитском налете своих союзников. Особенно арабов возмутило заявление официальных представителей государственного департамента США о том, что Израиль не может представлять какой-либо опасности для соседних стран. И это после налета на Ирак и в момент активизации израильской агрессии в Южном Ливане, а также после угрозы Бегина уничтожить сирийские ракеты, вполне законно установленные против налетов израильской авиации на Ливан. К тому же американ-

к тому, чтобы не допустить сближения между странами АСЕАН (Таиланд, Сингапур, Малайзия, Филиппины и Индонезия) и странами Индокитая (Вьетнам, Лаос и Кампучия). Создание этими странами единого фронта за превращение Юго-Восточной Азии в зону мира и безопасности стало бы непреодолимым барьером на пути американской и пекинской экспансии в этом регионе. Раздувая несуществующую кампучийскую проблему, США, а с ними вместе и Пекин стремятся натравить страны АСЕАН на страны Индокитая и подорвать социалистическое строительство во Вьетнаме.

Одновременно с США сюда устремлены взоры и пекинского гегемонизма, который считает Юго-Восточную Азию «естественным» продолжением китайской территории. Пекин уже пытался жестокими, бесчеловечными методами подчинить себе Кампучию, вел агрессивную войну против Вьетнама и постоянно угрожает ему повторением вооруженной интервенции. Такой же угрозе подвергается и Лаос. Что же касается Кампучии, народ которой ликвидирует последствия полпотовщины, провел всеобщие выборы и принял новую конституцию, то Пекин стремится всеми правдами и неправдами вернуть к власти своих ставленников. В то же время США открыто поощряют пекинский антисоветизм, обещая поставить для китайских вооруженных сил современное вооружение, словом, делают все, чтобы усилить военный потенциал Пекина против Советского Союза. Однако, укрепляя антисоветизм Пекина, США в то же время усиливают и его агрессивную позицию в отношении стран АСЕАН.

Положение в Южной Африке, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, создаваемое безрассудной гегемонистской политикой администрации Р. Рейгана, показывает, насколько американская внешняя политика противоречит реальным факторам международного положения. В этом в конечном счете и заложены ее бесплодность, ее враждебность подлинным интересам всех стран мира, в том числе и интересам самого американского народа.

МЫ СРАЖАЛИСЬ ОДНИХ

А. ГОЛИКОВ

У бывшего летчика дальней авиации, ветерана Великой Отечественной войны Николая Игнатьевича Слепова сохранилась любительская, выцветшая от времени фотография. На ней он, молодой капитан, стоит, обнявшись с чехословацким летчиком. На обороте фотографии написано: «Я и капитан Франтишек Ремек, Словакия, партизанский аэродром Зольна. 1944 год».

...Осенью 1944 года, когда советские войска подошли к Карпатам, в Словакии вспыхнуло национальное восстание против немецко-фашистских оккупантов. Советское командование стало оказывать восставшим всю возможную помощь. Военные самолеты доставляли оружие, боеприпасы, медикаменты, а обратными рейсами вывозили раненых. В этих полетах участвовал и 31-й гвардейский полк дальней авиации, в котором Слепов командовал эскадрильей. Летали ночью на партизанский аэродром в районе города Зволена, который на летных картах значился под названием «Три дуба». Полеты были сложные, опасные, требовали от экипажей большого мастерства, смелости и хладнокровия.

Обычно каждый полет планировался с таким расчетом, чтобы летчик успел выполнить задание под покровом темноты. Однако в тот раз у Слепова это не получилось. Он должен был доставить словацким партизанам мощную радиостанцию, а на маршруте к аэродрому «Три дуба» отказал один мотор. Пришлось возвращаться. Пока мотор чинили, прошло полночь.

Слепов едва пересек линию фронта, как восток посветлел, звезды стали меркнуть. Наступил рассвет, а гитлеровская авиация не дремала. Едва подошли к району Зволена, как стрелок доложил: сзади, сверху «мессершмитт»! И, не дожидаясь команды, открыл огонь из своего крупнокалиберного пулемета. Но немецкий летчик атаковал. К счастью, огненные трассы его пушечной очереди прошли мимо. «Мессершмитт» темной тенью проскочил вперед, с набором высоты развернулся и снова зашел на атаку. Для транспортного самолета она, вероятно, стала бы роковой. Но вдруг в последний момент «мессер» отвернул. Его самого яростно атаковал краснозвездный истребитель Ла-5. Слепов успел только заметить его номерной знак — белую тройку. Истребители закружились в воздушном бою, а транспортный самолет продолжал полет и благополучно приземлился на аэродроме «Три дуба». Слепов благодарил судьбу и недоумевал: откуда здесь взялся Ла-5?

Оказалось, что на соседний партизанский аэродром Зольна прилетел 1-й чехословацкий истребительный авиационный полк, созданный в СССР. Костяк его составили летчики-чехи, прибывшие из Англии. В группе было 13 офицеров под командованием штабс-капитана Франтишека Файтла. К ним присоединились словацкие летчики, перелетевшие на советскую территорию.

Неожиданно Слепову чуть не на две недели пришлось задержаться у словацких партизан. Погода здесь стояла отличная, а за линией фронта наши аэродромы закрыл туман. Пользуясь свободным временем, Слепов поехал к чехословацким летчикам. Хотелось узнать, кто у них летает на белой тройке, познакомиться с парнем, который так вовремя пришел на помощь.

На аэродроме Зольна шла напряженная боевая работа. Полк сражался с превосходящими силами противника и при этом в сложных условиях полного вражеского окружения: все снабжение осуществлялось по воздуху. Технический состав и некоторые офицеры штаба были советскими военными. На вопросы Слепова они ответили, что на белой тройке летает заместитель командира эскадрильи капитан Франтишек Ремек. Сейчас он на задании: повел группу на прикрытие наземных войск. Но вот-вот должен вернуться.

Действительно, скоро над аэродромом появилась шестерка Ла-5. Последним сел Франтишек Ремек. Он был очень доволен, что хорошо выполнил задание и привел группу без потерь. Слепову сказал, что в тот раз, к сожалению, только повредил «мессер-

шмитт». Погнаться, чтобы добить, не мог: горючее кончалось. И так еле-еле до своего аэродрома дотянул. А боевой опыт получил в Англии. Там летал на «спитфайере», прикрывал Лондон. Сбил пять фашистских самолетов.

Чехословацкие летчики хотели непосредственно участвовать в боях за освобождение родины и потому покинули Англию. Добирались через Каир, Дамаск, Басру, Тегеран...

...Сначала сформировали отдельную эскадрилью, потом полк. Отрабатывали технику пилотирования, ведение воздушного боя на самолетах Ла-5. Всем хотелось скорее воевать. Когда началось Словацкое национальное восстание, полк направили на помощь восставшим. И вот впервые после оккупации Чехословакии летчики приземлились на родной земле и сражаются за нее.

Слепов рассказал о себе, рассказал, что много летал в тыл врага к советским и югославским партизанам. Раньше был гражданским летчиком, после войны снова станет возить пассажиров. Потом боевые друзья выпили за братство по оружию, за победу и сфотографировались на память.

Слепов еще несколько раз побывал у чехословацких летчиков. Воевали они героически. Летчик Хабера из эскадрильи, в которой служил Ремек, в одном воздушном бою сбил два «мессершмитта». Второй — когда сам уже был ранен. Самоотверженно и мужественно трудились техники и механики. У них самолеты всегда были в боевой готовности. А это не просто, когда поблизости нет ремонтных мастерских, не хватает запасных частей.

Однажды Слепов видел, как

раненный в бою летчик сумел довести самолет до своего аэродрома. Но при посадке поврежденная машина загорелась. Пилот потерял сознание. На помощь бросились техник эскадрильи и механик. Они вытащили летчика и едва успели отнести его в строенку, как самолет взорвался.

Наконец погода за линией фронта улучшилась, и Слепову разрешили вылет. В самолет погрузили раненых, и он уже хотел рулить на старт, как принесли еще одного. Посмотрел, а это Франтишек Ремек. Его машину подбила зенитка. Требовалась срочная операция. Так они встретились еще раз. Слепов благополучно доставил раненых на «большую землю», и Ремек сразу отправили на операционный стол. Прощаясь, он сказал своему русскому другу, что он скоро вернется в свой замечательный полк и что они обязательно встретятся.

Капитан Слепов совершил еще несколько рейсов к словацким повстанцам. Он и его однопольчане доставили на аэродром «Три дуба» 56 тонн оружия, боеприпасов, вывезли почти полторы сотни раненых чехов и словаков. Затем командование перебросило полк на другой фронт, и тем не менее слова Ремек сбылись.

Через несколько месяцев 31-й гвардейский стал действовать на 4-м Белорусском фронте. Прилетел Слепов на один из полевых аэродромов 8-й воздушной армии и увидел там чехословацких летчиков. Оказалось, здесь базируется истребительный полк 1-й чехословацкой смешанной авиадивизии. Спросил о Франтишке Ремек и узнал, что он командир эскадрильи. Так друзья встретились снова.

Советские и чехословацкие летчики.

«НЕТ» — НЕЙТРОННОЙ СМЕРТИ

1

25 августа советские и иностранные журналисты собрались в Пресс-центре МИД на Зубовском бульваре на пресс-конференцию, организованную представителями советской общности. В пресс-конференции участвовали: академик, директор Института востоковедения Е. М. Примаков, академик Академии медицинских наук СССР М. И. Кузин, генерал-полковник, начальник Центрального военно-медицинского управления Советской Армии Ф. И. Комаров, член-корреспондент Академии наук СССР В. С. Емельянов, профессор, заместитель директора Института США и Канады В. В. Журкин, архиепископ Волоколамский Питирим, кандидат военных наук Л. С. Семейко.

Выступившие заявили, что решение администрации США начать производство нейтронного оружия вызывает решительное осуждение советской общественности, так же как и всех честных людей планеты. С принятием этого решения намного возрастает угроза уничтожения, нависшая над человечеством с тех пор, как

6 августа 1945 года над Хиросимой была взорвана атомная бомба.

Вашингтон пытается представить нейтронное оружие как какое-то чистое и чуть ли не гуманное оружие, к тому же способное укрепить мир. Нейтронная бомба — это варварское средство массового уничтожения людей смертоносным излучением.

Это оружие понижает порог ядерной войны и, следовательно, увеличивает опасность ее возникновения. Производство и применение нейтронного оружия одной группой государств неизбежно повлечут за собой принятие соответствующих решений и другой группой стран, что само по себе откроет новое направление в гонимых ядерных вооружениях. Появление одного вида нейтронного оружия может привести к созданию других поколений этого оружия, имеющих еще большую поражающую способность и предназначенных для выполнения более широких задач, чем это утверждается сейчас.

Нейтронное оружие — оружие агрессии, а не

САЛЬВАДОР

ЗВЕРСТВУЮТ

2

Неописуемо горе матери, оплакивающей гибель своего сына. Сальвадор! Тысячи твоих лучших сынов сражаются с продажной военной хунтой, сотни гибнут в неравной борьбе. День победы недалек. Потому так зверствуют фашиствующие молодчики, удерживающиеся у власти только благодаря обширной помощи США.

Американский посол в Сан-Сальвадоре Хилтон заявил, что США будут и впредь обучать солдат хунты и вооружать ее армию. Он признал, что за последние полгода войска хунты совершили более тридцати операций по «прочищению» в различных районах страны. Как известно, жертвами этих варварских акций с применением обычного и химического оружия, которое Вашингтон поставляет правящему режиму, стали десятки тысяч сальвадорцев.

По сообщению агентства Сальпресс, военные специалисты США, по существу, берут на себя функции офицеров сальвадорской армии и руководят карательными операциями в Сальвадоре. Стало известно, что американские «зеленые береты» орудуя во многих районах страны.

Убийства, издевательства и пытки совершаются в этой стране ежедневно. Свидетелем такого кошмара стал ирландский католический священник, проживающий в Сальвадоре. Его рассказ опубликован в ирландской газете «Санди трибюн». Имя священника не приводится из-за опасения репрессий.

«Его арестовали, Хосе арестовали». Эти трагические слова я услышал, открывая дверь нашего приходского дома одному из прихожан. Это сразу встревожило меня, потому что быть «арестованным» в Сальвадоре означает почти неминуемую смерть. Хосе был одним из лучших наших прихожан, истинно верующим в священное писание, бедняком, зарабатывающим на жалкое существование, возделывая землю. Я был уверен, что он не мог быть виновен в каком-то преступлении, и без всяких колебаний отправился в расположенный в десяти милях город, где держали Хосе. Я потребовал, чтобы меня провели к начальнику для выяснения обвинений, предъявленных Хосе. Я продолжал требовать этого в течение четырех часов, но все было бесполезно. С наступлением ночи — времени, когда тела арестованных в Сальвадоре выбрасывают на дороги, — жену Хосе охватила еще большая тревога. Это придало мне решимости добиться немедленно освобождения Хосе. Когда я почти потерял всякую надежду, мне сказали, что его выпустили. Лишь с наступлением дня я понял, каким пыткам подвергли Хосе: вся его грудь была покрыта ожогами от сигарет, а на шее остался веревочный след после инсценировки повешения.

...Наш дом расположен рядом с казармами, мы можем наблюдать за постоянными погрузками оружия и боеприпасов на вертолеты и военные грузовики. Новенькие фордовские грузовики — составная часть последних поставок американского оружия сальвадорской армии. У нас нет сомнений, что американская военная помощь используется для подавления народа, который и без того слишком много страдал».

ЕГИПЕТ

ЕГИПЕТСКИЕ

3

СИМВОЛЫ

Эта фотография обошла страницы печатных изданий почти всех стран мира. Американские военные вертолеты над древними пирамидами — это символ той антиарабской политики, которую проводит нынешнее египетское руководство, возглавляемое президентом Садатом. Уйдя от конструктивного решения палестинской проблемы, закрепляя на Ближнем Востоке американское военное присутствие в виде создаваемых сейчас «многонациональных» сил на Синае, а также проводя политику милитаризации внутри страны, садатовский режим давно и открыто встал на путь борьбы с прогрессивными силами арабской нации.

Другим, не менее важным по значению символом сегодняшнего Египта вполне могла бы стать кривая роста цен на товары первой необходимости в стране. Постоянно растущая инфляция, которая явилась прямым следствием

проводимой президентом экономической «политики открытых дверей», остается одной из главных причин недовольства самых широких слоев населения Египта. Все последнее десятилетие отмечено постоянным ухудшением материального положения миллионов египетских трудящихся. Сейчас ежегодный доход на душу населения в стране — один из самых низких в мире.

«Подождите немного, — убеждал в прошлом году президент Садат свой народ, который надеется, что жизнь в мирных условиях ничуть не легче, чем в условиях войны, — и вы увидите, что цены снизятся, а заработная плата возрастет. Правительство примет меры, чтобы облегчить страдания широких масс».

Мы ждем уже давно, говорят простые люди Египта, однако боимся, что нам придется ждать вечно.

ДОПЕКАЮЩИЙ ОПЕКУН, ИЛИ СЕВИЛЬЯ В ВАШИНГТОНЕ

Николай ЭНТЕЛИС

Маленький фельетон

Этого опекуна знают хорошо. Его зовут сеньор Бартоло. Он доктор. Из «Севильского цирюльника».

Другого опекуна знают еще не очень хорошо. Его зовут мистер Хейг. Он государственный секретарь Соединенных Штатов.

Сеньор Бартоло любит навязывать свои приемы. Он петушится: «Было бы вам известно, что я имею обыкновение никогда не уступать».

Мистер Хейг тоже обожает диктовать свою волю. Он хорохорится: «Нравится это кому-то или нет, но мы нация опекунов».

Однако если опекунство Бартоло не простирается дальше воспитанницы Розины, то опекунство Хейга, как он считает, должно распространяться на всю планету.

Не в том ли, сэр,
Амбиции причина,
Что иллюзорных планов
Вы полны?
Но вы не Бартоло,
Планета не Розина,
Народам
Не нужны опекуны!

США

ДЕМОКРАТИЯ ПО-АМЕРИКАНСКИ

5

Президент США Рейган продемонстрировал еще раз, что значит «свобода», «демократия» и «права человека» в ведущей державе западного мира. Против бастующих диспетчеров авиалиний, которые требуют повышения заработной платы в связи со стремительным ростом стоимости жизни, улучшения условий труда и пенсионного обеспечения, власти США принимают решительные меры. Представители администрации не скрывают, что Белый дом намерен на примере этой забастовки «отбить всякое желание бастовать» у всех трудящихся. Телекомпания Эн-би-си отметила: «Забастовка привела в бешенство президента Рейгана, который готов на самые жесткие меры. Он предъявил ультиматум, угрожая всем участникам забастовки, не явившимся на рабочие места, увольнением».

И они не явились. Они продолжали бороться за свои права. И это несмотря на то, что пять

дней спустя после начала забастовки 12 тысяч стачечников получили по почте стандартные уведомления об увольнении, а 72 профсоюзных активиста были арестованы и в наручниках доставлены в тюремные камеры.

Администрация намерена преподать урок профсоюзам, — так объясняет действия администрации США американский журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». Если говорить о профсоюзных боссах АФТ — КПП, то они уже давно запродались сильным мира Америки и не желают знать с бастующими диспетчерами. Что же касается трудовой Америки, то демонстрации солидарности и митинги поддержки бастующих говорят о растущем сопротивлении трудящихся США репрессивной политике Рейгана. Газета «Нью-Йорк таймс» пишет: «Впервые в истории нашего государства правительство открыто стремится разгромить не отдельную группу забастовщиков, а целый профсо-

обороны. Абсолютно недопустимы попытки использовать боевые характеристики нейтронного оружия для обоснования так называемой приемлемости ограниченной ядерной войны, приучить людей к мысли о допустимости ограниченной ядерной войны.

Реализация планов США может привести к непоправимым, в том числе медико-биологическим, последствиям для человечества. Нейтронное оружие в общем и целом может быть охарактеризовано как запал для всемирной ядерной катастрофы. Соединенные Штаты не только взяли опасный курс на взвинчивание гонки вооружений, но и сделали ставку на превращение Европы в плацдарм ядерной войны. «Нет» — нейтронному оружию — таково требование народов.

На снимке: во время пресс-конференции. Фото А. Нагальяна

1

ЯПОНИЯ

4 АВТОМОБИЛЬНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Как сообщает японская печать, Соединенные Штаты Америки направили правительству Японии ультиматум, требуя сократить на 20 процентов экспорт японских автомобилей на американский рынок. В случае отказа Токіо «добровольно» выполнить это условие Вашингтон угрожает принять законодательные меры, ограничивающие ввоз японской продукции. Бесконечная цепь торговых конфликтов протянулась из Японии и в Западную Европу. По мнению японского еженедельника «Экономисутэ», противоречия приобрели характер затяжной «торговой войны».

Конкурентная борьба в области автомобилестроения может служить примером обостряющегося год от года экономического соперничества между крупнейшими капиталистическими странами. По предварительным прогнозам, в нынешнем, 1981 году японские автомобильные компании станут абсолютным лидером в мировом производстве машин — они выпустят одиннадцать миллионов автомобилей. Это на два миллиона больше, чем произведут в этом же году Соединенные Штаты. Но такое положение вещей вызывает у японских предпринимателей не только радость, но и тревогу, связанную с проблемой сбыта своей продукции за границей.

Сейчас японским промышленникам удается удерживать восемь процентов западногерманского и двадцать два процента американского автомобильных рынков. Для сохранения существующих прибылей японские компании применяют целый арсенал средств: от увеличения капиталовложений в странах экспорта и строительства там своих заводов по сборке машин до простого мошенничества. Так, существовала практика доставки в США шасси грузовиков отдельно от кузова и лишь затем их сборка, которая зачастую производилась прямо в порту, сразу же после выгрузки с корабля. Это была уловка, чтобы платить всего лишь четырехпроцентную пошлину, установленную для автомобильных деталей, вместо двадцатипятипроцентной пошлины для готовых автомобилей.

В свою очередь, американские фирмы развернули мощную пропагандистскую кампанию против японского автоэкспорта. Не обошлась эта кампания и без курьезов. Об одном из них рассказал американский еженедельник «Тайм», поместив в качестве иллюстрации эту фотографию: за скромную плату (всего один доллар) любой житель Детройта, этого крупнейшего центра автостроения в США, мог ударить кувалдой по новенькому японскому лимузину, выразив таким образом свое недовольство чрезмерной конкуренцией.

юз». Администрация не идет на переговоры с бастующими, так как, сокращая ассигнования на социальные нужды (общие сокращения составляют 35,2 миллиарда долларов), правительство Рейгана увеличивает и без того раздутый бюджет Пентагона.

Забастовка в аэропортах продолжается и пользуется все большей поддержкой как в самих Соединенных Штатах, так и за рубежом. Несмотря на репрессии, среди диспетчеров авиалиний царит боевое настроение. «Мы будем бастовать столько, сколько потребуются!» — заявил председатель профсоюза Роберт Полай.

На снимке: участники манифестации солидарности с бастующими диспетчерами в Сан-Франциско.

2

Фото из журнала «Тайм», АП — ТАСС

3

4

5

Разговор с учителем... В центре: Валентина Афанасьевна и Николай Александрович Мельковы.

Фото А. Бочинина

ОТКРОЙ СВОЮ ЗВЕЗДУ

А. ПОПОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Первого сентября звонок соберет под крышами школ мальчишек и девочек. За парты сядут самые разные люди: с неодинаковыми склонностями, степенью одаренности. Всем им надо дать глубокие знания, развить чувство непримеримости к злу и неправде, научить соизмерять свои личные задачи с общей целью, любить Родину и свой народ... Почти три миллиона учителей войдут в классы вместе с учениками, чтобы посеять в юных душах зерна знаний, истины, добра.

...Как и везде, начнется новый учебный год в уральском селе Половодово, где навсегда связали свою жизнь со школой сельские учителя Валентина Афанасьевна и Николай Александрович Мельковы.

Ночью над Половодовом засветились яркие августовские звезды. Где-то среди них, в далеких таинственных глубинах космоса, была и малая планета с красивым женским именем Пелагея. Она тоже посылает нам на Землю свой мягкий голубой свет. Николай Александрович, словно боясь потревожить мерцающие дали мироздания, тихо произносит:

— Однажды мы вот так же стояли с одним моим учеником. Шел разговор по душам. У парня были великолепные способности к точным наукам. Мечтал он стать ученым. А вот перед экзаменами в институт что-то засомневался в себе. Все говорил: «А хватит ли сил, способностей?» Небо тогда, как сейчас, было усыпано звездами. И я рассказал ему историю нашей землячки — Пелагеи Федоровны Санниковой. Дочь крестьянина из глухого уральского села, она стала ученым-астрономом. Открыла около сорока малых планет, одна из них названа в ее честь Пелагеей. Но прежде чем попасть в Крымскую обсерваторию и бесменно проработать там до 1956 года, Пелагея Санникова окончила Половодскую церковно-приходскую школу, выдержала экзамены в Соликамскую гимназию, а затем поступила на знаменитые Бестужевские курсы в Петербурге... Ей было трудно, даже очень трудно. Я читал ее биографию. Но она рвалась к свету, знаниям — и открыла свою звезду.

Николай Александрович делает небольшую паузу. Непроизвольно глаза его поднимаются к звездам. Кто знает, может, в тот момент он искал Пелагею. Учитель астрономии, он знал, где она находится.

— ...Вот о такой замечательной судьбе я и рассказал тогда своему ученику. Недавно он приезжал в Половодово. Заходил ко мне... Кандидат наук, готовится к защите докторской... Я для себя тогда снова сделал зарубку: каждый человек должен открыть свою

звезду. Она не только ему светит, но и нам путь освещает.

Учитель зябко повел плечами:

— Что-то посвежело. Дело к осени... Интересно, какой класс попадется в этом году? Сами по себе ребята вроде подбираются толковые, но вот склеится ли коллектив?.. Прошу в дом. — Он несколько церемонно приоткрывает дверь. — Валентина, верно, чай давно приготвила. Стынет...

Пока мы проходим чисто вымытыми сенями с запахом свежесоленных огурцов, сухого дерева и какого-то неуловимого аромата деревенского дома, пока рассаживаемся за столом (чай готов, рдеет в вазочке протертая с сахаром черная смородина), мне вспоминается история, которую я услышал в совхозной конторе.

...Первым в школе узнал, что в Половодово пригнали «Кировец», Леня Шерстобитов. Машина новая, интересная — мальчишки о ней порядком наслышаны. Всем неймется посмотреть своими глазами. Что делать? Леня предлагает: «Через окно, к мастерским. Вперед!» В тот день класс встречал физика опустевшим наполовину.

На следующее утро Николай Александрович отвел Леню в сторону: «По поведению ставлю два. За любознательность — пять. И еще: без физики на «Кировце» не сумеешь работать».

Сейчас Леонид Шерстобитов — один из наиболее умелых, знающих механизаторов в совхозе «Половодовский». В прошлом году на жатве был первым по району. Взошла его звезда. И спасибо учителю, в чем-то он помог ее открыть. Может быть, в том, что даже тот сорванный урок пошел мальчишке на пользу?

...А чай давно уже разлит в высокие новые чашки с яркими цветами. Трижды вкуснее и душистее чай в теплом, уютном доме, когда за окном свистит невеста откуда налетевший холодный ветер.

— Квартиру получили от школы? — спрашиваю я. И чувствую по тому, как заулыбались Николай Александрович и его жена Валентина Афанасьевна, — не тот вопрос.

— Этот дом строил еще мой дед. Я в нем родился и вырос, — гасит улыбку Николай Александрович. — Недавно делали ремонт, под старыми обоями в кладовке находили газеты за 1877 год.

И как-то неожиданно, словно некстати, добавляет:

— Тогда Россия освобождала Болгарию. Шла война с Турцией на Балканах.

— Война... — с грустью произносит Валентина Афанасьевна. — Сколько горя принесла она в наше село. 250 половодовцев ушли в сорок первом на фронт. 187 не вернулись. До сорок шестого здесь размещались два детских дома из блокадного Ленинграда. Мне тогда было чуть больше двадцати, но я уже начинала понимать, что мало научить детей грамотно писать, знать содержание книг, — важнее развить в них человечность, неприятие насилия, стремление к правде, понимание, кто они и ради

чего живут на земле, почему их отцы и старшие братья пошли воевать.

Валентину Афанасьевну направили в Половодовскую школу после Соликамского учительского института в августе 42-го. Судьба улыбнулась ей тогда, считает она. Ее поставили на квартиру к Евдокии Тимофеевне Мельковой. Хозяйка оказалась коллегой — преподавала в начальных классах.

По вечерам, закончив проверку тетрадей, пили морковный чай, долго беседовали. Как-то само собой получалось, что разговор незаметно переходил на воспоминания о довоенной жизни. Вот тогда впервые и услышала молодая учительница-филолог об истории Половодова. Евдокия Тимофеевна знала ее блестяще.

Запало в душу, что впервые село упоминается во второй переписи Перми Великой в 1623—1624 годах. Запомнилось, как в декабре 1918-го колчаковцы расстреляли красновардейцев из заградительного отряда половодовцев. И совсем особая история с ходами к Ленину. 20-й год... Трое местных крестьян — Федор Санников, Григорий Михалев и Платон Москалев — отправляются в Москву, чтобы от руководителя рабоче-крестьянского государства узнать, что нужно сейчас делать землепашцу, как строить новую жизнь. Шли к Ленину за правдой.

Скоро в Половодовской средней школе откроется музей трудовой и боевой славы села. Валентина Афанасьевна Мелькова — председатель совета музея. Почти сорок лет она вместе со школьниками собирает документы, интересные факты из прошлого и настоящего края. Собран и обработан большой материал, и старинное село ждет своего праздника.

Да только ли село! В день моего приезда в Половодово я видел автобус со школьниками из Соликамска. Экскурсию встречала, как всегда, Валентина Афанасьевна. Потом я узнал, это была четырнадцатая делегация горожан за лето.

...Далеко за полночь я расставался с гостеприимным домом Мельковых. Николай Александрович вызвался проводить меня. Стих ветер. Небо снова просияло яркими крупными звездами.

— Да, совсем забыл, — сказал на улице Николай Александрович, — одна подробность: Пелагея Санникова приходится родной дочерью ходака к Ленину — Федора Санникова. Связь поколений удивительна. Дети учатся жить на примере своих родителей.

Николай Александрович вздохнул и надолго замолчал. О чем он думал? Может быть, о том, почему его младшие — Таня и Саша тоже стали педагогами? А может, о том, что скоро 1 сентября, и как он снова войдет в класс, скажет: «Здравствуйте, дети! Что нового вы открыли для себя минувшим летом?..»

...Горели над Половодовом звезды. Где-то среди них светила нам малая планета Пелагея.

Соликамский район,
Пермская область.

КАВКАЗСКАЯ ПЕРЕВАЛЬНАЯ

Вы ставите вопрос о строительстве железной дороги напрямую, через Кавказский перевал. Идея эта живет давно. Трудности такого строительства огромные. Но ведь не меньше трудностей создает отсутствие дороги. Наверное, настало время вплотную заняться этой очень сложной инженерной, но важной экономической задачей.

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Из речи на торжественном заседании в Тбилиси, посвященном 60-летию Грузинской ССР и Компартии Грузии.

НАПРЯМУЮ, ЧЕРЕЗ ХРЕБЕТ

Дорога эта — из Грузии в Россию через Кавказский хребет. Она будет железной, двухпутной. Если представить себе одну из старейших шоссейных дорог — Военно-Грузинскую, то эта, о которой речь, сперва пойдет (от станции ЗАГЭС) в одном с ней направлении, а потом, взбираясь все выше и выше на хребет, они как бы оттолкнутся друг от друга на довольно большое расстояние для того, чтобы снова приблизиться на подступах к городу Орджоникидзе и станции Беслан. Всего 180 километров, но каких километров!

Восклицательный знак относится не только к трудностям строительства, но и к красоте первозданной природы. Ведь это владения реки Арагви, точнее, одной из Арагв. Их всего пять, шумят и петляют они по узким, каменистым ущельям: просто Арагви, Белая Арагви, Черная, Пшавская и Хевсурская. Железная дорога пройдет по берегу Пшавской Арагви и частично Хевсурской. А это места удивительные. Говорят, что они никому не известны, но это не так. Стоит только вспомнить строки великого певца гор Важи Пшавелы, и вы окунетесь в мир, где

весной облака в темноте
жгут молниями яркие свечи.
Земли на такой высоте
не пашет рука человечья...

Вот на карте будущей трассы кружочек с названием станции Чаргали. Это высокогорное село — родина Важи Пшавелы, где он жил всю свою жизнь в бедном горском доме, написал тридцать шесть великолепных поэм и множество стихотворений, где думал о Руставели и Пушкине, Гете и Толстом, Спинозе и Гегеле... Теперь тут станут прорезать ночную мглу фары электровозов, их гудки будут раздаваться у станций Жинвали, Чаргали, Пшави, Барисахо, Таргим, Тарск...

ИДЕЯ ЖИВЕТ ДАВНО

Август 1911 года. Выходящая в Тифлисе газета сообщает: «10 числа предстоящего месяца состоится особое совещание, председательствование которого возложено на инженер-генерала Петрова». Да-да, того самого Николая Павловича Петрова, под руководством которого была построена величайшая Транссибирская магистраль. В Тифлисе же обсужда-

лась идея прокладки железнодорожного тоннеля под Архотским перевалом Главного Кавказа. Очень представительное совещание рассмотрело материалы геологических исследований в районе предполагаемого тоннеля. Не удовольствовавшись этим, члены совещания решили осмотреть перевал своими глазами, для чего углубились в ущелья Пшав-Хевсу-

На Архотский
перевал
прибыла
еще одна
экспедиция.
Фото начальника
фототеодолитной
изыскательской
партии
Н. Позиненко

рети. 17 сентября 1911 года они уже сидели в салон-вагоне на станции Владикавказ (ныне Орджоникидзе), и Н. П. Петров подводил итоги проделанному. Свою исполненную технических терминов речь он заключил словами:

— Сегодня мы прощаемся с величественными горами Кавказа, но я верю: придут сюда строители Транскавказской дороги. Когда? Это покажет будущее...

ТРУДНОСТИ ОГРОМНЫЕ

Жизнь полна парадоксов. Если в 1911 году рассматривался проект перевальной дороги, то, кажется, чего легче: бери этот проект и начинай строить. Горы те же, не менялись, не сдвигались. Но изменились люди, общество, техника, современные требования к техническому сооружению и способы строительства. И когда уже после Великой Отечественной войны вновь всплыл вопрос о строительстве Перевальной, возникло девять вариантов трассы. И автор каждого варианта отстаивал преимущество своей идеи со сторо-

ны социально-экономической и технической выгоды для государства. Лишь в 1977 году на уровне Госплана и Госстроя СССР выбор пал на то же архотское направление, что обсуждалось в 1911 году.

Для чего нужна эта дорога? Нельзя ли вообще обойтись без нее? Идут сегодня транзитом в Тбилиси и из Тбилиси железнодорожные составы с грузом через Баку. Но, во-первых, можно представить на нынешнем уровне промышленного производства в закавказских республиках, какие на дороге создаются неудобства для собственно бакинских перевозок. Во-вторых, изрядный крюк к Каспийскому морю, равный почти тысяче «лишних» километров.

Думали и о другой, более укороченной магистрали: проложить

же, не меняются. Меняются и они... У Жинвали соорудят железнодорожный тоннель, а всего их будет на трассе около сорока. Какой из них самый-самый? Конечно, под Архотским перевалом. Такого длинного железнодорожного тоннеля на дорогах нашей страны еще не строили. Поэтому особое внимание сейчас этому перевалу. А туда никаких дорог. Летом высадились доставленная вертолетами комплексная экспедиция. Палатки грузинских институтов геологии, гидрометеорологии, строительной механики и сейсмостойкости и других растянулись у северного портала будущего тоннеля, в ущелье реки Асса. Это уже земли Чечено-Ингушетии, а еще дальше — Северная Осетия.

Главный инженер проекта обра-

дополнительные пути вдоль черноморского направления. Но тут оползни, теснота, впритык к берегу. И она курортная. Без того шумит сверх меры, мешает отдыху. Надо думать о том, как оградить от шума отдыхающих, а не пускать новые тяжеловесы.

Так что без Перевальной не обойтись.

«ЗАНЯТЬСЯ ВПЛОТНУЮ»...

Институт «Кавгипротранс». Главный инженер комплексного проекта Кавказской перевальной Николай Васильевич Сванишвили. Застаю его за длинным, банкетного типа столом, который, словно белой скатертью, укрыт белой воценой бумагой. Вот она, трасса! Не вся, конечно, а лишь часть ее.

Николай Васильевич корпит над районом станции Жинвали (соседка станции Чаргали). Геологи уже представили проектантам материалы исследования условий в этих местах. Тут строится Жинвальский гидроузел, и скоро разольется у подножия гор рукотворное «море». А мы говорили, что горы те

щает внимание на пункт третий совместного постановления Государственной экспертной комиссии Госплана и Госстроя СССР от 21 сентября 1977 года:

«Считать необходимым, учитывая сложность природных условий и уникальность инженерных решений Кавказской перевальной железной дороги, доработать представленное ТЭО (технико-экономическое обоснование) ее строительства, имея в виду разработку вариантных решений основных сооружений дороги на особо сложных ее участках в объеме технического проекта».

Вот это и происходит сейчас: разрабатываются вариантные решения в объеме технического проекта. Треть всего пути займут тоннели, галереи, виадуки, большие и средние мосты. Встанут в особо опасных местах высоченные подпорные стены, пройдут линии электропередач, появятся тяговые подстанции, локомотивные депо, станционные комплексы. Все с учетом возможных горных обвалов, селевых потоков, снежных лавин...

Ия МЕСХИ

ЗАМПОЛИТ

Б. КОСТИН

Передо мной объемистая тетрадь. В ней десятки фамилий с краткими, емкими характеристиками каждого новобранца, поступающего в роту: каким пришел, как службу нес, работал, набирался ума-разума, каким уволился в запас... Это не дневник и не литературные заметки, а обыкновенная рабочая тетрадь старшего прапорщика, заместителя командира военно-строительной роты по политической части Станислава Степановича Щенникова. Здесь первые впечатления от обязательной беседы при поступлении в роту, первые наблюдения, отзывы товарищей: «есть общественная жилка», «любит быть в центре внимания», «быстро сходится с людьми». Или наоборот: «замкнут, необщителен», «нет тяги к общественным делам». Значит, одним побыстрее дать дело по душе, других взять под особую опеку. Опыт замполита подтверждает, что «тихони» — это чаще всего от природы застенчивые ребята, которых раньше никто всерьез и не пытался расшевелить.

Похоже, эта летопись роты и ее личного состава ни для кого не секрет: каждый, кто увольняется в запас, на прощальной встрече с замполитом непременно просит зачитать, что там про него в тетради. Удивляются точности наблюдений и порой недоумевают: откуда прапорщик знает про них такие детали, да еще из доармейской жизни, о которых многие и сами забыли?

...Военным строителем Станислав Щенников стал случайно. Постепенно полюбил новое дело, а потом и понял: это его призвание. Свою политическую работу Станислав Щенников начал с того, что вместе с солдатами прошел трехмесячный курс обучения и получил диплом каменщика. Теперь он может и на кладку встать, и чертеж мудреный прочитать, и инструктаж по технике безопасности провести, и наряды закрыть. В такой роты, что у всех на виду, это просто необходимо.

А рота и впрямь, как говорится, на медаль: в числе первых в Вооруженных Силах СССР завоевала звание коллектива коммунистического труда и вот уже тринадцать лет считается одной из лучших, завоевав к тому же звание «Отличное подразделение» строительного управления Московского военного округа. А возведенный недавно военный госпиталь признан лучшим объектом пятилетки!

Старший прапорщик С. Щенников.

Жизнь у Станислава сложилась непросто. После девятого класса пришлось самому зарабатывать на хлеб: был слесарем-авторемонником, шофером, в армии стал электромехаником. Новая специальность пришлась по душе. После демобилизации Станислав пошел на завод и занялся ремонтом радиоаппаратуры. Пожалуй, здесь и было положено начало его будущей профессии армейского политработника: Станислава избрали секретарем комсомольской организации цеха. Казалось, жизнь вошла в колею: работа, учеба, общественная деятельность. Как вдруг Станислава пригласили в военкомат и предложили продолжить армейскую службу сверхсрочником, и не где-нибудь — в группе советских войск в Германии. Такого поворота Станислав никак не ждал. Думал долго, советовался с женой, друзьями, товарищами по работе и в конце концов согласился. Снова надел погоны и стал начальником электростанции минно-саперного батальона. Через полгода Щенникова избрали секретарем комсомольской организации части и присвоили звание старшего сержанта.

В память о годах службы в группе советских войск в Германии остались у Станислава Щенникова медали ГДР за активное участие в интернациональном воспитании молодежи, укреплении дружбы народов ГДР и СССР.

Военно-строительная биография С. Щенникова началась в 1974 году, когда его направили в Московский военный округ командиром взвода военно-строительной роты. А меньше чем через год он был назначен заместителем командира роты по политчасти.

Рота... Это и трудовой коллектив, и семья, и комсомольская организация, и спортивная команда. И еще — боевая единица. Ведь, сооружая объекты различного назначения, строители прежде всего воины Советской Армии. Владеть оружием, знать тактику современного боя для них так же обязательно, как, скажем, для мотострелков. И удерживаемое седьмой год подряд звание «Отличное подразделение» по боевой и политической подготовке — для коллектива не меньшая гордость, чем сданные с отличной оценкой строительные объекты.

Есть в роте костяк — ветераны и старослужащие, на которых замполит всегда может опереться. И все же замполиту приходится часто бывать на объектах. Шутка ли, каждый год рота ведет шесть — восемь строек, считай, по всему Подмоскovie. Некоторые взводы работают в отрыве от части, там и живут. А ведь замполит должен знать каждого из 135 подчиненных, и знать не просто по фамилии, а в лицо, как близкого человека.

Сам по природе общительный, привыкший жить и действовать на людях и вместе с людьми, к тому же высокого класса спортсмен (Станислав кандидат в мастера по ручному мячу, отличный баскетболист), он быстро становится, если так можно выразиться, своим в отделениях и взводах.

С первого дня появления нового пополнения усилия командиров, наставников, старослужащих подчинены тому, чтобы в максимально короткие сроки подготовить новобранцев к самостоятельной работе. К концу первого года службы все солдаты в совершенстве владеют одной-двумя специальностями.

ми. В нынешнем составе роты уже второй раз подряд звание «Мастер золотые руки» завоевали ефрейторы А. Арутюнов, П. Болгар, В. Бабин, рядовые Ф. Сафта и К. Рошкан. Почти две трети личного состава — ударники коммунистического труда.

Поистине всеохватна деятельность политработника в армии, и меры ее оценок самые разные. Вот только в цифровых показателях она не поддается выражению. Если срыв — твоя вина, успех — и твоя заслуга.

В Московском военном округе роту капитана Бесфамильного знают как коллектив, который всегда поддержит новую инициативу, возьмет повышенные обязательства. Немало их было и в минувшей пятилетке. В свое время бригады, командиры отделений В. Варвашенко, А. Аугулис, Н. Байдур предложили отметить 60-летие Великого Октября высокой производительностью труда и отличным качеством работы. Они вышли победителями в этом соревновании. Затем коллектив младшего сержанта В. Жабина начал соревнование в честь 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина и 35-летия Победы в Великой Отечественной войне под девизом «Вместе с героем в одном строю». Тогда они включили в состав своей бригады павшего под Курском Героя Советского Союза И. И. Филиппова, уроженца Подольска.

Бригада с честью выполнила свои обязательства и была награждена Почетной Ленинской грамотой. За каждым таким почином — чаще всего неприметная повседневная работа замполита и его помощников.

За годы десятой пятилетки рота построила около двадцати трех тысяч квадратных метров жилья, госпитали, поликлиники, работали ребята и на олимпийских объектах.

За эти успехи замполит награжден медалью «За отличие в воинской службе» и Почетной Ленинской грамотой.

Жизнь идет своим чередом. Призываются и увольняются в запас солдаты и сержанты, возводятся новые дома, заполняются новые страницы всем известной тетради. И вот что особенно приятно: почти все уволенные в запас не расстаются со своей профессией. Воспитанников С. Щенникова можно увидеть на БАМе и КамАЗе, на «Атоммаше» и стройках Нечерноземья. Редко, но все же время от времени Щенникову удается встретиться со своими бывшими подопечными. Ему тоже есть что рассказать о себе.

— Растут две дочки. Жаль, что редко их вижу. Заканчиваю исторический факультет Ивановского университета. В начале этого года в Вооруженных Силах Советского Союза было введено новое звание, так что теперь я — старший прапорщик. И, наконец, самое главное: мне оказали высочайшее доверие, избрав делегатом XXVI съезда партии. Работы впереди — непочатый край. Недавно был новый призыв. Интересные пришли ребята: грамотные, ершистые, но неумелые. Короче говоря, пришлось заводить новую тетрадь...

А. Ткачев. Род. 1925, С. Ткачев. Род. 1922. У СТАРЫХ БАНЬ. 1978—1980.

О. Тихомирова. Род. 1937, Л. Тихомиров. Род. 1925. СУДЬБЫ.

А. Плотнов. Род. 1916. ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ. 1980.

Клубились хмурые тучи, у самого горизонта, где Непрядва впадает в Дон, золотилась вечерняя заря. Свежий степной ветер приносил запах горькой полыни, развевал стяги, хоругви. Десятки тысяч воинов, пешие и конные, переходили вброд реку. Бурлила вода под шагами ратников. Звенели доспехи, лязгал тяжкий металл мечей, секир, топоров.

Так с 7 на 8 сентября 1380 года шло могучее воинство во главе с великим князем Димитрием Ивановичем, шло, чтобы покончить с ненавистным игом, освободить Русь от полона азиатских кочевников. Над суровой ратью как бы витали слова «За землю русскую», которые позже мы прочтем в замечательном памятнике отечественной культуры «Задонщина».

«За землю русскую» — так назвал свое полотно художник Андрей Плотнов, запечатлев исторические часы этой, ставшей незабываемой, переправы. Созданию картины предшествовала большая работа. Живописец неоднократно выезжал в родные ему края, где происходила грандиозная битва.

Ведь сам Андрей Иванович Плотнов родился в деревне Верхнее Павлово, а учился в районном центре Данкове, находившемся недалеко от Куликова поля. С поры детства в его кровь вошли степные ковыльные просторы, он еще в школе тщательно и истово изучал историю этой битвы. Когда же стал студентом Московского государственного художественного института и приобщился к изучению искусства живописи, им еще сильнее овладело желание рассказать тысячам зрителей о тех давних легендарных днях.

1941 год... Студент Плотнов вместе с товарищами уходит в народное ополчение, где видит воочию грозный лик Великой Отечественной. Смоленск, бомбежки, рытье окопов, страшные дни отступления, выход из окружения — все это даже по прошествии трети века давало патристический заряд, тот самый духовный накал, который нужен для создания большой станковой картины.

Живописец задолго до великой даты — 600-летия Куликовской битвы — начал работу над композицией. Не будем перечислять его уси-

ЗА РУСЬ!

лия, приложенные к изучению исторического материала, прочтению летописей, сбору стаффажа — кольчуг, шлемов, копий, топоров, секир.

Это все уже позади. Как и долгодневная непрерывная работа над эскизами, картоном и, наконец, самим холстом.

Станковая реалистическая живопись, рассказывающая полновесным, понятным, простым языком о событиях сложных и героических, — дело непростое.

Тут нужно буквально прописать, пропахать каждый сантиметр полотна. И живописец пытался это сделать. Правда, времени все же не хватало. Слишком много фигур, слишком сложна была задача.

И тем не менее заслуженного художника РСФСР Андрея Плотнова можно поздравить с успехом. Его картина была экспонирована на московской выставке.

Сам художник вспоминает, что во время этой работы чувствовал постоянно то первое и, быть может, главное впечатление, которое неожиданно посетило его в процессе подготовки, обдумывания картины.

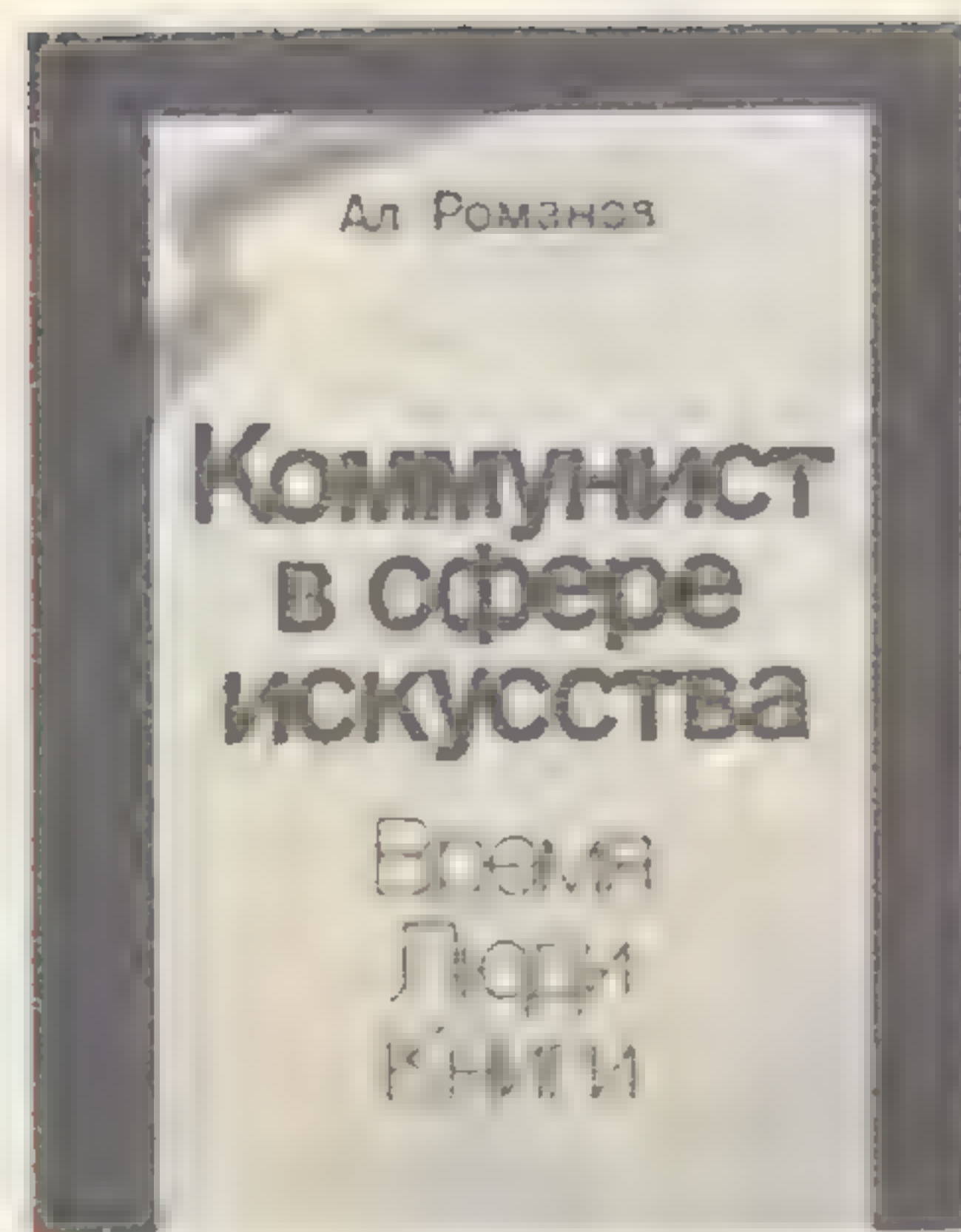
Приехав однажды, и уж в который раз, к месту слияния Дона и Непрядвы, к месту той великой исторической переправы, он увидел, как плавилось солнце, окрашивая резкими лучами извив реки, дали, облака, сентябрьское, уже осеннее небо, и мысленно представил на этом фоне уверенное, поступательное и неотвратимое движение нашего войска.

— Я люблю свою землю, Русь, — говорит художник.

Эта любовь видна не только в картинах. Она выражается и в работе по организации «Малых Третьяковских галерей». Одна из первых таких галерей была более десяти лет тому назад создана по его инициативе в родном городе.

Художник много ездил, но все-таки отчие места особенно притягательны, и потому, как только выпадает возможность, он едет в милый его сердцу Данков: чтобы ступить на землю своих предков, испить воды из Дона, вдохнуть пропитанный душистыми, ароматными травами воздух, засмотреться на утреннюю зарю, ощутить прилив сил и вдохновения.

С. НИКОЛАЕВА

ПРИНАДЛЕЖИТ ПАРТИИ

«О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством». Эти слова великого советского писателя Михаила Шолохова приводит в статье, открывающей книгу «Коммунист в сфере искусства», известный критик и публицист Ал. Романов. Они по праву могут считаться эпиграфом ко всей талантливой, по-настоящему боевой книге.

В ней три раздела: «Время», «Люди», «Книги». Первый включает в себя теоретические и публицистические статьи, связанные прежде всего с разработкой ленинского принципа коммунистической партийности как важнейшего из основополагающих принципов социалистического реализма. В третьем собраны рецензии на книги мастеров современного советского искусства, таких, как С. Юткевич, С. Герасимов, С. Образцов, Б. Чирков... Второй, основной раздел составляют статьи и очерки о выдающихся советских художниках-коммунистах: Ю. Завадском, И. Пырьеве, Ф. Эрмилере, Б. Пророкове, Н. Крючкова, Е. Дзигане, М. Ромме, К. Симонове, Г. Рошале... В предисловии автор говорит о том, что очерки эти написаны «на основе многолетнего личного общения с ними или изучения их творчества, их творческого метода». Думаю, что слово «или» здесь лишнее, так как каждый из очерков пронизан глубоким, доскональным знанием личности художника, о котором рассказывается в книге, насыщен многими неповторимыми, характерными, сугубо индивидуальными подробностями.

Как не схожи между собою характеры, художнические индивидуальности, творческие почерки людей, о которых рассказывает Ал. Романов, так не схожи друг с другом неповторимо своеобразные статьи и очерки, составляющие книгу. И вместе с тем есть нечто общее, что объединяет их, каждого из тех, о ком идет речь в книге, — это принадлежность партии, о чем говорил Михаил Александрович Шолохов. Будь то неистовый в своих поисках и дерзаниях театральный режиссер и артист Ю. Завадский, будь то страстный патриот художник Б. Пророков или словно рожденный для того, чтобы стать олицетворением положительного героя современности, актер Н. Крючков...

Чем оригинальна и привлекательна книга? Тем, что личные наблюдения, рожденные непосредственным общением ее автора с теми, о ком он пишет, органически сплавлены в ней с глубоким проникновением в творческую лабораторию каждого из художни-

ков, в их обобщающие, теоретические труды.

Характеризуя книгу Б. Чиркова «...Азорские острова», Ал. Романов пишет: «В основе ее содержания — художник и дело, которому он беззаветно предан и которое требует от него постоянного совершенствования, неустанных глубоких раздумий, физических усилий и исключительно эмоционального напряжения, потому что, как утверждает автор книги, художник не может быть ни холоден, ни равнодушен ни к жизни, ни к своему искусству».

Слова эти могут быть адресованы едва ли не любому из тех, о ком идет речь в книге. Три основных качества отличают тех художников, о которых пишет Ал. Романов: глубочайшая идейная убежденность, страстность души патриота и интернационалиста и величайшее трудолюбие, неукоснительное каждодневное служение избранному делу.

Немало страниц в книге отдано теме защиты социалистического Отечества. Его пронизаны очерк «Ясность цели. Размышления над письмами Константина Симонова», статья «Гимн нашей Победе», посвященная киноэпопее «Освобождение». Тема эта возникает при анализе творчества Б. Пророкова, Н. Крючкова, многих других выдающихся деятелей искусства. Но, как критик, отдавший своей профессии более сорока лет, и человек, прошедший фронт, я с особым волнением читал очерки «Горячее сердце», посвященный видному критику и публицисту современности Борису Рюрикову. И вся его жизнь, заполненная напряженнейшей творческой, партийной работой, и годы его пребывания на фронте — сначала в качестве специального корреспондента, затем начальника отдела, заместителя редактора и главного редактора армейской газеты, — ярчайший пример для всех, кто избрал литературную и художественную критику и публицистику делом своей жизни. Рюриков, пишет автор книги, «был журналистом-большевиком, партийным литератором, он был бойцом партии — и это было его главной отличительной чертой».

Конечно же, не только личное знакомство, впечатления от многолетнего общения определяют выбор Ал. Романовым героев для своих очерков, а прежде всего тот вклад, который внесен каждым из них в сокровищницу искусства социалистического реализма, характер и масштабы личности запечатленных им героев. Автор приводит слова прославленного кинорежиссера, создателя фильмов «Кресты», «Великий гражданин», «Она защищает Родину», «Великий перелом» Фридриха Эрмлера:

«Я считал своим партийным долгом, своей прямой обязанностью в искусстве создавать художественные образы людей, плотью и кровью которых стали высокие понятия, новые нравственные устои нового человека социалистического общества, новые этические оценки человеческих дел и поступков, честность и чистота помыслов, бескорыстная преданность делу народа, органическая потребность повседневного участия в борьбе за осуществление великих идей Коммунистической партии...»

И я решил: для того чтобы хотя бы приблизиться к решению этой высокой задачи художественного воплощения образа нового человека, я должен рассказать о борьбе партии за новое общество, показать самое дело и раскрыть средствами искусства смысл борьбы партии и значение ее.

Слова эти с полным на то основанием мог бы повторить любой из тех художников, о которых пишет автор книги «Коммунист в сфере искусства». В полной мере характеризуют они и автора книги, те задачи, которые ставил он перед собой, степень и глубину их выполнения.

Юрий ЗУБКОВ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

Ал. Романов. Коммунист в сфере искусства. М., Издательство политической литературы, 1981, 303 с.

Монумент «Навеки с Россией» установлен в Нальчике в честь 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России.

Б. СМЕРНОВ

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Два человека, мужчина и женщина, медленно поднимались в гору по каменистой тропе. И он и она заметно волновались, но оба пытались скрывать это друг от друга. Женщина шла чуть впереди, в ее движениях угадывались былая порывистость и грация — даже в том, как она, словно бы поправляя волосы, быстро стирала слезы с лица. Ее спутник шагал твердо и уверенно, изредка произносил что-то шутливое, но, отставая, незаметно прятал руку под пиджак и сильной ладонью боксера пытался сдвинуть, сдержать нервно и больно стучавшее сердце.

— Не торопись, сестра, камни от нас не сбегут, — в который раз повторял он. — Все равно мы даже не помним места, где стоял наш дом. Не спеши, Шарифат...

Он назвал ее настоящим, балкарским именем, которым ее теперь уже редко кто называл, и от этого слезы опять заполнили глаза женщины. Она с новой силой ощутила горечь того далекого, почти забытого дня, когда их с маленьким братом, осиротевших, навсегда увозили из родного села. Навсегда — потому что теперь они возвращаются, а их села, родного Мукуша, давно уже не существует...

Может быть, все происходило не совсем так. Я не ходил в горы вместе с сестрой и братом Шунгаровыми, но, думается, иначе они не могли вести себя при встрече с далеким прошлым.

— Для нас, детей, наше маленькое горное село казалось лучшим местом в мире, — рассказывает Александра Николаевна Шунгарова. — Да мы и понятия не имели, что есть какой-то другой мир. Так жили все балкарцы: вода из ручья, дом из камня, овцы на склонах... Отец наш был веселым, подвижным человеком, агитатором нового, колхозного строя. Так и умер от болезни где-то в дороге, в седле. Говорили, аппендицит был у него. По сегодняшнему дню такая болезнь — пустяк, а мы остались сиротами. Матери у нас к тому времени не было. Нашу семью все уважали, и родственников у нас было много, но два осиротевших ребенка оказались для небольшого села слишком тяжелым бременем. Мы бы, наверное, погибли, если бы не Советская власть и не тот детский дом, который открыли в Нальчике. Нам повезло, что уже шли тридцатые годы.

— А что стало с селом?

— Потом была Великая Отечественная война, а после все село поселилось внизу, на плодородных землях. А нас с братом вырастило государство, полностью взяло на обеспечение. Но росли мы порознь — война нас разбросала, четырнадцать лет друг о друге ничего не знали...

— Как же вы его нашли?

— Не я, а он меня. Рос Сахадин в Дагестане, тоже в детском доме. Получил образование, стал хорошим спортсменом. Все время искал меня — и нашел, когда я работала в Сибири, в леспромхозе под Томском. Потом мы вместе вернулись в Нальчик, я пошла работать на трикотажный комбинат, а Сахадин

стал высококвалифицированным слесарем, о нем много раз в газетах, в брошюрах писали...

Обычно журналисты, прежде чем встретиться со своими будущими героями, наводят о них справки, знакомятся, так сказать, заочно с биографиями. Но на этот раз я ничего не знал о женщине, которая вошла в кабинет парткома нальчикского трикотажного комбината «Дружба». Невысокая, уже немолодая, в простеньком рабочем халате. Помню, обратил внимание на ее руки: легкие и, видно, очень проворные в работе, сейчас они устало лежали на спинке стула.

— Познакомьтесь — одна из лучших наших вязальщиц, Александра Николаевна Шунгарова. Депутат Верховного Совета республики, член бюро горкома партии, орденосица, мастер — золотые руки, наставница, инициатор многих починов, — представила секретарь парткома Римма Ильинична Григорьянц.

...Для Шунгаровой самым страшным словом оказалось не «война», а «эвакуация». Ребят везут куда-то в неизвестность, бомбежка на полустанке — и исчезновение брата. Кто-то сказал, что его убило... Потом Сибирь, один детский дом, другой. В суматохе затеряны документы, кто-то восстанавливал их по памяти — и в них теперь уже Шарифат Иналуконна именовалась Александрой Николаевной... Горькая стала сибирячкой.

— В детском доме села Лаптев Лог в Алтайском крае я прожила до 1951 года, это моя вторая родина, — рассказывает Александра Николаевна. — И, знаете, несмотря ни на что, это тоже были счастливые для меня годы. Все, с кем я училась, — родные мне люди, директор детдома Любовь Ефимовна Сивкова стала мне второй матерью. Урок ее доброты теперь во мне на всю жизнь, он и сегодня во всем, что я делаю...

Дерево доброты не бывает бесплодным. На комбинате «Дружба» я пробыл не так уж долго, но записал о Шунгаровой столько хороших слов, сколько, пожалуй, об ином человеке за год не услышишь. Говорили о том, что «наша Шура» — так ее называют почти все — вечно о ком-то хлопочет, чего-то добивается. Вокруг нее всегда полно учениц, хотя сама работает на двух станках, первой на предприятии начала так работать и других научила. Ее, как депутата, как общественницу, постоянно куда-то вызывают, загружают, но в цехе за нее никто не «гонит план»: если Шунгаровой днем на работе нет, значит, придет вечером, после смены, но свою норму обязательно выполнит — да еще на 150—200 процентов! Ей не раз предлагали должности посолднее — заслуги, огромный опыт, в институте училась! — но она ни за что не хочет уходить от станка. Ей не раз предлагали и новую квартиру, но она неизменно отказывается в чью-то пользу и ездит через весь город, с тремя пересадками, в свой двухкомнатный домик-временку в поселке Хасанья.

— Зато здесь всегда под рукой материалы для депутатской работы, — смеется Шунгарова. — Все проблемы перед глазами — ремонт дорог, автобусы, водопровод, благоустройство. Потом садик у меня есть...

— Да ей от этого сада только хлопоты! — перебивает Шунгарову Римма Ильинична. — Постоянно с собой на работу полные сумки таскает, весь цех ее яблоками и грушами угощается! Груши у нее — чудо...

— А я люблю, чтобы все вокруг смеялось! — признается Александра Николаевна. — Меня и в детском доме заводилой звали. Люблю музыку, люблю петь, танцевать. Не люблю хитрить, не умею мстить, зла не помню. Я и дочку свою всегда учу тому, чтобы ее сердце было к людям отзывчивым. Не для того, чтобы люди потом ей добром платили, а чтобы была, как я, счастливой...

Рядом с Александрой Николаевной Шунгаровой — всегда молодежь.

Звеньевому механизаторов колхоза «Красный Кавказ» Хамидби Гуту еще не исполнилось и тридцати лет, но в своем Баксанском районе да и во всей Кабардино-Балкарии он давно уже завоевал славу одного из лучших кукурузоводов. С детских лет работая в поле, Хамидби усвоил опыт передовых земледельцев республики и сейчас из года в год получает отличные урожаи. Хамидби Гуту — депутат Верховного Совета СССР, член обкома комсомола, лауреат премии Ленинского комсомола, он награжден орденом Трудового Красного Знамени. ▶

Нальчик — столица Кабардино-Балкарской АССР.

ДЕРЕВА ДОБРОТЫ

ДРАЧУНЫ

Михаил АЛЕКСЕЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Вернусь, однако, к нашим с Ванькою заботам. Потребовались целых две недели для того, чтобы мы смогли набрать конских волос столько, сколько нужно для оснащения сразу шести удочек, по три, стало быть, на брата, — но это уж была большая победа. Значение ее можно оценить полною мерой лишь тогда, когда вспомнишь, что таких удочек ни у кого из наших сверстников нет и быть не может. Правда, есть они у Макара Павловича (у него-то мы их и подсмотрели). Но знаменитый этот рыбак был не в счет, ему вообще не было равных не только в нашем селе, но и во всем, пожалуй, Нижневолжском крае, и он проходил в нашей честолюбивой игре как бы вне конкурса. У хитрого Макара были и свои, непохожие на чьи-либо другие, удочки, и свои хорошо обслеполенные, выверенные практикой и подготовленные места на Баланде, Медведице, на их старицах и дочерних речушках, откуда он ни разу не возвращался без богатого улова.

Были случаи, когда мы втроем (Ванька Жуков, Гринька Музыкин и я), улучив момент, когда рыбак вернется домой и завалится соснуть часок-другой, во весь дух бежали к его заповедным местам, рассчитывая на верную удачу. Но рыба то ли оттого, что успела к этому времени хорошенько поджариться от Макаровой приманки и ушла теперь, по примеру старого рыбака, на отдых, то ли оттого, что наживка у нас была не та (кроме дождевого червя, мы ничего другого и не могли предложить ей), то ли рыбешка видела, что на берегу маячили незнакомые люди, — не знаю отчего, но она начисто игнорировала наши удочки: в течение часа (на большее и не хватило бы нашего терпения) поплавки торчали в унылой и безнадежной неподвижности; кончалось тем, что Ванька запустит в них палкой и первым начнет сматывать свои удочки.

Было и такое, что на обратном пути встречались с Макаром Павловичем, и тот, мгновенно сообразив, откуда мы идем, осведомлялся: «Ну, как улов, рыбаки?» «Никак!» — отвечал за всех за нас Ванька, угнув голову и прибавляя ходу. «Неужто ничего не пымали? Ай-ай-ай, што же это она, мошенница, нейдет к вам?» — кричал он нам вдогонку и шел дальше, неся какое-то время в своих глазах, но дольше в усах, ухмылку, в общем-то добрую, незлобивую, но горькую и обидную для нас: мы ведь догадывались, что она в такую минуту непременно должна у него быть, эта ухмылочка.

Однако неудачные наши вылазки в обжитые Макаром Павловичем места совершались тогда, когда у нас не было еще более совершенных рыболовных снастей. Вскоре мы вовсе отказались от таких набегов и рыбачили там, где рыба не была избалована разными лакомствами: ни размоченными зернами пшеницы, ни гречневой кашей, ни кусочками теста, сдобренного конопляным,

пахуче приманчивым маслом, ни размолотым жмыхом, ни бог знает какими еще придумками иных рыбаков, доходивших даже до изобретения неких инкубаторов для взращивания опарышей — так, для благозвучия, что ли, для подавления в себе и в других естественного отвращения и брезгливости называли они тошнотворно пахнущих белых червячков, в небывало короткий срок возникающих в огромных количествах от посевов, производимых большими зелеными мухами на тухлой рыбине.

Окуни, ерши, верхоплавки, красноперки, пескари, щурята, подлещики и судачки-маломерки, на которых прежде всего и нацеливались наши лишенные всяких премудростей удочки, были неприхотливы и довольствовались тем, что мы подсовывали под их носы, а именно — дождевым червяком, о котором сказано выше. Но и эти рыбины все-таки были осторожны, и толстая, сделанная из суровых ниток леса их отпугивала; пренебрегали они собственным страхом лишь тогда, когда были уж очень голодны. Сейчас тонкая и по цвету сливающаяся с водой леса давала бы нам гарантию если не на богатый, но все-таки улов, — вот почему мне и Ваньке не терпелось испытать на реках свои удочки и даже вновь наведаться к Макаровым местам.

Но, повторяю, нам так и не удалось сделать это, потому что с темного до темного, от зари до зари, а то и с ночевкой, школьники находились в поле, сперва вели неравную битву с сорняками, которые, как сорвавшиеся с цепи псы, набросились на колхозные посевы. Очень знакомый моим рукам осот, с которым и раньше мы обычно сражались на своих полосках, когда он пребывал еще в младенческом возрасте и кололся лишь в меру нашей терпимости, теперь, воспользовавшись нераспорядительностью бригадиров, успел вымахать в великанский рост, утопил под собой всходы яровых и, приготовившись к обороне, ошестинился во все стороны, как штыками, заматеревшими колючками, — кое-где к осоту присоединились и татарник, к которому и в рукавицах не подступишься. Это было, по сути, вражеское нашествие, вызывающее на смертельную схватку, потому что грозило юному, неокрепшему, малоопытному коллективному хозяйству гибелью.

Поняв это, районо, по согласованию с вышестоящими инстанциями, разрешило прекратить занятия в школе на две недели раньше срока с тем, чтобы ученики смогли выйти в поле на борьбу с опасным врагом. Старый учитель Иван Павлович Наумов и окончивший в прошлом году институт его сын Виктор Иванович, которому отец надеялся передать новую семилетнюю школу, вывели всех ребят до единого, не сделав исключения и для первоклассников, что было вполне естественно, ежели вспомнить, что на селе людей приобщали к труду земледельца чуть ли не с пеленок, что шестилетний мальчишка — это уж работник, помощник отцу-кормильцу. А что же говорить об учениках, если в школу принимались дети, достигшие восьми лет от роду, когда они уже успели хорошо освоиться со множеством крестьянских дел и исполняли их не хуже отцов и старших братьев.

Во всяком случае, клич, брошенный нам, чтобы всеми классами одновременно выйти на спасение хлебов, никого из нас, школьников, не удивил и не испугал: мы ринулись в сражение шумно и весело, радуясь тому, что вырвались наконец на волю, что не нужно до будущей осени ходить в школу, заучивать наизусть стихотворения, выпол-

нять домашние задания, решать задачки, сжиматься в страхе господнем перед всепроникающим взглядом Кота и видеть доброе, печальное лицо Марьи Ивановны, когда ты не приготовил урока и когда она каким-то образом догадывается об этом и не подымает тебя за парту лишь из жалости, беря грех на свою душу и страдающая от этого, — теперь все это позади, потому-то мы так азартно и бесстрашно вышли на решительный бой с извечным недругом земляпашца.

Правда, к вечеру боевой дух наш несколько спадал, шел на убыль, руки слабели, в них не было прежней ярости и задора, к концу дня на ладонях и пальцах появлялись кровавые мозоли, боль от которых усугублялась страшным зудом, будто мы выдергивали голыми руками не осот и молочай, а крапиву. За долгий до бесконечности день успевали выволить из плена что-то около пяти-шести гектаров, — это очень мало: под пшеницу и ячмень колхоз отводил более двух тысяч гектаров, или десятин, как их называли по старинке мужики. Управившись с посевами поздних культур взрослых, в том числе и старики, такие, как мой дедушка Михаил, тоже вышли в степь, и совместным, соединенным усилием хлеба были в основном спасены.

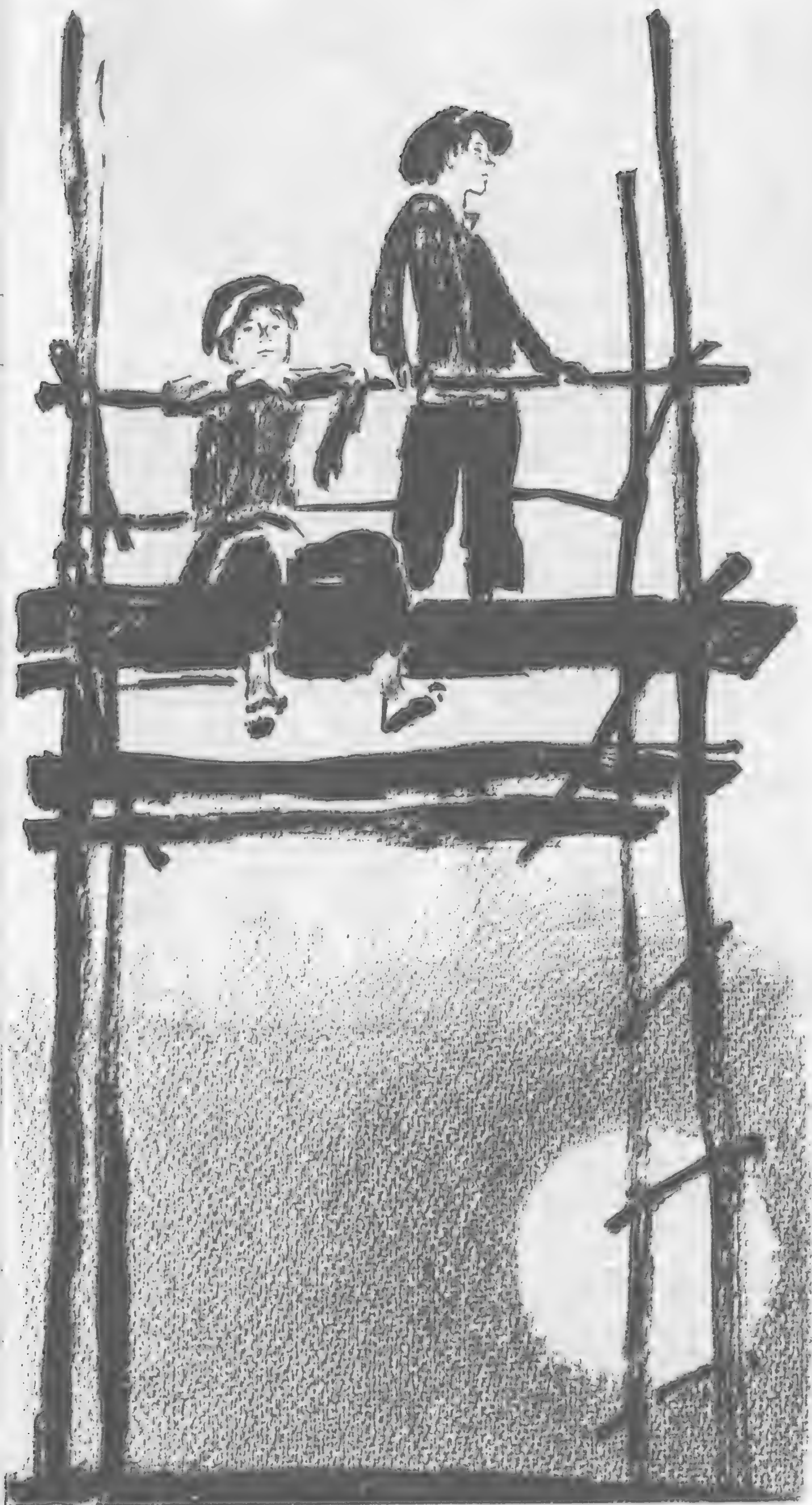
Однако учеников последнего, то есть четвертого для старой школы, класса с полей не отпустили: для них в разных концах построили караульные вышки, создали отряды «легкой кавалерии по охране урожая» и заставили сторожить сначала рожь, а потом пшеницу от «кулацких парикмахеров», как окрестил мастер на подобные выдумки Воронин-старший злоумышленников, коим взбрело бы в голову выйти в созревающие хлеба с ножницами и настричь колосье.

Мы с Ванькой попросили, чтобы для нас оборудовали площадку на землемерной вышке, которая стояла на вершине Большого мара и с которой можно обозревать степь во все стороны на огромном пространстве. Во все это время домой мы не приходили — оставались на своем важном посту и ночью, хотя и не совсем понимали, для чего и кому это нужно: летние ночи и при луне были темным-темны, а в безлунье и того паче, так что гляди хоть во все глаза — все одно не выступишь и не увидишь никакого «парикмахера». Признаться, нам и днем-то один лишь раз довелось высмотреть его и задержать, и мы немало подивились тому, что «кулацким парикмахером» оказался Карпушка Котунов, числившийся у Воронина в активистах. Поначалу он отпирался, уверял нас, что забрел сюда для того, чтобы вылучить несколько колосков, чтобы определить будущий урожай, район-де востребовал такую сводку, но, перехватив Ванькин взгляд, вперившийся в лежащий в сторонке мешок, наполненный чуть ли не до краев колосками, остановил на полном скаку свою бойкую речь и чистосердечно признался:

— Каюсь, ребяташки, это я того... настриг маненько. Не хватило хлебушка до будущава урожая, кусать дома нечего — ни пылинки в сусеках. Прошлое-то лето почесть все проболел, а Маланьиных трудодней кот наплакал, сколечко мы на них получили — горсть одну!.. Так што вы уж пощадите мою дурну голову, Воронину-то не сказывайте. Ить он, зверь, уекет за решетку — у него рука не дрогнет!..

И мы отпустили мужика, не отобрав даже у него мешка с ржаными колосьями, посоветовали только, чтобы он дождался ночи и уж только тогда возвратился домой со своим опасным грузом: нам было довольно и

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—34.

того, что Карпушка струсил порядком, что он до смерти испугался — значит, мы с Ванькою представляли грозную силу, колы нас так страшатся взрослые мужики; Карп Иванович мог бы ведь поступить и по-иному, так, скажем, как поступил бы в таком разе Ванькин или мой отец — надавал бы нам по шеям, чтоб не совали свои носы куда не следует, да и плакать не велел, строго-настрого приказал бы помалкивать в тряпочку, — и мы, пожалуй, так бы и поступили, промолчали бы. А тут человек попросил слезно, чтоб не выдавали, — можно ли такого обидеть?! Удовлетворившись его клятвенным обещанием оставить это занятие, мы спокойно, с сознанием честно исполненного долга, вернулись на вышку, встали там во весь рост, оглянулись вокруг и сами показали себе и выше и значительнее.

С помощью легко воспламеняющегося возбуждения мы без труда смогли бы возвести себя в положение бесстрашных воинов, но вспомнили, что у нас нету никакого оружия и что любой «парикмахер», пожелай он этого, мог бы взять нас голыми руками. В прошлые ночи мы как-то не подумали об этом и просидели на вышке, не сомкнув глаз, в общем-то спокойно. А в нынешнюю, которая приползла к нам вслед за уплывшим за гору оранжево-красным солнцем, стало вдруг страшновато и оттого забько и на душе и на теле. Прижавшись плотнее друг к другу и согреваясь таким образом, мы напряженно прислушивались ко всем шорохам, которых прежде не улавливали и которые сейчас были отчетливыми и пугающими. Пролетевшая рядом сова черкнула по нашим расширившимся глазам тенью своего бесшумного лохматого крыла и заставила вздрогнуть. «Тю ты, шалава!» — вырвалось у Ваньки, и, желая скрыть от меня свой страх, он ненатурально засмеялся. Где-то посреди ночи, в самую, значит, глухую пору нам почудилось, что к подножию мара подкралась волчья стая, мельтешившие внизу, под нами, зеленые огоньки показали их глазами; прежде чем мы сообразили, что никакие это не волки, а обыкновенные светлячки, — прежде этого натерпелись такого страха, что долго не могли потом унять охватившей нас дрожи. Забредшая во ржи чья-то блудливая, отбившаяся с вечера от стада корова была принята нами за большую артель «кулацких парикмахеров», организовавших набег на колхозные поля; цепenea от ужаса, мы решали про себя, что нам делать: подымать ли шум, чтобы нас услышали ночующие в тракторной будке у Правикова пруда мужики, или затаиться, прикинуться, что нас тут и нету вовсе. В конце концов, не сговариваясь, решили поднять тревогу. Первым заорал истощенным голосом Ванька:

— Дяденьки-и-и, скорее — к нам! Во ржах во-о-о-ры-ы-ы!!!

Прокричал что-то вслед за другом и я.

Корова, как всякий вор, оказалась очень трусливой; похоже, сделало ее такой частое и вполне заслуженное знакомство с кнутами и кольями на чужих дворах, полях и огородах. Заслышав наши панические, отчаянные крики и приняв их на свой счет, она испуганно взмыкнула, развернулась и темною громадиной покатила мимо нас под гору, в сторону села.

— И-ех, корова! — воскликнул Ванька, вытирая подолом холщовой рубахи выступивший на лице пот, и, помолчав, спросил: — Ты струсил?.. Скажи, струсил?..

— А то нет! Конечно, струсил да еще как! — признался я, понимая, что такое мое признание было нужно Ваньке, чтобы как-то скрасить свою неловкость.

Хмыкнув, он с очевидной охотой сообщил:

— А я, Миш, того, чуть было в штаны... От стерва, откуда ее черти принесли?.. Чья она, как ты думаешь?

— Кто ее знает... Может, ваша Пестравка. У вас она отбойная. Мать твоя жаловалась.

— Нет, свою-то бы я признал, да и она б меня узнала по голосу.

Гаданье относительно того, какому двору принадлежала шальная коровенка, натов-

рившая шкоды побольше мифических «парикмахеров», на время отвлекло нас от других шумов и шорохов, которых было немало в ночной степи, и, заметив на востоке, за Чаадаевской горой, сперва узкую, а затем все расширяющуюся, расплывающуюся во все стороны алую полосу, мы приободрились, воспрянули духом, а когда совсем рассвело, уговорились меж собой нынче же сбегать в село и вместе с харчами запастись каким ни то боевым оружием. Рассчитывать на то, что нам кто-то даст настоящее ружье, мы, разумеется, не могли, но найти ему замену было в наших возможностях. Для отпугивания коров и диких кабанов, навешавших по ночам колхозные овсы, у нас были трещотки собственного изделия, были и колотушки, с которыми, бывало, ходили по селу ночные сторожа, — их тоже можно прихватить; против же «парикмахеров» можно употребить обломки косы, из которых мы сделали сабли, очень похожие на всамделишные, заводские. Пожалел я, вздыхал украдкой от Ваньки, вспомнив про злополучный пугач, купленный мною за полтинник на ярмарке и разломившийся пополам от первого выстрела, — как бы он теперь пригодился! Стрельнули бы разок в темноте — все бы стригуны-парикмахеры вмиг разбежались!..

Так или иначе, но хлеба были сохранены. Не думаю, чтобы решающую роль тут сыграла наша «легкая кавалерия», но именно она была на ту пору героиней. Для этого хорошо постарались и местные и районная пионерские организации. В конце уборочной страды, в которой мы, дети, приняли самое активное участие, в Баланде был проведен слет бойцов «легкой кавалерии» (кстати, до сих пор не могу взять в разум, откуда явилось это название — коней у нас не было, может быть, имелись в виду наши мальчишеские ноги, которые по шустроту лишь самую малость уступали лошадиным). Первый раз в жизни я был участником такого торжества, такого шумного, пестрого, яркого праздника. На затянутой кумачовой материей трибуне стояли районные руководители, в их числе и самый главный, первый секретарь райкома партии. Кто-то успел подвзвать ему новенький пионерский галстук, затем такие же пламенные полоски оказались на других стоявших на трибуне и на всех на нас, заполнивших центральную площадь поселка, против памятника Владимиру Ильичу Ленину, поставленного совсем недавно. Речей, которых было произнесено очень много, я почти не слышал, потому что был оглушен бурно стучавшим сердцем и прихлынувшей к ушам кровью. Венцом торжества было награждение пионерскими костюмами (костюм этот состоял из белой ситцевой маечки и синих сатиновых трусиков). Награды вручались ребятам, наиболее отличившимся в охране урожая.

Когда были названы мое и Ванькино имена, мы переглянулись и покраснели, вспомнив о Карпушке, которого отпустили с мешком ржаных колосьев, и о корове, которую приняли за отряд «кулацких парикмахеров». Шли к столу, взявшись за руки, и я чувствовал в своей ладони горячую и вспотевшую от волнения Ванькину ладонь. Не помню, кто вручал нам маленькие свертки, что говорил при этом, помню только, что вся кровь, струившаяся по всем жилам, кинулась в лицо; сердце застучало у самого горла, затруднив дыхание; глаза осветились небывалой, неслыханной радостью, ни прежде и никогда после не испытанной мною. Счастье было огромное и полное, может быть, еще и оттого, что не обойден наградой и почестями и Ванька и что произошло все это в момент, когда между нами наступил желанный мир, вернувший нам дружбу и распахнувший, как нам казалось, широкие и светлые дали.

Мы не знали и не могли знать в тот ясный осенний день, что стоявший уже у порога год 1933-й приготовил для нас испытания куда более тяжкие, чем те, через которые мы уже прошли.

Так, не выпуская из своей руки руку вновь обретенного друга, мы не прошли — пробежали семнадцать верст, отделявших районный центр от нашего села. Мы б жи-

мали эти руки еще крепче, еще горячее, если б знали, как они пригодятся нам, когда начнется новая битва — битва за то, чтобы отстоять свои маленькие и хрупкие жизни на родной земле. Но мы ничего не знали и не хотели знать, потому что до краев были наполнены ощущением праздника, которое хотелось бы сохранить как можно дольше в сердце.

Хоть и было свежо под вечер, когда впереди показались первые избы Монастырского, мы все-таки поскидали с себя прежние доспехи и облачились в новенькие пионерские костюмы. В сравнении с рубахой и штанами, сотворенными мамой из ею же ситканного холста, фабричное одеяние показалось мне таким легким, что я не чувствовал даже его прикосновения к телу и сам уж казался себе каким-то нереальным, невесомым. Свернув холщовое облачение в жесткий комок, небрежно сунул его под мышку и, неблагодарный, готов был вообще закинуть его куда-нибудь подальше, позабыв, чем ему обязан. Ведь эта несокрушимая, как кольчуга, рубаха служила тебе верой и правдой как летом, так и зимой; она не рвалась, не расползалась, когда ты лазал по деревьям, опустошая грачиные, сойки и пустельжиные гнезда; рубаха спасала тебя от верной смерти, когда ты сорвался с вершины высоченной ветлы и где-то уж у самой земли, встреча с которой не сулила тебе ничего хорошего, зацепился подолом за сучок и повис над верной своей могилкой за какой-нибудь миг до рокового исхода; штаны не протирались ни на коленках, ни в других особенно нежеланных местах, когда ты ерзал по обнаженным кирпичам печки и ползал ночами по чужим бахчам и огородам; рубаха принимала за пазуху любой твой груз — гороховые ли стручки, яблоки, груши и даже небольшие арбузы и дыни, и не выпрастывала себя из штанов, когда ты во весь дух убежал от огородного, садового или бахчевого сторожа и когда на голом твоём пузе трепыхалась, как живая, твоя незаконная добыча.

Был лишь один случай, когда самотканка здорово подвела, предательски подставила мой зад под жгут крапивы, примененной караульщиком в качестве оружия для вразумления таких вот добрых молодцев, как я. Рубаха зацепилась за кол в тот критический момент, когда я собирался, убегаючи, перемахнуть через плетень, чем не преминул воспользоваться Спиридон Сорокин, отец Михаила Сорокина, прежнего нашего председателя. Пока я трепыхался на плетне в тщетной попытке сорваться с кола, сторож успел надергать старой, особенно колючей в таком возрасте крапивы и, приспустивши мои штаны, прошелся со всем возможным усердием крапивным жгутом по моим ягодицам.

Но то было чрезвычайное происшествие, чэ-пэ, как бы мы теперь сказали, и его едва ли стоит принимать в расчет. Заслуг у холщовой моей sprawy было несравненно больше: чаще всего лишь ею я и мог прикрыть свою наготу; надобно иметь в виду, что почти у всех деревенских ребятшек моего и Ванькиного возраста во все времена года не было исподних ни рубашек, ни трусиков, ни тем более кальсон, — самотканые штаны и рубахи — единственное, что нам нашивалось с весны до поздней осени, до белых мух, как говаривал дедушка Михаил, то есть до самой зимы; да и зимою на нас были все они же, эти сверхносские мамины произведения, прикрытые какой-нибудь драгой шубейкой или сострепанным из лоскутков овчины пегим пиджачишком (последнее обычно шил для меня, по слезной просьбе моей матери, старик Равчеев, дальний наш родственник по отцовской линии, замечательный портной, на всю зиму поселявшийся у нас и портняжничавший). Много хорошего можно было бы сказать о наших великолепных штанах и рубахах, и все-таки вот сейчас я, например (да, кажется, и Ванька тоже), легко расстался с ними, потому что не терпелось увидеть себя в обновке.

Перед тем как вступить в село, мы повернулись друг перед другом, придирчиво оглядели — он меня, а я его, поправили

майки, откусили нитки там, где они высывались (фабричное клеймо, разумеется, сохранили), вскинули подбородки, согласно шмыгнули носами и, донельзя счастливые, двинулись вперед. Чтобы подразнить других ребятшек, не увенчанных такими наградами и почестями, нарочно избрали самый длинный путь к нашим дворам. Околесив село дважды, мы дали людям налюбоваться нами вдоволь, и только уж потом направились домой. Однако я и тут не удержался, чтобы не заглянуть сперва на дяди-Петрухин двор и не покрасоваться перед родственниками, — Ванька отнесся к этому с полным пониманием и не отставал от меня. Зато и я не был против того, чтобы, продолжая свое путешествие, мы сначала заглянули в Ванькин дом, а затем уже в мой: что подделаешь, каждому из нас хотелось предстать в таком виде и перед своими родными и перед родными своего товарища.

Плескавшаяся через край радость требовала, чтобы мы поделились ею с другими, что мы и делали и в тот день и в последующие. У моей матери сорвалась слеза, и она страшно смутилась, увидав на костюме сына расплывавшееся пятно, — уголком платка тотчас же его промокнула. Дедушка уселся поосновательнее на лавке, поманил пальцем к себе и, подхвативши меня с боков руками, стал медленно поворачивать перед своими глазами, довольно мурлыкая, за пламенный язычок галстука даже легонько подергал. Вернувшийся с полей Ленька не был допущен ко мне вовсе: мать опасалась, как бы он не обнял меня от избытка чувств и не испачкал обновы.

— Тоже мне герой! Ишь вырядился! — лукнул он в мою сторону, но в голосе его мне почудилась скорее зависть, чем обида. Увернувшись ловко от мамы, он все-таки вознамерился было облапить меня, но тут уж вступился дедушка, вставший перед Ленькой грозной, непреодолимой стеной.

— Только дотронься, мошенник! — пригрозил при этом старик. — Видишь, на стене череседельник?.. Это вин тебя ждет. Я ить не погляжу, шо ты такой вымахав, отшлепаю за милу душу!.. Так шо видчепись от Михайла!..

Ленька скользнул озорнувшим глазом по череседельнику, который действительно висел на гвозде у стены, и «видчепився», повернувшись к матери, попросил:

— Мам, вытащи из печки чего-нибудь. Жрать до смерти хочется.

Ванька еще раньше убежал к себе или к своему дяде в Непочетовке, — не знаю точно куда, не проследил: было не до того, я в третий раз собирался совершить путешествие по селу, проведать всех остальных друзей, и прежде всего, конечно, Мишу Тверскова: вот он-то уж будет рад по-настоящему моей награде. Покажусь я не в последнюю очередь и Яньке Рубцову, главным образом потому, что этот скупердый и трусишка наотрез отказался вступить в нашу «легкую кавалерию» и вот теперь лускай посмотрит, какой великой потерей заплатился он за это. Забегу потом и к Кольке Полякову, и к Миньке Архипову, живущему по соседству с Колькой, и к Петеньке Денисову-Утопленнику и под конец к Гриньке Музыкину-Тверскову (этому в награду за то, что он в самом начале взял мою сторону в наших драках, дам несколько конфет-подушечек, обнаруженных нами в маленьких кулечках, спрятанных районными товарищами в свертках вместе с пионерскими костюмами). Дам по одной конфетине и другим, окромя Яньки: этому — шиш с маслом, я еще не забыл нашей с ним рыбалки, где Янькина скупость проявилась особенно отчетливо.

В этом походе меня сопровождал Жулик. Он, как и дедушка, хорошенько обнюхал прежде всего галстук, встав для этого на задние лапы, а передними упершись по обыкновению в мою грудь. Но этим не ограничился: тщательно обнюхал, обследовал и трусы, и майку, и только уж потом выбежал вперед, чтобы с почетом провести меня по селу и, если в том возникнет нужда, защитить.

Продолжение следует.

Рабочий разговор. Делегат XXVI съезда КПСС, бригадир токарей Герой Социалистического Труда С. С. Скрынник (справа) беседует с молодым фрезеровщиком И. Коновалом.

В одном из сборочных цехов завода электронных микроскопов имени 50-летия ВЛКСМ.

Л. А. Бондаренко — депутат Верховного Совета СССР, монтажница радиоаппаратуры для микроскопов.

ОХОТНИКИ ЗА МИКРОНАМИ

С. КАЛИНИЧЕВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Мы с любопытством рассматриваем увеличенные снимки знакомых предметов: волос, похожий на мощное корневище, или пылинку, сверкнувшую в косом луче солнца, — при увеличении, она выглядит кристаллической глыбой... И уже менее интересен (для человека неискушенного, конечно) «портрет» вируса или клетки. Нам их не с чем сравнивать, мы не видели «оригинала».

Создание электронного микроскопа позволило человечеству сделать рывок в микрокосмос, рассмотреть в ничтожных долях живой ткани или неорганических веществ целый мир со своими законами и особенностями. Войдя в этот мир, ученые стали накапливать информацию, которая требовала постановки и решения все новых задач. Ведь интерес к тайне возрастает по мере приближения к ней. Вот почему появление первого электронного микроскопа на первом и единственном в нашей стране специализированном заводе в украинском городе Сумы стало не окончанием большой работы, а лишь ее началом.

В те времена, когда шло становление завода, в его цехах работало в семь-восемь раз больше инженеров, чем рабочих. Сотрудниками завода были зачислены по совместительству ученые Москвы, Ленинграда и других городов. И все же с тем, первым микроскопом, который позволял увидеть предмет увеличенным в 90 тысяч раз, нынешнюю продукцию даже не сравнивают — между ними целая эпоха. Только в десятой пятилетке коллектив завода освоил 28 образцов новых приборов.

В его цехах и лабораториях трудится многотысячный коллектив. Но здесь нет конвейеров, поточных линий, в помещениях подчеркнуто строгая чистота, люди работают в белых халатах, и не всегда даже определишь: цех это или лаборатория. Приборы выпускаются небольшими сериями — шесть — восемь изделий; и вот уже на подходе другая конструкция, учитывающая самые последние достижения науки и техники.

В лаборатории структурных исследований мне показали целую серию приборов: ультразвуковую «пушку», вакуумные и холодильные камеры, без которых к электронному микроскопу и не подступишься.

— Чтобы взглянуть на кусочек живой ткани или образец металла, его под микроскоп так просто не положишь, — рассказывает начальник лаборатории Иван Иванович Чемерис, — надо его еще раздробить, чтобы приготовить тончайшую пленку, или сделать срез, который невооруженным глазом не увидишь. Живую ткань для этого надо либо заморозить, да так, чтобы кристаллы льда не нарушали внутреннюю структуру, либо найти какой-то иной способ аккуратно просветить предельно тонкий слой. Часто исследователи изучают не сам образец, а так называемую «реплику». Чтоб ее получить, на образец живой ткани, металла или жидкости, замороженной до минус 196 градусов по Цельсию, напыляют тончайший слой золота либо платины. Получается своего рода маска, повторяющая все мельчайшие подробности поверхности. Вот эту-то маску и просвечивают электронным лучом, в миллионы раз увеличивая самые потаенные особенности внутреннего строения.

Должен сказать, что при рассказе о делах сумских приборостроителей ощущаешь нехватку слов для описания тех мизерных величин, которые должно увидеть изготовленное их руками электронное око: микроскопиче-

ские, микронные... нет, не то! Их приборы позволяют увидеть частицы величиной в одну десятитысячную долю микрона!

...Бригада токарей, которой руководит Станислав Самойлович Скрынник, вот уже четвертый год работает на единый бригадный наряд. Это коллектив, которому можно поручить любое задание. Но главная их работа — полюсные наконечники для линз, так сказать, сердце электронного микроскопа. Они, собственно, и формируют тончайшее жало электронного луча.

Станислав Самойлович пришел на завод уже опытным токарем, но здесь понадобились новый опыт, теоретические знания, сверхчуткие истинного «охотника за микронами». Достаточно сказать, что погрешность в обработке наконечников не должна превышать трех микрон! Эту погрешность можно обнаружить только в специальной лаборатории.

Многие инструменты и приспособления токари изготавливают сами, потому что для их работы промышленность инструментов не выпускает. Я с удивлением узнал, что они на своих станках обрабатывают и стекло.

— Ну, это просто... — сказал Станислав Самойлович. — Зажимаешь стеклянную палочку, вместо резца — пружинящий латунный притир, подбираешь пасту...

По его словам выходило, что стекло — мягкий и податливый материал, а приспособления для своей главной работы он изготавливает вроде бы между делом.

— В нашей бригаде токари только пятого и шестого разрядов, и у каждого личное клеймо. Живем мы дружно: ведь уже не первую пятилетку работаем вместе. А с Василием Слинько больше двадцати лет рядом. Одна беда — станки у нас все те же, а требования к точности возросли в несколько раз. Так что без новых знаний, опыта, творческого отношения к делу каждого члена бригады мы бы просто не смогли работать.

Такая же творческая обстановка характерна и для цеха, где он работает, и для всего заводского коллектива. За годы минувшей пятилетки в цехе, в котором трудится Скрынник, внедрено около двухсот новых технологических процессов, внесены коренные изменения в технологию производства.

Станислав Скрынник без отрыва от производства окончил машиностроительный техникум, он Герой Социалистического Труда, член бюро обкома партии, депутат городского Совета. Но главная его забота — бригада. Десятую пятилетку они завершили на десять месяцев раньше срока, почти на двадцать процентов превысив плановый рост производительности труда.

На заводе нередки случаи, когда в цехах работают целыми семьями. У Любови Александровны Бондаренко, например, здесь трудятся три брата, тетки, дядя и другая родня. О заводе Люба слыхала с детства и, когда окончила школу, не долго раздумывала, куда пойти. Конечно же, на завод. И вот уже восьмой год она трудится в цехе монтажа радиоаппаратуры все в той же бригаде Леонида Кочубенко, все у того же мастера.

Я был на участке, где она работает. Сосредоточенные лица, склоненные над монтажными столами, тишина. У каждой работницы свой пульт, как небольшая мастерская, где все под рукой: пинцет, щипцы, паяльник, теплоотводы. Стабильность в работе, высокое качество продукции позволили коллективу завоевать первенство в предсезонном соревновании и получить звание бригады имени XXVI съезда КПСС.

В этой бригаде Любовь Бондаренко хорошо изучила радиосхемы, научилась разбираться в радиоэлектронике, стала одной из лучших работниц завода. Молодой работнице оказана высокая честь: она избрана депутатом Верховного Совета СССР.

Новая пятилетка поставила перед приборостроителями новые, весьма сложные задачи. Четырнадцать лет назад сумчане впервые завоевали классное место в социалистическом соревновании среди предприятий отрасли, несколько раз выходили победителями, но ниже третьего места ни разу не отступали.

И не собираются отступать.

Сергей ВЫСОЦКИЙ

Фото автора

Память прихотлива. Бывает, что через долгие годы в ней остается самым ярким воспоминанием от поездки в незнакомый город или даже страну событие, казалось бы, совсем незначительное: разговор с крестьянином, пригласившим тебя в дом выпить стакан молодого вина; внезапно открывшийся из-за поворота вид на старинную крепость; орел, парящий в безоблачной синеве над горами. Или почудится вдруг красивая песня, которую услышал, засыпая после трудного пути в маленькой гостинице прибрежного городка.

Когда я думаю о Праге, то всегда вспоминаю Градчаны, Пражский Град.

Раннее летнее утро. Пустынные улочки и площади Малой Страны, которые через час-полтора заполнятся толпами туристов, их разноязыким гулом.

Поднимаюсь по Новой замковой лестнице на Почетный двор и вдруг вижу справа от дворцового корпуса небольшой, крытый медной крышей вход. Маленькую калитку. Сколько ни бывал в Градчанах, никогда не замечал ее. За калиткой сад. Тихий. Умытый. С влажными от росы цветами. Ни души. Не шелестят замершие в безветрии каштаны.

Кремлевские сады, Райский и сад «На валах». Когда-то здесь были построены башня для трубачей и королевская баня. Чуть дальше два обелиска. Любопытные это обелиски. Поставлены они на месте падения королевских наместников, выброшенных из окон дворца руководителями восстания Чешских сословий.

Останавливаюсь у каменного парапета, и Прага, столбашенная Прага, предстает перед глазами во всем своем спокойном великолепии. Сизая дымка смягчает очертания островерхих соборов, над Влтавой еще клубятся зайчики утреннего тумана, и маленькое суденышко лениво скользит по воде. И вдруг понимаешь, что тебе не хочется никуда отсюда уходить. Вот так бы стоять здесь да стоять час за часом, впитывать в сознание образ прекрасного города, узнавать среди многих других башен уже знакомые тебе старгородскую ратушу, храм св. Микулаша. Глядеть на Карлов мост, на красные черепичные волны старгородских крыш и восхищаться талантом и трудолюбием народа, создавшего этот чудный город.

«От века стоишь ты, мать наших городов, и каждый век украсил тебя по-своему.

Прекрасна и великолепна ты, позлащенная солнечными лучами, чудесна ты, как сказка, как сладостный сон в лунном сиянии. Прошедшие века запечатлены в тебе так ярко, что сердце сжимается от восхищения...

Будь здрава, матушка Прага! Золотая славянская Прага!» Так писал классик чешской литературы Алоис Ирасек в «Сказаниях о старой Праге».

Не многие столицы Европы получили в дар от природы такое красивое место, как Прага. И надо отдать должное пражанам: они использовали как нельзя лучше нависшие над Влтавой холмы, застроив их дворцами и замками — великолепным ансамблем средневековой готики и барокко.

Глядя на стены собора св. Вита в Градчанах, остро чувствуешь смысл и правоту сравнения архитектуры с застывшей музыкой. Архитектура собора звучит так же прекрасно, как и его знаменитый орган.

Как же удивлен был я, открыв Бедекер, выпущенный в начале века, и прочитав, что собор «не представляет, впрочем, ничего особенно замечательного и интересен лишь своей стариной». А сам Пражский Град; как и другие достопримечательности города, именовался на иностранном, лад — Градшином, мост Карла — Карлс-брюкке. Немудрено: Прага стояла в разделе, именуемом Австро-Венгрией...

Когда-то княжна Либуша, легендарная основательница Праги, процветала:

С запада сосед незванный взять металл стремится,
ибо в том металле горно мощь и власть таится.
Из даров земли родимой — люди, берегитесь! —
не сковал бы вам оковы чужеземный витязь.

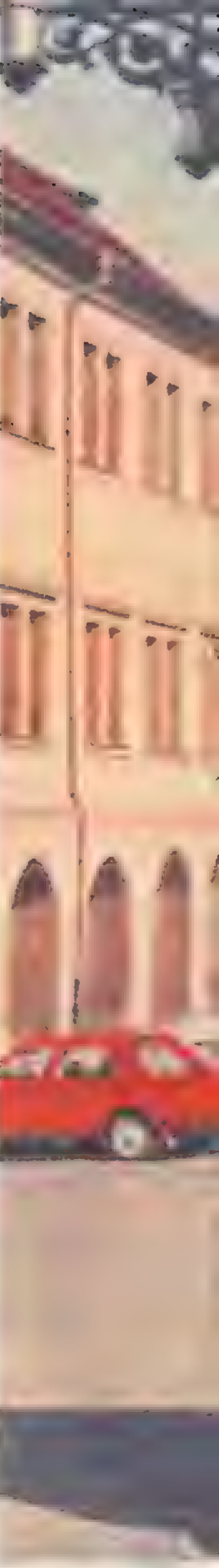
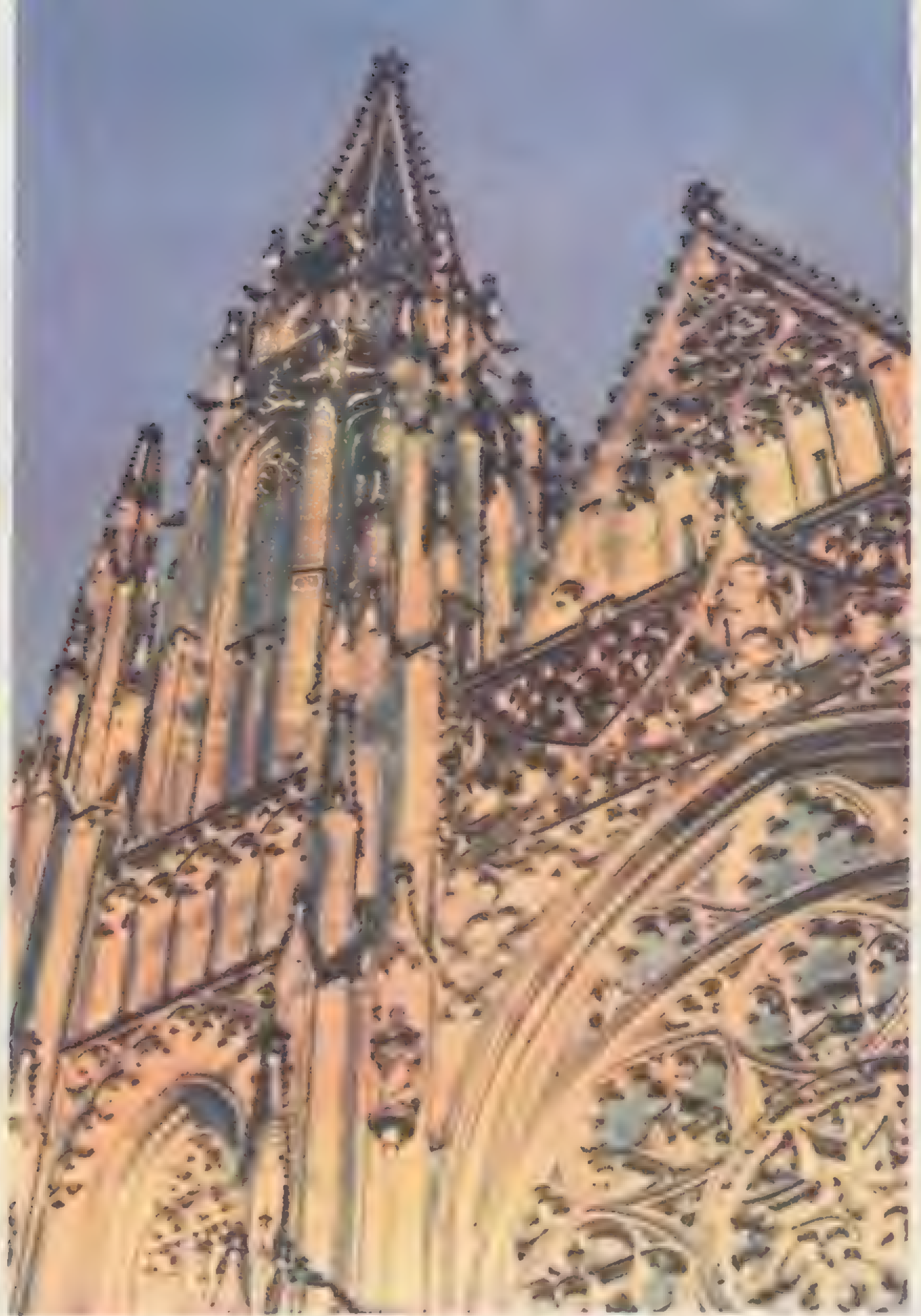
Да, Прага знала тяжелые времена. И с чувством гордости читаешь, остановившись перед ратушей в Старом городе, мемориальную доску со словами благодарности советским войскам, освободившим столицу Чехословакии в сорок пятом...

Высятся над городом башни Пражского Града * Туристы бывают разные... * В саду у лоджии «Салла Террена».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Бывший монастырь ордена капуцинов * Собор св. Вита * Светильник в Градчанах * Всегда многолюдно у Лореты * Старая лестница * На улице Лоретанской * Пражский Град интересен каждому.

Я — ЖЕНЩИНА

Людмила ЩИПАХИНА

Когда напевают закаты в реке,
И сосны вздыхают, и шепчут

Кто землю поймет на родном
языке?

Кто, если не я?
Кто, если не ты?

Не память ли наша в упрямстве
бровей?
Не нам ли оставили предки наказ?
Деревья и травы не их ли кровей
Испили однажды в полуночный
час?

Как заповедь, наши порывы
просты:
Сиротство последней рубахи

Любви, милосердия и доброты
Да нам ли еще у кого занимать?

Рука заскорузлая греет зерно.
Дыхание греет стального коня.
Блаженствуй! Тебе это счастье
дано

От первого вздоха
до смертного дня.

Тебе по рожденью положена
честь
Страны, у которой безбрежность
в очах.

И имя — святится.
И отчество — есть.
И в голосе — нежность.
И сажень — в плечах.

Но коль в добровольцы труба
позовет
На поле сраженья, в минуту беды,
Кто, землю целуя, в солдаты
пойдет?

Кто, если не я?
Кто, если не ты?

Листва отольет поминальную медь
Над теми, кто голову сложит
в бою.

Но будут по-прежнему плакать,
и петь,
И сеять, и жать — в заповедном
краю.

Себя за спокойные дни не казни.
В чехлах наши ружья — до первой
беды.

Кто бросится в пекло?
Кто ляжет костями?
Кто, если не я?
Кто, если не ты?

Серый омут глаз, бровей изломы,
Сильная и теплая рука...
Я в червонном золоте соломы
Родилась в далекие века.

Брезговали мной и помыкали.
Черную пророчили судьбу.
Но уже тогда в ночи мигали
Звезды, к моему примерясь лбу.

Укоряли, за косы таскали,
Угоняли вороги в полон.

Но уже тогда меня искали
Слов созвучья, чистые, как лен.

Пальцы занемели, вспухли губы,
Загустела и набрякла кровь.
Бил меня наотмашь муж нелюбый,
Заедала лютая свекровь.

И жила я, доле не переча.
В нищете рядилась как-нибудь:
Месяц — в косу, облако —
на плечи
Да сердечко медное на грудь.

Мне ль роптать на мой удел
прекрасный?
Вся в накрапах солнца и дождя,
Прочен дом, и светит месяц
ясный,

И под сердцем — милое дитя.

Не была вовек прекрасной
дамой...

Стану ли теперь за это я
Мстить эмансипацией упрямой,
Сигарету горькую жуя?

Я еще взлечу — вперед и выше!
Мир восславлю! Вознесусь над
ним!

Я вовек мужчину не унижу
Светом и достоинством своим.

Мне ли ревновать его к былому,
Коль во сне и нынче вижу я
Сизый дым, червонную солому
И звезду на грани бытия?

ПРАЗДНИК

Есть праздник особый и древний,
Языческий пир на столах.
В нем ели — лесные деревья
Растут на паркетных полах.

Светло от хрустального звона.
И повод к веселью не слаб.
И падают капли озона
С широких игольчатых лап.

Прекрасны такие минуты!
И празднична ночь и долгая.
И мир разноцветьем окутан:
Гирлянды, огни и фольга.

Не смысл ли, в согласии с целью,
В том буйстве добра и огня?
Быть может, такое веселье —
Прообраз грядущего дня?

И елка в наряде роскошном.
И это убранство квартир...
И доброе слово — о прошлом.
И кубок задравный — за мир.

Чей это замысел,
Чья это месть,
Кто это в мире
Колдует умело?
Снова приходит
Щемящая весть:
Ты — существуешь!
Но что мне за дело?

Я отведу
От дороги глаза.
Ветер осенний,
Куда ты подуешь?
Парусом синим
Плывут небеса.
Солнце смеется,
И ты — существуешь.

Может, не я,
А природа права.

Может, не зря
В нас огонь остается?
Может, пока я на свете жива,
Ты — существуешь,
И солнце смеется.

Я — ЖЕНЩИНА

Восславить могу и проклясть.
Святым одарить убеждением.
Я — женщина.
Тайная власть
Дана мне судьбой и рождением.

Об этом мне весть подают:
Весна — в соловьином напеве,
На поле — пшеничный салют,
Грядущий ребенок во чреве.

Бездонен души водоем,
И щедрый кормящие груди.
Я — женщина. В мире моем
Добро — продолжение сути.

Горит за окном резеда,
Искусен порядок в квартире.
Не зря для меня красота
Есть способ присутствия в мире.

И звездному жару в крови
Служу я прилежно и верно.
Ведь вечное чувство любви
Всей жизни моей соразмерно.

Из нежности соткан рассвет.
Обласкана зелень лучами.
...Но острые клювы ракет
Все чаще мне снятся ночами.

И, может, тебя потому
Порою пугаю я взглядом,
Что вижу в далеком дыму
Угрозу, чреватую адом...

Но знай же, пока я сильна,
Земля не покроется тенью!
В подоле моем — семена.
И вечно мое возрожденье.

И в небе моем — журавли.
И голубь на синем конверте.
Я — женщина.
Матерь земли.
И символ ее.
И — бессмертье!

Вам не стать моим укором,
Злопыхая и браня.
Хитрой склокой, мелким вздором
Вы не раните меня.

За просчеты, за провалы,
За лукавство дум и фраз —
Я сама четвертовала
И кляла себя не раз.

Беспощадно, оголтело
Суд свершая над собой,
Я в костре не раз горела.
И сейчас горю порой...

Мне немало выдавала
Бед и промахов судьба.
Я прикованно стояла
У позорного столба.

Я в химерах не витала.
Я жила насущным днем.
Я сама себя пытала
И железом и огнем.

Не сдаюсь судьбе на милость,
Не приемлю грязь и гнусь.
Вероятно, закалилась,
Не ломаюсь и не гнусь.

Я сама с собой квитуюсь,
Исполняю приговор.
...Так вот мучаюсь и маюсь
Но не каюсь до сих пор.

Всю жизнь мои учителя,
То порицая, то хваля,
Мне делали услугу.
Скажу, успехов не тая,
Читать, писать умею я.
Спасибо за науку!

Потом учила жизнь меня,
Мне преподав уроки дня
И обещав поруку.
Она хлестала не щадя
Словами, струями дождя.
Спасибо за науку!

И книг тяжелые тома
Трудились над судьбой ума,
Изгнав покой и скуку.
Несли мне фактов кутерьму,
Чтоб разобраться, что к чему.
Спасибо за науку!

Лишь сердце, невпопад звеня,
Хотело с толку сбить меня,
Любовью сделал муку.
Что ж? Как душою ни криви,
Не всё — в любви. Не всё —
в любви.

Спасибо за науку!

ПЕРЕМЕНА ПОГОДЫ

Перемена погоды. Жара!
Вместо сырости, землю
пронзившей,
Вместо тучи, потоки пролившей,
Вместо влажности липкой
с утра —
Перемена погоды. Жара!

От июльского пекла в округе
Ртутный столбик как будто
в испуге!
Опустила засохшая крона
Листья клена сушить, как
перчатки.

На расплавленной ленте гудрона
Торопливых шагов отпечатки.
На газонах земля — как кора.
Перемена погоды. Жара.

А потом, после душного зноя
Напряженное небо сквозное.
Пыльный ветер темнит небосклон.
Словно кто-то смятение задал.
И барометр, как в обморок,
падал.

Перемена погоды. Циклон!

Что в заливе с водой происходит?
То бунтует, то лаской исходит.
Отчего покидает светило
Все, чему беззаветно светило?

Нет, конечно, порядка в погоде.
Постоянство противно природе.
Да и мы, если быть откровенным,
Тяготеем весьма к переменам.

На рассвете 15 ноября гитлеровцы возобновили наступление на Москву ударом по 30-й армии Калининского фронта и по правому флангу Западного фронта, в районе реки Шоши и Теряевой Слободы, использовав для прорыва обороны более 300 танков, которые устремились на Клин.

На второй день утром войска рейха начали развивать наступление из района Волоколамска на Истринском направлении, приведя в действие 150 легких танков, 400 средних танков и две пехотные дивизии.

18 ноября перешли в наступление на Московско-Тульском направлении. Против советских 413-й и 229-й стрелковых дивизий пятидесятой армии, действовавших на Веневском направлении, были брошены немецкие 3-я, 4-я и 17-я танковые дивизии. На станции Узловая и Сталиногорск наступали главные силы 2-й танковой группы генерал-полковника Гудериана, в направлении Михайлова—47-й мехкорпус.

Фон Хорн, вымещая свою злобу за прошлую неудачу, обрушил на армию генерала Ермолаева артиллерийский и бомбовый удар чудовищной силы.

— Наконец мы преподнесем русским показательный, предметный урок военного искусства немецкой школы. Они узнают, как нужно воевать,— говорил, потирая руки, фон Хорн.

— Смею заметить, господин командующий, что русские дерутся отчаянно. Их артиллерия очень метко наносит удары по нашим батареям и другим огневым точкам, летчики интен-

им рванулись советские танки, за ними с криками «ура» бежали пехотинцы и истребители танков.

На Западном и Калининском фронтах завязались тяжелые, ожесточенные бои, часто переходящие в кровопролитные рукопашные схватки.

Встретив исключительно упорное и отчаянное сопротивление советских войск, гитлеровское командование приняло решение пробиться к Москве, обходя ее бронетанковыми и сухопутными войсками с северо-запада через Клин и Калинин, с юга через Тулу—Кашину, замкнув клещи окружения в районе Ногинска.

Фон Хорн, имея огромный численный перевес в войсках и технике, бросал в бой все новые и новые части.

Ценой огромных потерь некоторым его дивизиям удалось вклиниться в оборону армии Ермолаева и окружить отдельные ее части.

К большому удивлению генерала фон Хорна, вместо того чтобы сдаться на милость победителя, ценой сверхчеловеческих усилий окруженные прорывали кольцо и соединялись с армией или сражались до последнего патрона, предпочитая героическую смерть позорному плену. Это сильно раздражало генерала, ибо нарушало его планы и задерживало продвижение вверенных ему войск к Москве.

В особенное неистовство привела его задержка у разъезда Дубосеково, на подходе к Волоколамскому шоссе.

— Направьте туда танковый полк,— приказал фон Хорн,— пусть этот разъезд вместе с фанатиками сровняют с землей! Нам нельзя терять время, иначе хорошо начатая кампания обернется против нас.

Через несколько минут, поднимая клубы снежной пыли, к разъезду устремился танковый полк.

В этот день, 16 ноября, взять Дубосеково фон Хорну не удалось. Горстка смельчаков подпускала танки на близкое расстояние и рас-

комый голос командующего группой армий «Центр», вытянулся, громко доложил: — Господин генерал-фельдмаршал! Наша ударная армия, ломая ожесточенное сопротивление красных, успешно продвигается вперед к Москве.

— Мне хорошо известно, что солдаты и офицеры вверенной вам армии, как и всей группы армий «Центр», воюют упорно, но продвигаетесь к Москве вы слишком медленно. Я надеюсь, что вы примете самые решительные меры. Да поможет вам бог! — закончил фон Бок и положил трубку.

Фон Хорн вздрогнул, лицо его перекошилось, он попросил адъютанта переключить телефон на себя, тяжело сел за стол и стал обзванивать командиров дивизий.

...Шли дни. Гитлеровские армии под Москвой, истекая кровью, топтались на месте.

Лишь 28 ноября фон Хорну доложили, что оборона на левом фланге армии генерала Ермолаева прорвана, а танковая часть под командованием полковника Вальтера Дибриха в районе Яхромы захватила мост через канал Москва—Волга и на восточном берегу создала небольшой плацдарм. Офицеры уже в бинокли рассматривают Москву.

На глаза командующего набегали слезы радости — наконец-то!

Вызвав начальника штаба, принесшего эту благую весть, фон Хорн произнес растроганно:

— Эрих! Вы одержали важную победу над врагом, поздравляю вас!

— Мы старались как можно быстрее выполнить ваш приказ,— скромно ответил генерал Кемпе.

Фон Хорн улыбнулся:

— Я рад, что доблестные части именно нашей армии первые прорвались за канал Москва—Волга. Я немедленно доложу об этом командующему группой армий «Центр» и постараюсь сделать все, чтоб об этом поскорее узнал фюрер. Думаю, что для него и всего рейха это будет большая радость.— Вызвав к себе адъютанта, фон Хорн приказал ему со-

У Р А Г А Н

сивно и точно бомбят наши позиции. А что делается в воздухе? Израсходовав боеприпасы, при встрече с нашими самолетами они идут на таран. На это способны лишь обреченные и к тому же фанатики.

— Готовьтесь, Кемпе, вскорости надеть в Москве мундир генерал-полковника.

— Господин командующий, не будем делить шкуру неубитого медведя, как говорят русские. Для этого нам еще нужно выиграть сражение.

— Эрих, вы, как я вижу, занялись не только русской историей, но и русским языком,— усмехнулся фон Хорн.— Думаю все-таки, что это уже предрешено,— твердо добавил он. Но все оказалось не так просто.

— Стальные рыцари рейха! Настал ваш черед. Перед вами Москва. Вперед, орлы мои! — вдохновлял командующий свои войска через микрофон. Вслед за его призывом из укрытий рванулись сотни окрашенных в белый цвет танков и самоходных орудий с черными крестами на бортах.

В то же мгновение по ним ударили артиллерийские части генерала Ермолаева. Несколько десятков танков загорелось и подорвалось на минах, но остальные, развивая скорость, маневрируя, непрерывно стреляя, продвигались вперед. За ними устремились бронетранспортеры с автоматчиками на борту. Навстречу

стреливала их из противотанковых ружей, поджигала бутылками с горючей жидкостью. А когда их попытались обойти, они бросались под танки со связками гранат.

Это были солдаты генерала Панфилова, как доложили фон Хорну позднее. 28 фанатиков против танкового полка!

Не смогли прорваться танки и у деревни Мыканино.

Узнав об этом, фон Хорн рассвирепел.

— Кемпе! Почему мы на некоторых участках фронта топчемся на месте, а в районе Дубосеково и Мыканино наши солдаты и офицеры показывают противнику свой зад?!

— Русские оказывают невиданное сопротивление.

— Я надеюсь, вы понимаете, что нам нельзя терять времени!

— Так точно, господин командующий, но мы не в силах сломить такое сопротивление.

— Немедленно бросьте на ослабленный фланг армии генерала Ермолаева весь наш танковый резерв, 3-ю пехотную и 51-ю моторизованную дивизии. Протараньте его оборону и во что бы то ни стало выйдите к каналу Москва—Волга. Руководить этой операцией я поручаю лично вам.

— Благодарю за доверие,— ответил растроганный Кемпе.— Разрешите приступить к исполнению?

— Разрешаю.— Фон Хорн подошел к аппарату прямой связи, снял трубку. Услыхав зна-

единиться с генерал-фельдмаршалом фон Бок.

— Будет исполнено,— ответил адъютант и скрылся за дверью.

В ожидании разговора фон Хорн прошелся по кабинету, взял сигару, покрутил ее в пальцах, положил на стол, снова взял, закурил и, выпуская замысловатые кольца дыма, опустился в кресло.

СРОЧНЫЙ ВЫЗОВ

Убедившись в том, что бойцы второго батальона сделали все возможное и, казалось, даже невозможное для того, чтобы ликвидировать последствия налета вражеской авиации на железнодорожную станцию, и отдав необходимые распоряжения, Млынский направился в штаб полка. Не раздеваясь, он по телефону связался с начальником госпиталя Акимовым.

— Сергей Иванович! К вам уже поступил, наверное, мой комбат Боярский. Его отправили к вам. Он сильно обгорел на пожаре. Спасите его.

— Боярский? — переспросил Акимов.— Поверьте, мы делали что в наших силах, пытались перелить ему кровь, хотя пульс уже не прослушивался. Спасти его не удалось. Он скончался.

— Скончался? — с горечью проговорил Млынский и медленно опустил трубку на рычаг.— Какого командира потеряли...

— Что случилось, Иван Петрович? На вас лица нет,— входя в комнату, обратился к Млынскому начальник штаба полка капитан Смирнов.

Млынский молча снял шинель, шапку повесил на вешалку, взглянул на Смирнова и то ли ему, то ли самому себе сказал:

— Танки от огня спасли, вагоны с боеприпасами чуть ли не из пламени вытащили, мешки с продовольствием из горящего склада вынесли, а вот капитана Боярского и трех пограничников потеряли.

— Как же это случилось?

— Крыша горящего склада рухнула. А там был Боярский. Вытащили мы его оттуда сильно обгоревшего. И все же спасти его не смогли. Скончался в госпитале. А остальные пограничники, трое их было там, так и погибли в огне.

— Погибли, даже не вернувшись вновь на фронт,— развел руками капитан Смирнов.

— Фронт теперь всюду, товарищ капитан,— заметил Млынский.— И в тылу, где куется оружие, и здесь, на станции, где наши бойцы спасали его для боя. И без продуктов армия тоже воевать не может... Если бы мы не отстояли эшелоны с боеприпасами и горючим, взрывной волной разнесло бы не только железнодорожную станцию, но и примыкающий к ней рабочий поселок.

— Это верно,— согласился Смирнов.

Млынский подошел к капитану и, подумав, сказал:

— А коль скоро это верно, подготовьте приказ: всем, кто участвовал в тушении пожара, объявить благодарность. А капитана Боярского и трех погибших пограничников за проявленный в боевой обстановке героизм посмертно представить к правительственным наградам. Понятно? И еще. Предоставьте всему второму батальону отдых до 10.00 утра.

— Сейчас распоряжусь,— заявил капитан и, взглянув в усталое, закопченное лицо майора, сказал: — Иван Петрович! Вам бы тоже не мешало отоспаться. А я всю ночь буду в штабе.

— Да, надо отдохнуть. Похоже, я здорово устал. Если потребуюсь, будите, не стесняйтесь.

Млынский прошел в соседнюю комнату, плотно закрыл за собою дверь, прилег на жесткий диван и вскоре крепко заснул.

На рассвете Млынского разбудил капитан Смирнов. Привыкший жить в обстановке постоянной опасности, майор тут же вскочил и, протирая глаза, увидел в руках начштаба телеграмму. Надев очки, стал читать:

*Командиру полка особого назначения майору Млынскому И. П.
Комиссару полка капитану Алиеву Г. А.*

Прошу Вас 29 ноября сего года прибыть в Москву в ГРУ Генштаба Наркомата обороны с

докладом о ходе подготовки полка к действиям в тылу противника.

Антонов.

Взглянув на часы—стрелки показывали 6 часов 35 минут,—Млынский приказал Смирнову:

— Готовьте необходимые документы и два «газика». В 10.00 выедем. Предупредите об этом капитана Алиева в Москве. Учитывая, что при нас будут документы особой важности, пусть меня сопровождают старший лейтенант Горшков и мичман Вакуленчук. Проследите, чтобы они были одеты по форме,—чтобы патрули не придирались.

В установленный час машины с Млынским и сопровождающей его охраной, миновав кочковатую лесную дорогу, выехали на шоссе и на предельной скорости направились к Москве. На коленях Млынского лежал портфель с опечатанными должным образом конвертами, в которых находились необходимые для доклада документы: дислокация и район действий партизанского отряда «Смерть фашизму» и обозначенный на карте предполагаемый маршрут движения по тылам врага двух батальонов полка особого назначения.

Вскоре после отъезда Млынского к капитану Смирнову, все еще стоявшему на крыльце штаба, подошла медсестра Зина.

— Товарищ капитан! Разрешите мне сегодня выехать в Подольск, там завтра должна выписываться из госпиталя большая часть наших бойцов и командиров.

— А вы зачем там? — удивился Смирнов.

— Я должна отвезти письмо майора Млынско-го начальнику госпиталя с просьбой, чтобы всех наших боевых товарищей направили в наш полк для дальнейшего прохождения службы.

— Это и без вас может сделать любой младший командир. — Заявив это, капитан Смирнов посчитал разговор с медсестрой законченным. Но Зина, горячась, упорно настаивала на своем:

— Нет, Николай Степанович, не любой. Дело в том, что некоторые наши товарищи еще не совсем выздоровели, но они не хотят больше залеживаться в госпитале. Боятся, чтобы их потом не отправили в другие части. Поэтому они делают вид и стараются показать, что уже здоровы. А им еще медпомощь нужна, особенно в пути.

— Зачем же нам забирать в полк больных, Зиночка? У нас ведь не лазарет, а боевая часть.

— Товарищ капитан, — настаивала Зина. — Дома и стены помогают. Среди своих они скорее поправятся.

— Убедила, убедила, сдаюсь, — согласился начштаба. — Бог с тобой, поезжай, только долго не задерживайся.

— Спасибо, товарищ капитан! — поблагодарила Зина, приложила ладонь к своим пышным волосам — была она без шапки, — стукнула каблучками и, спасаясь от падающего крупными хлопьями снега, побежала к медпункту.

Густой снег валил и на шоссе, по которому ехали к Москве машины Млынско-го. Порывистый северный ветер бросал снег на стекла автомашин, переметал дороги, со свистом врывался сквозь щели «газиков», обдавая холодом сидевших в них людей. С трудом просматривалась забитая всевозможным транспортом дорога. Пробираясь по такой дороге было трудно.

— Алеша, жми сильнее, — попросил шофера Млынский. — К вечеру мы должны быть в Москве в Наркомате обороны. Опаздывать нельзя.

— Стараюсь, товарищ майор! Но, сами видите, дорога перегружена, везут войска, боеприпасы, горячее, а впереди нас идет колонна с ранеными. Как ее обогнать? А тут еще пурга.

— На то ты и есть солдат полка особого назначения, чтоб справляться с любыми трудностями. Выкручивайся, как хочешь, — улыбаясь, но требовательно сказал шоферу Млынский.

Шофер нажал на газ, машина прибавила скорость. Но не прошло и десяти минут, как их остановил военный патруль.

— Куда прешь? Неужели не видишь, какие впереди воронки?

— Он к господу богу без пересадки решил отправиться, — заметил стоявший рядом с лейтенантом рыжий старшина, и оба усмехнулись. Задремавший было Млынский открыл глаза, высунулся из машины, спросил:

— В чем дело, товарищ лейтенант?

Обнаружив шпалы на петлицах Млынско-го, лейтенант подтянулся, приложил руку к ушанке.

— Товарищ майор! Дорога закрыта. Немецкие стервятники колонну с ранеными разбомбили. Сплошные воронки. Подбираем раненых, а инженерный батальон восстанавливает полотно. Часа не пройдет — все будет в порядке.

— Часа не пройдет, — ухмыльнулся Млын-ский. — А объезд-то тут есть?

— Да вы его проскочили. Метрах в пятистах позади. Там указатель поставлен и наш патруль стоит. Попытайся вашего орла остановить, а он вот до нас доскочил. Если бы не мы, угодили бы вы в воронку.

— Спасибо, ребята, — поблагодарил Млын-ский лейтенанта и сердито взглянул на шо-фера.

— Алексей! Озорничать будешь, отправлю на гауптвахту.

— Где она тут? — дерзко ответил шофер. — Вы же сами сказали побыстрее пробираться, вот я и постарался.

— Постарался, — ворчливо заметил Млын-ский. — Все нужно делать с умом.

Сказав это, Млынский вновь закрыл глаза, пытаясь задремать.

Шофер взглянул на него, тихо проворчал: «Начальству не угодишь» — и круто развернулся.

Поздно вечером машины с Млынским и охраной добрались до Москвы. В бюро пропусков Наркомата обороны строгий дежурный полковник долго и внимательно изучал командировочное предписание Млынско-го и, изучив его, наконец сказал:

— А теперь, товарищ майор, прошу предъявить ваши личные документы.

Тщательно просмотрев и их, полковник вернул Млынскому и уже не столь строго добавил:

— Прошу не обижаться за формальность. Фронт рядом. Вчера на Ленинградском шоссе чекисты задержали матерого немецкого шпиона в форме майора Красной Армии и со Звездой Героя Советского Союза на груди. А у сидящей в коляске его мотоцикла «медсестры» обнаружили полный набор шпионско-диверсионного оборудования. И портативную рацию и взрывные устройства. Вот и приходится ушки держать на макушке.

— Порядок есть порядок, — согласился Млынский.

Получив в наркомате пропуск на проезд машины по городу, талоны на питание и направление в гостиницу при ВСХВ, Млынский и неотступно сопровождающие его Горшков и Вакуленчук вышли из бюро пропусков Наркомата обороны.

Вскоре все они были размещены в уютных номерах гостиницы при ВСХВ. Воспользовавшись предоставленным ему комфортом, от которого он успел уже изрядно отвыкнуть, Млынский принял душ, побрился, лег в постель.

Часов в десять утра сильный стук в дверь отвлек майора от работы: он готовился к докладу в Главном разведывательном управлении Наркомата обороны.

— Кто там? В чем дело? — недовольно спросил Млынский.

— Это я за тобой, открой, пожалуйста, — услышал Млынский голос Алиева из коридора. — Пойдем, увидишь, кто ко мне приехал.

Выйдя в коридор, Млынский увидел сияющее лицо своего комиссара. Они крепко расцеловались.

— Как дела, комиссар?

— Сейчас узнаешь. Идем и не ворчи, пожалуйста!

Подталкивая недоумевающего майора, Алиев увлек его в свой номер. За круглым столом, уставленным восточными сладостями, орехами, фруктами, потрясающе пахнущей жареной бараниной, зеленью и бутылками с вином, сидели молодая женщина с каштановыми волосами, заплетенными в две тугие, спускающиеся до пояса косы и черными, как масляни, глазами и мальчик лет двенадцати.

— Знакомся, пожалуйста, — не скрывая радости, говорил Алиев Млынскому. — Моя жена и верная подруга Гульнара, приехала со мной повидаться. А это Октай, мой младший сын. Старший, Ахмед, остался дома.

Гульнара, смущаясь, встала из-за стола, протянула руку майору.

— И как такая красавица за тебя замуж пошла, комиссар? — весело спросил Алиева Млынский, пожимая руку Гульнаре.

— Аллах помог, — отшутился Алиев. — Аллах всемогущ. Сейчас увидишь.

Действительно, в дверь постучали, и в номер, к удивлению Млынско-го, вошел Семен Бондаренко, пропуская вперед улыбающуюся Наташу.

— Вот это да! — воскликнул Млынский. — Как вы здесь очутились?

— Моя организация, — расправляя грудь, признался Алиев. — Сумел, как видишь, и эту пару найти, призвать под твои знамена.

Млынский подошел к Бондаренко, оглядел с ног до головы. Его лоб пересекал глубокий красный шрам.

— Как чувствуешь себя, Семен?

— Все в порядке, товарищ майор. Раны зажили, готов к выполнению любого задания.

«Так ли это?» — взглядом спросил Наташу Млынский.

— Ему бы еще две-три недельки, Иван Петрович, а потом можно будет и на «любое задание», — убежденно ответила Наташа. — Он же с палкой передвигается.

— Учтем, учтем, Наташенька. Куда тебя, хромоногую, на задание? Сам понимать дол-

жен, не маленький, — взглянув вновь на Бондаренко, заявил Млынский.

— Да терпения уж сидеть без дела не хватает!

— Ничего, для дела потерпишь.

— Потерпит, потерпит, — примирительно заявил Алиев. И, обращаясь ко всем, пригласил к столу: — Ну, дорогие гости, прошу всех отведать наших азербайджанских сладостей.

— Сама пекла, — добавила Гульнара. — А Октай мне помогал.

Алиев откупорил бутылку ароматного, выдержанного, добротного азербайджанского вина.

— Товарищ майор! Разрешите в честь такой встречи налить по стаканчику нашего довоенного. Сам выдерживал, настоящее «Кемширин».

— От такого добра трудно отказаться, — заметил Млынский. — Только нам с тобой сегодня нельзя.

— Почему такая дискриминация? — спросил Бондаренко.

— У нас с Гасаном Алиевичем сегодня доклад большому начальству. Выпьем свое по возвращении.

— Тогда и мы все подождем, — прозвучал звонкий голос Наташи.

— Нет, нет, вы на нас с комиссаром не смотрите. Вы люди свободные. Угощайтесь как следует, а мы свое наверхстаем. Можете не сомневаться.

— Правильно! Вино открыто и должно быть выпито, а то испортится, — поддержал Млынско-го Бондаренко и поднял бокал искрившегося, красного, как рубин, вина. — За радостную встречу в столице!

Попробовав ароматного вина, Бондаренко с аппетитом стал поглощать шукер-буре¹. Подняв большой палец правой руки, сказал:

— Гульнара Азизовна, вы, наверное, кондитер? Очень уж вкусный пирог.

— Нет, не угадали. До войны я работала расфасовщицей на чайной фабрике. Как только началась война, меня со старшим сыном направили на завод боеприпасов. Теперь я снаряжаю противотанковые гранаты. У нас всего двое мужчин: начальник цеха и старший инженер, да и те обивают пороги военкомата, просят направить их на фронт. Остальные — женщины, девушки и подростки. Работаем по 12 часов в сутки без выходных. Подросткам, которые даже не достают руками рычагов станка, подставляем ящики под ноги. Как на-смотрюсь за смену на этих мальчишек и девчонок, так их становится жалко, что потом спать не могу. Им бы играть, а они боеприпасы делают. А что касается сладостей, то я очень рада, что они вам понравились. Это наши национальные блюда. Умению печь их у нас учат с детства. Это искусство передается из поколения в поколение. Вы, вероятно, тоже не знаете, что у нас пищу для званных обедов, как правило, готовят мужчины.

— Не может быть! — удивилась Наташа.

— Верно, верно! Приезжайте после победы в Баку и сами увидите, какой роскошный обед я приготовлю для вас, — подтвердил Алиев.

— Вот это мужчины! — с восторгом воскликнула Наташа. — А ты что умеешь готовить, товарищ Бондаренко?

— Я тоже могу вкусно готовить. Например, картошку в мундире сварить, чай вскипятить, — отшутился Бондаренко.

Наташа рассмеялась.

— Это верно. Один раз в картошку столько соли набухал, что до нее даже дикие кабаны не дотронулись.

Сидевшие за столом рассмеялись, а Бондаренко сделал вид, что смутился.

В дверь тихо постучали, и в номер вошел одетый в хорошо подогнанную шинель рослый капитан.

— Капитан Велихов, — представился он. И, обратившись к Млынскому, добавил: — Майор Млынский? Мне приказано обеспечить ваше и капитана Алиева прибытие в ГРУ.

Млынский быстро поднялся, вышел из-за стола.

— Ну что же, Гасан Алиевич. Поехали.

— Счастливого пути. А мы васждеждем, — сказала им вслед Гульнара.

Продолжение следует.

¹ Шукер-буре — сладкий азербайджанский пирог.

УРОЖАЙНОЕ МУЗЫКОЙ ЛЕТО

Нынешнее лето Москвы было особенно урожайным на встречи с музыкальными театрами. Сначала почти столкнулись по срокам гастролей Уйгурский музы-

кально-драматический коллектив и Иркутская оперетта. Затем не успел закрыть гастрольную афишу оперно-балетный театр из Ташкента, как вышли на сцену куйбышевцы. И хоть никто не объявлял конкурса этих трупп, никто не называл соревнованием их выступления,—негласно оно, безусловно, шло. Во всяком случае, каждый из коллективов должен был доказать право на показ своих работ в столице и, конечно, показать себя в наиболее выгодном свете.

Московское лето — это всегда пора гастролей театров разных профилей, разных подчинений — городских, областных, республиканских... Публике предлагались, таким образом, все новые и новые знакомства. Новый репертуар. Новые исполнители. И хотя мы привыкли к этому, но если вдуматься, какое же поистине знаменательное событие: гастроль! Знаменательное и для нас, зрителей, и особенно для тех, кто отчитывается, кто держит экзамен и для сегодняшней и для завтрашней своей жизни.

Чем дышит коллектив, какова творческая направленность искусства и принципы формирования репертуара, подбор труппы, уровень собственной требовательности, умение общаться с аудиторией и завоевывать ее симпатии — все это сполна выдает гастрольная афиша. Здесь не прикинешься, не обманешь публику даже постановками, специально подготовленными для отчета: истинное лицо все равно узнается за праздничностью, почти всегда царящей на спектаклях гостей.

Куйбышевскому театру оперы и балета возможность показать себя представилась впервые за 50 лет его существования. В июне 1931 года он начал свою биографию спектаклем «Борис Годунов» Мусоргского. И теперь, надо сказать сразу, юбилейный экзамен в Москве театр с честью выдержал по всем показателям, удивив и покорила любителей музыкально-сценического искусства как интереснейшим репертуаром, так и высокой профессиональной культурой исполнителей и создателей спектаклей, художественным вкусом.

Все это сказалося прежде всего в репертуаре. Одиннадцать спектаклей (шесть балетных и пять оперных) за двадцать дней выступлений в Москве выглядели внушительно. Важно и то, что спектакли шли при переполненном зале. Особенно это было важно во второй половине гастролей, когда зрители уже разобрались, что за коллектив перед ними.

Я думаю, одного только перечня спектаклей достаточно, чтобы судить о серьезности задач, которые ставят перед собой оперная и балетная труппы; судить о самостоятельности, самобытности пути, об интересе к современной музыкально-сценической литературе и к классическому наследию.

В самом деле, в балете классика представлена прелестным «Щелкунчиком» Чайковского, а произведения советских авторов — двумя балетами Т. Хренникова — «Любовью за любовь» и «Гусарская баллада», а также двумя балетами А. Эшпая. «Ангара» известна. Она была удостоена дипломов — первой степени на областном смотре-конкурсе, посвящен-

ном 60-летию Великого Октября, первой премии на Всероссийском и второй на Всесоюзном конкурсах. А новый балет, «Помните!», повествует об ответственности каждого человека за судьбы мира. Над этой постановкой театр работал совместно с композитором, и премьера состоялась именно в дни гастролей.

Успех куйбышевской балетной труппы в Москве отметили и пресса и публика. Все единодушно признали умение главного балетмейстера театра работать над образами современников, выражать их мысли, чувства сложным пластическим языком. Тут тоже сказались и самобытность творческой фантазии главного балетмейстера театра Игоря Чернышева. Самые высокие оценки даны и оркестровому коллективу и художественному руководителю — главному дирижеру Льву Оссовскому (кстати, редчайший случай — он же директор театра).

Все балетные постановки прошли с успехом, но этого и следовало ожидать: балету ведь всегда легче снискать одобрительное отношение — у него больше почитателей. Вероятно, еще и потому, что здесь меньше «языковых преград» к пониманию зрелища. К опере же — особенно в последние годы — относятся подчас предвзято, как к жанру, далеко не всем доступному и интересному, даже вроде бы устаревшему, изживающему себя... Спорят о настоящем и будущем оперы, ищут меры «реанимации» жанра... Всем приверженцам этой «теории» очень полезно было бы побывать на оперных спектаклях куйбышевцев! Одно из самых ценных их достоинств — убедительнейшее утверждение **жизнестойкости оперного искусства** — его могучей художественной способности эмоционально брать человека в плен.

Гастроли в столице начались «Царской невестой» Римского-Корсакова. Казалось бы, трудно открывать творческий отчет всем известным спектаклем, который идет и в Большом театре. Однако куйбышевцы отбросили самую возможность сравнений: они продемонстрировали самостоятельно решенную работу, где все подкато и выверено музыкой.

Дирижер Л. Оссовский, режиссер Г. Торбин, художник М. Мурзин сообща выстроили сценический рисунок в соответствии с партитурой. Декорации, костюмы нигде не нарушают эмоциональный настрой, создаваемый музыкой. Короче, все здесь находится под ее властью. Наверное, потому такой осмысленности, органичности достигли артисты в сложнейших вокальных ансамблях, часто являющихся камнем преткновения для певцов. Это именно ансамбли, а не просто «сумма отдельных голосов», наложенных один на другой. Ансамбли, где каждый герой раскрывает свои мысли, чувства, отношение к происходящим событиям. Естественно, здесь видна заслуга самих исполнителей: О. Слюсаренко (Марфа), В. Черноморцева (Грязной), болгарской певицы С. Миневой (Любаша), В. Капишниковой (Собакин), В. Бондырева (Лыков)...

Я называю лишь исполнителей главных партий: их вокальное мастерство, умение глубоко постичь музыкально-образную речь партитуры в общении с партнерами — все это объединяет их с дирижером Л. Оссовским, художником тонким и чутким.

В репертуаре куйбышевцев был спектакль, по всем своим составным отвечающий жанру исторической народной драмы. Это опера «Ивайло» болгарского композитора М. Големинова, осуществленная на сцене театра деятелями из НРБ: дирижером Д. Димитровым, режиссером Г. Петровым и художником П. Русковым. Зрители, кстати, еще раз встретились здесь с талантливой болгарской певицей Миневой. Ансамбли, развитые арии и хоровые сцены, массовое действо — все заставляет вспомнить о русских классиках, об оперных образах.

М. Големинов в своей музыке опирается на фольклор, широко используя народные песенно-танцевальные интонации и ритмы. Он создает масштабный образ главного героя, вождя крестьянского восстания в эпоху средневековья Ивайло (В. Черноморцев) и его последователей, борцов за свободу народа.

А вот совершенно другая стилистика, другой язык, другие приемы в спектакле «Мария Стюарт» ленинградского композитора С. Слонимского, и в гершвиновской «Порги и Бесс» (оба спектакля осуществлены молодым талантливым режиссером О. Ивано-

вой), и даже в вердиевском «Макбете» (режиссер А. Тумилович). У каждой постановки — свои краски, свои приметы. Однако их сближает современное понимание оперного жанра, яркая зрелищность, театральность.

В «Макбете» ощущение полной приближенности к зрелищу сегодняшнему достигается не столько условностью и лаконичностью оформления, отсутствием бутафорских принадлежностей (дана лишь лаконичная прорисовка примет времени и места действия), сколько тем, что мы увидели музыкальный театр, лишенный оперной статичности. Перед нами не просто исполнители, выппевающие вокальную строчку, но артисты-певцы, живущие чувствами своих героев, свободно двигающиеся, сценически раскованные.

Репертуар куйбышевцев — большой репертуар. Да иначе и быть не может: в периферийном театре без этого не прожить. Однако, даже судя по московским гастролям, здесь не просто берут новые названия, лишь бы «быть первыми». Во многих случаях их можно назвать первооткрывателями.

А ведь репертуар — визитная карточка театра. Визитная карточка руководителя коллектива. И еще умение расставить силы, использовать все возможности труппы, создать ансамбль единомышленников, заботливо растить молодежь, создавать ей условия для творческого совершенствования. По доверию, которое здесь проявляется к молодым артистам, театр просто уникален. В спектаклях заняты многие представители молодого поколения, и главное — в ведущих партиях. Правда, и молодежь здесь встретила талантливую. Она покорила столичную публику. Это обладатель красивейшего баритона В. Черноморцев, его коллеги А. Пономаренко, О. Слюсаренко, В. Семашко, В. Бондырев... Можно было бы назвать еще несколько имен, но хочется особо выделить певицу С. Чумакову. Около ее фамилии пока нет никаких знаков отличия, нет звания. Но все, кто услышал во время гастролей ее исключительно красивый, богатый голос, были покорены и яркой музыкальностью и актерским талантом. Гордая, жестокая, безрассудная Мария Стюарт, чистая и нежная Кремена (невеста Ивайло), коварная, властолюбивая леди Макбет, уличная девица Бесс... Актриса воссоздает портреты своих героинь с мастерством истинного художника...

Куйбышевский театр — поэтический, красочный, многомерный — имел в Москве большой и заслуженный успех. Думается, гастрольные итоги не станут для него остановкой. А лишь точкой отсчета для будущего.

Сцена из балета А. Эшпая «Помните!».

Фото М. Строкова

СУДЬБ МАЛОМЕРНОГО ФЛОТА

В № 16 «Огонька» за нынешний год было опубликовано письмо группы ветеранов водно-моторного спорта «Флот без адмирала» о современных проблемах маломерного флота.

Ситуация совершенно исключительная: оказывается, на наших водоемах существует и весьма активно функционирует огромная, неуправляемая, в полном смысле слова стихийная сила. Это миллионы лодок и катеров с подвесными и стационарными моторами, владельцы которых зачастую не организованы, не входят ни в какие общества, не подчинены никаким административным органам.

Результаты «деятельности» маломерного флота вызывают большую и обоснованную тревогу общественности. И вполне естественно, что на публикацию в «Огоньке» откликнулись многие десятки читателей — любителей и знатоков этого вида спорта, а также официальные организации.

Сегодня мы публикуем обзор читательской почты.

«...Не знаю, как другие организации, а вот сельские Советы народных депутатов, на территории которых имеются реки и другие водоемы, замучились от беспорядка и в основном от бесполезных хлопот по наведению порядка с маломерным флотом.

Каких только мер мы не испробовали!

А этот маленький флот растет, растут происшествия с трагическими исходами, растут размеры ущерба природе и т. д.

Да, нужен хозяин флоту, и как можно быстрее. Волокита, промедление в этом деле недопустимы. И так уже прошло много лет и зим.

На наш взгляд, хозяином должны быть органы МВД. Далеко не везде есть представительства речного флота, а органы МВД есть во всех районах, и их уполномоченные во всех сельских Советах.

Председатель Ербогаченского сельсовета А. И. Юрьев. Иркутская область».

«...На территории Пермской области зарегистрировано более 30 тысяч единиц маломерного флота.

Из года в год мы все чаще встречаемся с фанатами, когда водномоторники сознательно уклоняются от взаимоотношений с инспекцией. Нередно можно услышать такое: мой дед управлял лодкой без всяких прав, отец — тоже, и я не нуждаюсь. И ничего вы со мной не сделаете».

Кто же должен заниматься маломерным флотом? Если обратиться к имеющимся документам, то увидим ясно и недвусмысленно, что делами маломерного флота обязаны заниматься местные органы Советской власти. Им и карты в руки. И не надо «изобретать велосипед».

Начальник Пермской навигационно-технической инспекции Генералов».

«...О проблемах, связанных с использованием маломерного

флота, можно не повторяться и не спорить: они настолько очевидны, что момент их разрешения давно назрел. Примером правильного решения этого вопроса может служить Государственная инспекция по малотоннажному флоту, созданная в Молдавской ССР.

Проблемы регистрации, учета, контроля, использования, базирования, ремонта, сохранности человеческой жизни на воде, охраны водной среды и другие настолько сложны (и усложняются с каждым годом из-за постоянного количественного роста маломерных судов на водоемах), что общество и государство несут колоссальные потери в социальном, моральном и экономическом плане.

Затягивание разрешения этого вопроса дорого обходится обществу и государству.

Председатель областной технической комиссии по малотоннажному флоту Н. М. Скрябнев. Одесса».

«...В данном случае не важно, кто «адмирал», важно другое: как поставлено дело, как осуществляется комплекс мероприятий по наведению порядка на воде. Порядок на воде — понятие не абстрактное, неоднозначное. С одной стороны, это безопасность граждан, с другой — комплекс мероприятий, направленных на разумное взаимодействие с окружающей средой, на сохранение и поддержание самовосстанавливающих сил рек и водоемов.

Председатель ЦК ОСВОДа БССР Б. Ф. Чернов.
Начальник ГНТИ БССР Р. Н. Гольдин».

Итак, авторы группы писем продолжают заинтересованный разговор о том, как наилучшим образом следует организовать функционирование маломерного флота. Беда только в том, что продолжают такие разговоры вот уже больше десяти лет.

Обращает на себя внимание такой факт: среди десятков писем, полученных редакцией, нет ни одного отклика на публикацию из заинтересованных ведомств.

Или работники рыбного хозяйства спокойно взирают на бесчинства браконьеров? Или речники не заинтересованы в том, чтобы на наших реках и водохрани-

лищах был порядок? Или министерство юстиции и МВД закрывают глаза на то, что на водных путях совершаются грубые проступки, нарушения законности?

Разумеется, мы не допускаем такой мысли. Но в чем же тогда дело?

Читатели подсказывают возможное объяснение.

Инспекция при ОСВОДе — организация сравнительно малочисленная. Для того, чтобы обеспечить должный порядок на всех водоемах страны, ведомству, взявшему на себя функции хозяина маломерного флота, требуется значительный штат служащих государственной навигационно-технической инспекции. Нужны те самые «штатные единицы», которые всегда в таком дефиците в любом ведомстве. Именно поэтому, по мнению читателей, происходит «отфутболивание» НТИ от одного ведомства к другому.

Содержание Государственной навигационно-технической инспекции, разумеется, будет стоить немалых денег. Даже если принять во внимание, что НТИ организация хозрасчетная.

А каков ущерб от маломерного флота в его нынешнем «стихийном» существовании? От браконьерства, от нарушений правил плавания, от вредного воздействия на природную среду?..

Увы, никто не считает, ибо штатные расходы — расходы конкретного ведомства, а ущерб — это категория общенародная, общегосударственная.

Есть такие понятия: ведомственный подход, узковедомственные интересы. Многие читатели прямо говорят, что в судьбе маломерного флота имеет решающее значение именно это явление.

А тем временем...

«...В Вологодской области зарегистрировано свыше 20 тысяч единиц маломерного флота. Около 5 тысяч владельцев не желает регистрировать свои суда. В навигацию 1980 года погибло на маломерном флоте 26 человек. Сотни грубейших нарушений остались без последствий, так как на воде нет закона.

Любопытно для сравнения привести такой пример: охотинспекция имеет право подвергнуть штрафу охотника, стрелявшего даже самую мелкую дичь в запрещенное время года, скажем, утку, в размере до 50 рублей с конфискацией ружья, из которого был произведен выстрел. А НТИ не имеет никакой власти наказать владельца судна за грубейшее нарушение, которое порой влечет за собой гибель людей. Пока НТИ существуют при ОСВОДе, порядка не будет.

Члены общественного совета лодочной станции (14 подписей). Вологда».

«...У нас в низовьях Дона это стало бедствием. 90 процентов всего взрослого населения приобрело личный флот, и вся эта армия днем и ночью буквально срывает воду на Дону и его притоках.

Милиция считает, что это — дело рыбнадзора, тот, что — ОСВОДа, а

«пираты» разгуливают днем и ночью.

Они мешают промышленному рыболовству, уничтожают и обирают орудия лова, мотаются без отличительных огней, угрожают пассажирскому транспорту. За рулем, как правило, сидят люди, не имеющие понятия о законах на воде, в большинстве случаев пьяные.

Полумерами здесь дело не решить...

Н. Е. Самсонов, председатель рыбколхоза «Тихий Дон».

«...В Новгородской области зарегистрировано 12 тысяч судов маломерного флота, около 6 тысяч судов не охвачено регистрацией. И это сделано для удобства браконьеров: не имея бортового номера, катер всегда уйдет от погони и останется безнаказанным. А разговор после этого будет о всех водномоторниках, как о браконьерах.

Начальник Новгородской НТИ капитан 1-го ранга запаса И. А. Че-мов».

Здесь требуется небольшой комментарий о моторах. В руководстве для судоводителей-любителей «300 советов по катерам, лодкам и моторам» (изд-во «Судостроение», 1975 г.) сказано: «На водоизмещающей лодке 4—5 метров длины практически достаточно 5-сильного мотора «Прибой», отличающегося экономичной и бесшумной работой». Читатели справедливо замечают, что ни браконьеры, ни хулиганы, ни другие «пираты» не удовлетворятся столь скромными возможностями. В самом деле: на 5-сильном моторе не уйти от погони.

А что же имеется для нарушителей всех мастей? О, самый широкий выбор! Целые семейства мощных «Вихрей», «Нептунов» и других двигателей в двадцать, тридцать и более сил. А в ближайшей перспективе — пятидесяти-сильный мотор!

Глиссирующая лодка с двумя «Вихрями» свободно конкурирует в скорости с «Ракетами» и «Метеорами». Только последние ведут дипломированные капитаны и обученные команды, а «пиратскими» судами зачастую управляют люди неквалифицированные, безответственные и, как часто утверждают это читатели, в нетрезвом состоянии. Нужны ли для отдыха, оздоровительных мероприятий, туризма такие скорости, такие мощности? Ответ однозначен — нет.

А кому выгодна эта безудержная гонка мощностей (заметим — и цен лодочных моторов)?

Читатели высказывают мнение — промышленности. Мотор мощностью 5—8 сил стоит 150—180 рублей. Мотор в 25—30 сил стоит 300—400 рублей. Однако относительная трудоемкость в изготовлении мощных моторов значительно ниже. Можно сказать, налицо «эффект ложного снижения производительности труда».

«Я простой инженер-водник.

Ы ЛОТА

Плаваю уже более пятидесяти лет, из них более пятнадцати годов работаю общественным инспектором Кировской НТИ.

Если на дорогах при наличии такого грозного хозяина, как ГАИ, и то по области ежедневно происходит немало дорожно-транспортных происшествий, то легко себе представить, что делается на реках, где никакого надзора за движением маломерных судов нет.

Не случайно, пользуясь полной безнаказанностью, многие водители перестали считаться с правилами плавания, допускают пьянство на воде и на берегу, перегружают суда людьми, допускают аварийные ситуации, занимаются браконьерством, хулиганством. Странно также, что если в городе ведется какая-то борьба с пьянством, то в этом же городе на лодочных станциях в открытую происходит разгульное пьянство, но представителя милиции тут не найдешь, как будто берег реки — другая планета.

Бензозаправочных станций на берегу нет. На автобусе, троллейбусе бензин не подвезешь, однако водномоторники не жалуются — всегда при бензине. Шоферы грузовых машин свободно приезжают на берег и продают государственный бензин прямо из баков своих машин. Спидометры у них, как правило, «почему-то» не работают, приписать лишнюю езду ничего не стоит, бензин, таким образом, списывается, предприятие выполнит план по перевозкам, шофер положит в карман денежки, водномоторник заправится горючим, и... «все довольны».

Воровство на лодочных станциях — дело обычное, и ворье терроризирует всех, кто поднимает голос. В прошлом году на нашей лодочной станции за одну ночь обокрали сразу 10 лодок. А начальник Первомайского отделения милиции на просьбу расследовать кражу ответил: «Некогда мне с вами заниматься. Нет у меня для этого людей».

И. И. Иванов, общественный инспектор НТИ. Киров».

Вопросы, которые ставят читатели, описывая все подобные безобразия, перерастают в конкретные предложения: коренным образом пересмотреть отношение органов власти к маломерному флоту.

«Многие, и я в том числе, считают, что у нас вполне хватает государственного водного транспорта. И для дела и для отдыха. А хочешь индивидуальный, пожалуйста: парус или весло!»

Стыдно ведь жить потребителем, не думая о детях, о внуках, потомках. Надо понять раз и навсегда: вода — огромное богатство, и портить ее никто никоим образом не имеет права!

Многих восхищает пример воронежцев. Несколько лет назад горсовет у них принял решение: запретить эксплуатацию частных лодок на Воронежском море. Может быть, на первых порах были

ущемлены интересы сотен людей, но выиграли десятки тысяч, выиграла природа.

Воробьев. Инвалид Отечественной войны, член КПСС с 1939 года. Киев».

За парус и весло на маломерном флоте голосуют многие читатели из разных концов страны — из Муромы и Магадана, Норильска и Баку. В. Т. Вострецов из Барнаула пишет:

«Считаю, что следует запретить неорганизованное (частное) владение моторами на маломерном флоте. («Десятилетие чистой воды», объявленное ЮНЕСКО, и восемь миллионов отравителей. Как-то не вяжется, не правда ли?)

Необходимо всячески пропагандировать, развивать, способствовать тому, чтобы маломерный флот переходил на парус и весло. Возродим в спорте древние мореходные традиции!

Двигатель на воде — только для органов охраны! Не будет частных моторов, не будет браконьерства, пьянства, несчастных случаев на воде, хулиганства и т. д.».

Анализ всей массы поступивших писем показал, что общее читательское мнение сводится к двум основным настоятельным пожеланиям.

Первое: необходимо как можно быстрее создать систему Государственной навигационно-технической инспекции, наделить НТИ административными правами и подчинить Советам народных депутатов республик, краев и областей.

Второе: необходимо законодательным порядком установить, что маломерный флот имеет право использовать для передвижения только парус и весло. Но для некоторых категорий населения надо сделать исключение. В частности, разрешить использование моторов мощностью до 5 лошадиных сил ветеранам войны и труда. Также разрешить использование маломерных моторов жителям сельской местности в прибрежных районах, но с разрешения сельских Советов и по утверждению исполкомами областных Советов. Во всех этих случаях моторы должны регистрироваться органами МВД наравне с оружием.

Целесообразно, по мнению некоторых читателей, разрешить в ограниченных масштабах использование механических двигателей в спортивных обществах, на судах, принадлежащих этим обществам, для проведения плановых, оформленных соответствующим образом спортивных мероприятий на строго ограниченных акваториях.

Высказывается также точка зрения, что промышленность вообще должна прекратить выпуск моторов для индивидуальных катеров и лодок и всемерно увеличить выпуск судов и комплектов-полупафбрикатов судов маломерного флота с веслами и парусами: яхт, ботов, шлюпок и так далее.

Мы должны повседневно и повсеместно заботиться не только о чистоте окружающей среды, но и о чистоте спорта, физической культуры, не допуская засорения их «шлаками» эгоистического, мещанского, карьеристского происхождения. Такого требования подавляющего большинства читателей, откликнувшихся на нашу публикацию.

М. БАРИНОВ

В поэзию идут молодые люди разных профессий, разного жизненного опыта. За плечами Николая Добрюхи трудовая биография, он экономист. Стихи пишет давно, печататься не спешит. Он весь в поиске: его тянет к публицистичности, к проблемам сегодняшнего дня, даже сегодняшней минуты. Он предпочитает ломающиеся ритмы, плакатность, разговорную интонацию.

Работать в поэзии — это как плыть по реке в лодке против течения: опустил весла, и ты уже далеко позади. Я хотел бы, чтобы Н. Добрюха не складывал весел.

Евг. ВИНУКОВ

Николай ДОБРЮХА

НЕЗАБУДКА ПО ИМЕНИ ЗЕМЛЯ

Солнце посылает дождь лучей
на космические нивы.
На них цветет единственная
незабудка
по имени Земля.

В природе нелепые метаморфозы:
страдает лес, навечно

обнаженный,
уже не новость — синие мимозы
роняют капли слез.
Диагноз: аллергия Земли,

воспаление
нервов Природы.

Но ведь человек не станет
самоубийцей!

Идеи, витающие в воздухе
времени,

мы улавливаем, как дети
удивительных бабочек ловят
сачком.

Кто же обществу станет дарить
детей,

если вымрут
августейшие айсты — любимцы
людей!

Любовь — это вспышки на Солнце,
она, как плазма, —
особое для человека состояние.

Портрет — отражение души.
Взгляни на задымленный холст
И вспомни о вечности.

ЭСТАФЕТА С ЭКВАТОРА

Хоккей на траве для нас игра новая, и еще не было за десяток лет ее развития команды, которой удалось бы так быстро стать в ряд сильнейших в мире. Этого впервые добились советские спортсмены, завоевав бронзовые медали на XXII Олимпийских играх, а затем, выступив весной на стадионах Южной Америки и в Малайзии, Бронзовые медали наших хоккеистов на IV чемпионате мира в Буэнос-Айресе и золотые медали наших парней на II Межконтинентальном кубке в Куала-Лумпуре прежде всего знаменательны тем, что советские команды снова подтвердили свой класс.

Как готовить сборную к новому сезону? Над этим немало ломали голову члены тренерской бригады — М. Безруков, М. Ким и В. Меньшиков. Кого взять в игровой состав? Здесь мудрствовать лукаво не приходилось. Прежде всего тех, кто приобрел олимпийский опыт. Таких в женской команде было двенадцать. А четыре дебютантки неплохо показали себя на финише прошлого сезона. Семь клубов делегировали хоккеисток в сборную. Наиболее широкое представительство выпало на долю московского СКИФа — 5 хоккеисток, «Анжиганки» — 3 и «Спартак» (Московская область) — 4.

Женские чемпионаты мира проводятся раз в два года, начиная с 1975 года. В трех предыдущих неизменными призерами были три сборные — Голландии, ФРГ и Аргентины. В Буэнос-Айресе хозяйка чемпионата вытеснила с пьедестала дебютантки — советские хоккеистки. Стоит заметить, что аргентинки дважды были серебряными призерами и один раз — бронзовыми. Это ли не доказательство успеха наших хоккеисток!

В тот год, когда стали проводиться чемпионаты мира, наш женский хоккей только делал первые шаги. И пошел он из Анжиганы, где были созданы первые команды. Большую роль в развитии нашего женского хоккея сыграло то, что Москва получила право организации Игр XXII Олимпиады и что женский хоккей на траве был впервые включен в олимпийскую

программу. Ныне в одиннадцати союзных республиках он получил постоянную прописку.

На II Межконтинентальном кубке в Куала-Лумпуре Вячеслав Мишурнов стал лучшим бомбардиром соревнований, забив 10 мячей, и был признан лучшим игроком Кубка. Под стать ему и его одноклубник, капитан сборной Леонид Павловский, и алмаатинцы Фарид Зигангиров, Сос Айрапетян, Олег Загороднев, и Вячеслав Лампеев, и другие крепкие, спокойные парни из Москвы, Свердловска и других городов.

В своем письме главный судья на Кубке А. Латауэрс из Голландии написал: «Все мы горды видеть таких истинных джентльменов спорта, какими являются советские хоккеисты, на высшей ступени пьедестала почета».

Сборная СССР во второй раз участвовала в розыгрыше Межконтинентального кубка. В первом, состоявшемся в 1977 году в Риме, она была бронзовым призером. Тот турнир можно смело назвать восхождением к олимпийским бронзовым медалям. На II розыгрыш в Куала-Лумпур съехалась более сильная компания, нежели тогда, четыре года назад. Достаточно назвать олимпийских чемпионов 1976 года хоккеистов Новой Зеландии, четвертого призера чемпионата мира 1975 года сборную Малайзии, второго призера 1-го Межконтинентального кубка сборную Ирландии.

И вот наши хоккеисты стали единственным коллективом, не проигравшим ни одного матча. Кроме того, они и забивали больше всех мячей — 19 и пропустили меньше всех — 3. Особенно впечатляет победа сборной СССР над олимпийским чемпионом Монреалья — командой Новой Зеландии — 4:1.

А что же дальше? Межконтинентальный кубок был отборочным турниром к V чемпионату мира, который откроется 29 декабря 1981 года в Бомбее.

Альберт ЛЕЙКИН,
член совета Международной федерации хоккея на траве

ХУДОЖНИК ИСУПОВ

Максим ИВАНОВ

Шел 1943 год. Жизнь, в которую вошли облавы, голод, аресты, грохот фашистских сапог по мостовой, давно стала для римлян привычной.

На бульваре Джулио Чезаре к двухэтажному, загородного типа домику, огороженному невысоким решетчатым забором, к калитке, на которой значился номер 51, подошли несколько человек в поношенной немецкой форме без знаков отличия. Один из них, быстро оглядевшись по сторонам, коротко бросил: «Здесь!» Открыли калитку, прошли небольшой палисадник, поднялись по лестнице, прилепившейся к левой стороне дома, остановились у входной двери. Неяркий свет зажженной спички выхватил из темноты бронзовую табличку с выгравированной надписью. «Alessio Issupoff», — вслух прочел один из пришедших.

На звонок послышался лай собаки. Некоторое время спустя дверь приоткрылась, на лестницу вылетел небольшой криволапый бульдог. — Пошел, Гурко, пошел! Ну, кому сказал! — прикрикнул на собаку показавшийся в дверях хозяин дома.

Станным казалось услышать эти, такие обычные слова на родном языке здесь, в Риме.

— Ну, что же вы? Заходите, раздевайтесь. Очень, очень рад познакомиться, — улыбался хозяин. — Меня зовут Алексей Владимирович Исупов... Проходите, прошу!

Разделись, бросая внимательные взгляды на хозяина, оглядели прихожую. Смушкаясь, хотели было по солдатской привычке пригладить складки на гимнастерках. Но поясов не было, и они смутились еще больше оттого, что руки их напрасно скользнули у поясицы. Большая комната, куда пригласил Исупов, поразила пришедших...

Можно назвать десятки имен русских парней, которые скрывались в той «конспиративной мастерской», залечивали раны, готовились к новым боям с фашизмом. Советский писатель С. С. Смирнов в очерке «Русские в Риме» писал: «У художника всегда скрывались три-четыре партизана, о которых Исупов и его жена горячо заботились и с которыми с грустью расставались, когда тем наступало время идти в отряд».

...Сколь много вместились в жизнь одного человека! Никому не известный вятский подросток-иконописец и признанный мастер кисти, создатель превосходных портретов выдающихся деятелей Октябрьской революции, замечательных работ, посвященных В. И. Ленину, активный участник итальянского Сопротивления...

«Художник чистой воды» — называл Алексея Исупова Сергей Тимофеевич Коненков. Удивительно точно! Сколько в полотнах Исупова тепла, поэзии, любви к родному краю; как мастерски выписаны лица на полотнах. Один из его автопортретов находится сейчас во Флоренции. Галерея Уффици, которая, как известно, обладает коллекцией лучших работ такого рода мастеров разных стран и эпох, приобрела «Автопортрет художника с женой».

Огромным счастьем считали русские живописцы возможность написать полотно для галереи. Такая честь была оказана не многим, четверым: О. Кипренскому, К. Брюллову, И. Айвазовскому и Б. Кустодиеву. Наконец, уже после революции, — Алексею Исупову, персональные выставки которого не раз устраивались в Риме, Милане и Неаполе, а полотна приобретались лучшими музеями мира, наиболее влиятельными коллекционерами Англии, Франции, США. В Италии вышла монография о нем, не раз публиковались репродукции его картин. До революции в России была воспроизведена одна из работ А. Исупова — «Зима», а серия замечательных этюдов «Ташкент—Самарканд» в 1929 году выпущена Изогизом в виде художественных открыток. Ныне они библиографическая редкость. Один из натюрмортов в 1966 году напечатан также в виде открытки в издательстве «Советский художник».

Родился Алексей Владимирович Исупов в 1889 году. Его художественная карьера начиналась в провинциальной, затерявшейся на просторах России древней Вятке. Робкий ученик иконописца, получая подзатыльники от мастера за несвойственные церковному письму, будто рубленные топором, совсем «не гладкие» крестьянские лица, конечно, не мог знать наперед своей судьбы. Вятка, ныне город Киров, — родные места не только Исупова. Это «малая родина» известных живописцев братьев Васнецовых. Наезжая в дороге сердцу места на пейзажи, Аполлинарий Михайлович Васнецов, естественно, интересовался культурной жизнью города. Однажды ему показали работы юного художника. Вскоре и сам Исупов предстал пред очи метра. Сейчас, понятно, трудно сказать, о чем беседовали выдающийся мастер и только начинающий живописец. В одном можно быть уверенным: именно Васнецов посоветовал Исупову готовиться поступать в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где он состоял профессором. В 1908 году девятнадцатилетний Исупов превосходно выдержал вступительные экзамены.

Рост его как художника проходил необычайно быстро. Всего лишь через год на зимней выставке он демонстрирует полотна, которые сразу же приобретают известные московские коллекционеры. Знаме-

нитые живописцы Валентин Серов и Константин Коровин приглашают юношу к участию в выставках Союза русских художников.

Молодой человек решает, по совету Аполлинария Михайловича, посвятить себя пейзажу. Каждое лето бывает на родине, в Вятке. А в 1914 году, через год после окончания училища, уезжает на Урал. Пробует свои силы художник и в портрете, в жанре.

В начале двадцатых годов Исупов пишет портреты выдающихся революционеров. Особую ценность имеют произведения, посвященные вождю молодой Республики Советов В. И. Ленину. Их несколько. Это, например, этюд «Владимир Ильич Ленин играет в шахматы». Написан он превосходно, интересно цветовое решение, тонко переданы все детали обстановки. Пока мы можем лишь приблизительно сказать дату его создания. Во всяком случае, до 1926 года. Потому что именно в тот год художник из-за тяжелой болезни локтевых суставов был вынужден по категорическому настоянию врачей уехать на лечение в Италию. Характерно, что к ленинской теме Исупов обращался не один раз. В архиве художника сохранилась работа «В. И. Ленин и Г. М. Кржижановский в ссылке за разбором почты», фотография пропавшего полотна «Проводы В. И. Ленина в Колонном зале», которое недолго экспонировалось во Дворце труда профсоюзов в 1926 году. Несколько месяцев работал мастер над картиной. Получилось произведение большого общественного накала. Слияние партии с народом — такова его идея.

Определенных сведений, что художник когда-либо общался с вождем революции, нет. Но он мог видеть Владимира Ильича на многочисленных митингах в Москве, посвященных открытию памятников борцам мирового пролетариата, и тогда же сделать беглые зарисовки. Но как возник замысел изобразить Ленина в редкие минуты отдыха за шахматной доской? Откуда взяты детали обстановки одной из комнат рубленного дома? Кто эти люди, непринужденно беседующие между собой в то время, когда Ильич, сжав рукой лацкан пиджака — характерный для Ленина жест, — обдумывает очередной ход?

На этюде рядом с Лениным изображены друг и соратник Владимира Ильича Г. М. Кржижановский, видный деятель партии П. Н. Лепешинский, один из участников создания петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» В. В. Старков.

В книге П. Н. Лепешинского «На повороте», вышедшей в начале двадцатых годов, есть такие строки: «Помню, между прочим, как мы троим, т. е. я, Старков и Кржижановский, стали играть с Ильичем по совещанию. Роль лидера тройственного соглашения принадлежала... мне, но лежавшая на мне обязанность выяснять перед своими союзниками значение тех или иных ходов удваивала напряжение моих сил и моего внимания».

Момент, когда П. Н. Лепешинский советуется с участниками «тройственного соглашения», и запечатлен на этюде.

Где же теперь находится Лениниана художника, лишь часть из которой удалось обнаружить? Возможно, в частных коллекциях во многих городах нашей страны. Надо ли говорить, что любое прижизненное изображение вождя, сделанное талантливым художником, каким был А. В. Исупов, бесценно.

...В Риме болезнь затягивалась. В дождь руки страшно болели, трудно было даже удерживать кисть. О возвращении на родину пока нечего было и думать.

Исупов работает так, словно боится, что не успеет сделать всего, что хотелось бы, старается проникнуть в тайны, которые подняли на небывалую высоту авторитет итальянского искусства. Все, что он делал там, делал для родины. Быстро изучив вкусы салонных любителей, Алексей Владимирович сердито отмахивался от лукавых соблазнов жить, как говорится, припеваючи. «Собственные дом и студия? — насмешливо отвечал он на предложения соблазнитель обзавестись недвижимым имуществом. — А зачем они мне? Вот подлечусь — и домой!» — рассказывал участник итальянского Сопротивления А. Флейшер об этом периоде жизни художника.

Вот какой эпизод вспоминает другой участник Сопротивления, бывший командир партизанского отряда Петр Конопелько, в письме к сестре художника А. В. Исуповой-Мардановой.

«Запала мне в голову... одна встреча, — пишет Конопелько, — когда мы, советские люди, уезжали на Родину (в 1945 году. — М. И.).

Проводить нас пришел и Алексей Владимирович. Он подходил к каждому из нас, кого знал лично, и прощался. Помню, он трижды обнял и поцеловал меня.

— Счастливо! Всех благ тебе в жизни, — сказал он и заплакал — болезнь не пускала его уехать вместе с нами».

В 1957 году, после смерти мужа, Тамара Николаевна Исупова осталась на чужбине одна. Жить стало одиноко, трудно. Перебралась на окраину Рима, часто болела.

Советские художники, приезжавшие в Рим, навещали ее, советовали возвратиться на Родину. И вот после нескольких десятилетий жизни за границей Тамара Николаевна переехала в Москву. Получила хорошее жилье, пенсию. Но после возвращения ей довелось прожить лишь полтора года. С собой, в СССР, она привезла более пятисот работ Алексея Владимировича. Триста из них Министерство культуры СССР передало в Кировский художественный музей. В 1973 году в Москве в Доме литераторов была устроена выставка работ А. В. Исупова.

Мечта художника исполнилась: его работы оказались на Родине

А. Исупов. 1889—1957. ПОРТРЕТ ХИРУРГА АБРИКОСОВА.

А. Исупов. ВИД ГОРОДА ЗЛАТОУСТА.

УРАЛЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ.

Вспомнился рассказ-очерк Ивана Васильева о молодом парне, отслужившем в армии и пришедшем в совхоз работать механизатором. Парень старался, трудился, не считаясь со временем, работал лучше многих «старичков», а вот ко двору не пришелся и вскоре уехал. Но не просто потому, что остальных трактористов незаметно как-то охватило безразличие и им давно стало наплевать на все в родной деревне, и этот новенький был у них как бельмо на глазу. На поверхности-то было именно так, а по сути гораздо сложнее, диалектичнее: приезжий действительно был готов ломить любую работу, а местным до чертиков надоело делать дело так, как оно у них было заведено: «Быстрее и больше!»

«Кончать надо с вашим «давай, давай»,—говорит старый тракторист директору совхоза, и тот в рассуждении сам с собою сознает: «Тракторист сказал: «Не больше, а лучше». Правильнее, пожалуй, сказать: к большему — не через быстрее, а через лучше. Ведь цель «больше» была, есть и будет, только достижение ее лежит через «лучше».

Этот рассказ прочитан в недавней книге Ивана Васильева. А могли вспомниться другие очерки: Леонида Иванова или Анатолия Стреляного, например. Или давние — Ефима Дороша или Георгия Радова. Или «Районные будни» классика советской очерковой прозы Валентина Овечкина, о которых вспоминает и сам Юрий Черниченко.

Все они встают в памяти, когда на одном дыхании читаешь его, Юрия Черниченко, только что напечатанную большую, но страстно, болью сердца написанную, киплящую негодованием, разящую и поражающую своими кричащими цифрами и фактами работу «Наука и земледелец». И рождается вновь и вновь горький, но все еще безответный вопрос: «Доколе же будем путаться в этих трех соснах — больше, быстрее и лучше?»

Вот один приводимый Черниченко типичный пример того, какая практика решительно преобладает в этой на долгие-долгие годы затянувшейся проблеме:

«Исходная позиция в том, что Зеленки должны давать больше, чем дают, а как это сделать — лучше видно району, то есть уполномоченному (т. е. районному уполномоченному.— Д. И.), области, Минсельхозу, за которыми наука, интенсивность и знание потребностей. План и обозначает на бумаге этот прирост. Есть, допустим, шесть, а надо, чтоб вышло семь».

(Заметим в скобках, но, понятно, со слов автора очерка, что в Зеленках — неплохой колхоз с дельным председателем и очень знающим агрономом Пошевелей Яковом Федоровичем, которого больше всего расстраивает то, что задание колхозу дают не «сколько чего продать, а именно как и чем занимать землю.

— Мне б сказали: сдай пять тысяч тонн, и все. Как добудешь — дело твое. Я ж тут четвертый десяток, чему-то ж жизнь научила? Нет. Рукава мои, а руки в них чужие».

Заметим, что оправданием такой практики никак не может слу-

жить то, что редко теперь встретишь тех, кто «тут четвертый десяток». Заметим, что и «уповоженный» Юрий Дмитриевич тоже «не только понимает, что дополнительный план на озимь Пошевелю доводить не нужно и вредно, а и меры — доступные по рангу и своему характеру — принимал, чтоб не добавлять... Тут ему и сказали достаточно строго: «А у нас там производственная дисциплина есть? Вы зачем там у нас сидите?»

О, это уже автоматическое, но вместе с тем коренное, определяющее — «там у нас!» К нему сходятся, наверное, все концы и начала...

Значит, таким вот образом вершат землею и урожаем с целью, понятно, достичь большего. Посмотрим теперь, как этого добиваются «там у нас».)

«Но если слагаемых (площадей, урожайности, химикатов и пр.) на шесть единиц, то семь на конец пятилетки ты никак не выведешь: и следующий заводделом удивится, натянне и внизу колхоз воспротивится. Тогда вводится в уравнение некая темная величина — X . $2 + 2 + 2 + X = 7!$

Икс в случае с Пошевелей — гибридная кукуруза. Она в Европе — венгерской Баболине или в югославских госхозах — дает под сто центнеров».

(Ясно, что сто центнеров — это хорошо, это — лучше. Поэтому за них и ухватились. Но поглядим, что дальше...)

«Шалин, уполномоченный при Пошевелю от Василия Николаевича (напоминаем: В. Н. Ремесло — всемирно известный наш селекционер, создатель великих миросовских сортов озимой пшеницы.— Д. И.), то есть непосредственно от науки, говорит, что в лесостепи Украины эти сто центнеров можно называть только на съездах филологов или гинекологов... Фактически те 350 гектаров гибридной кукурузы, что Пошевелю доведены планом, три года подряд не дали

(В результате «у нас» остается счет на быстрее и больше, который «там» губит не только лучше, но и достигнутое. А чтобы взятки гладки были за недомысленную дутую цифирь, существует «дикт», как его именует В. Н. Ремесло: «Я тебе буду диктовать, а ты будешь делать. Но отвечать потом будешь ты, а не я!» — «дикт», против которого прославленный академик протестовал перед людьми самых различных рангов, и... «одно только разведение руками и вздыхание в ответ».)

«Отвыкнув горячиться и спорить в районе («То молодых дело, а я взял папку и пошел»), Пошевелю, однако, предложил было новому председателю:

— Давай, Александр Николаевич, отчитаемся за кукурузу, а влупим гороха!

Но председатель ответил, что опасно, пока не знает, лучше еще потерпим».

(«Василий Николаевич называет эту ситуацию «у мэнэ ж диты». Есть дети, нет детей, внуки уже женятся — не важно: речь о са-мобережении и о плети против обуха».)

И «если валовой сбор колхоза растет, а коров что ни год им прибавляют на сотню голов и стадо держится, то это потому, что колхоз, то есть Пошевелю, и Близнюк, и Галина, и тракторист из «навозного отряда», подставляет свои слагаемые, всегда реальные. Это органика, которая «растягивает» поля, это неафишируемое повышение оплаты комбайнерам («Накинули по пятнадцать копеек за гектар, по два центнера хлеба — и не заглядывай, аж гай шумит!»), это та же война с пьянкой — план этого не отражает, но сборы выдают».

Такова грустная, но реальная картина битвы за хлеб в одном только колхозе, битвы, которую «там», на полях, выиграть, ох, как трудно, если она заранее проиграна «у нас», за столами. И таких «битв» в набранной убористым

технику: «Нашим механизаторам не из чего выбирать», — и они вынуждены брать от заводов машины вчерашнего дня, да еще с фантастическими прямо дефектами: «Дело в отношениях, когда продавший машину всегда прав, от полевых удач-неудач независим!»

...Но не из одних вопросительных и восклицательных знаков состоит очерк Ю. Черниченко. Уже на первых же его страницах приведены слова Леонида Ильича Брежнева из «Целины»: «...команды сельскому хозяйству по самой его природе противопоказаны».

Еще в марте 1955 года была осуждена, как ошибочная, чрезмерная централизация планирования сельского хозяйства. Мартовский (1965 год) Пленум ЦК КПСС ввел принцип твердых планов и тем упрочил позиции инициативы. Новое подтверждение курса — в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР об улучшении планирования и экономического стимулирования, опубликованном в самом конце 1980 года. Там говорится, что основные показатели сельскохозяйственного производства «определяются в пятилетних и годовых планах, разрабатываемых в хозяйствах...».

Тогда отчего же столь расходятся начало и конец очерка? В чем причины такой живучести вала, валового сбора, валовой продукции, за которыми не отличить «больше», «быстрее» и «лучше», за которыми не увидеть качества, зато спрячется отсутствие тех или иных необходимых и планировавшихся культур, сортов и изделий, — вала, которым легко отчитаться так, чтобы и невооруженным глазом было видно достижение (а вооруженный, внимательный, хозяйский глаз и за версту не подпустить к успокои-

ЖИТЬ НЕ ПО ВАЛУ

колхозу ни зерна: не вызрело!.. Значит, величина X не подняла шестерку ни семерке. Наоборот, кукуруза, культура поздняя, смешала Пошевелю сложный расклад севооборотов, и ему пришлось сеять озимь по озими три года подряд... Тройная пшеница по пшенице привела к вымерзанию... Таким образом, введение X фактически уменьшило реальные, нетемные слагаемые: даже шестерку надо чем-то вытягивать».

(Таким образом — б о л ь ш е пришло к х у ж е, и вместо быстрее получилось медленнее.)

«Если бы спор шел на равных... то агроном поставил бы вместо темного X горох. Тридцать центнеров гороха получить можно наверняка, а это прекрасное подспорье фермам, белковый корм, и азотная добавка в почву, и — едва ли не главное — отличный предшественник пшеницы. Но тридцать центнеров гороха понизят сверстанную на конец пятилетки цифру, стоящую на венгерско-югославском сборе, и в плане твердо остается не горох, а кукурузный гибрид со всеми его последствиями».

шрифтом работе Ю. Черниченко множество.

Битва за чистые пары: оставьте нам их, просят земледельцы, через год они себя оправдают; засевайте, следует команда, нам надо отчитаться в этом, а не в следующем году; а конечный «эффект» ясен из вопроса лауреата Ленинской премии академика Бараева: «Зачем сеять больше, чтоб получать меньше?»

Битва за клейковину, за содержание белка в зерне: корова «считает по белку, валовой счет ее не интересует. А белка в кормах разорительно мало, и десятки миллионов тонн трудно добытого и уже оплаченного зерна без воздействия на привес уходят в навоз — вот смысл новых потерь на фермах. Ныне дефицит по белку обесценивает прирост производства зерна!».

Битва за сельскохозяйственную

тельно возросшему показателю)?

В том, что вал («быстрее и больше») помогает, — позволяется скрывать правду, выдавать желаемое за действительное. Но дальше так продолжаться не может: «быстрее и больше» — это экстенсивный путь развития хозяйства, уже отошедший в историю, а только «лучше» обеспечит интенсивное развитие, ставшее велением времени.

Да, нам всегда надо было спешить. И сегодня, когда нас вызывают на бесчеловечное, смертоносное соревнование в гонке вооружений, — снова надо. Но сегодня эту задачу необходимо решать не за счет валового «быстрее и больше», а за счет «лучше» — за счет в высшей степени эффективного использования преимуществ социалистической системы.

Д. ИВАНОВ

Юрий Черниченко. Наука и земледелец. «Новый мир» № 7, 1981.

Старший тренер сборной СССР Виктор Тихонов на тренировке.

Вратари Владимир Мышкин (слева) и Владислав Третьяк.

В КАНАДУ ЗА КУБКОМ

Фото А. БОЧИНИНА

Наш фотокорреспондент Анатолий Бочинин побывал на последней тренировке сборной хоккейной команды страны перед ее отлетом в Канаду.

За океаном, как известно, будет разыгран Кубок Канады, в борьбе за который участвуют сильнейшие команды Старого и Нового света. Немало усилий пришлось приложить даже самым лучшим хоккеистам, чтобы получить место в сборной, а молодым пришлось, конечно, еще во много раз труднее. Наравне с испытанными бойцами они проходили «апробацию» на шведском и финском льду, где наша команда встретилась с значительно усиленными командами «Тре крунур» и Суоми, ведь в их составы временно вернулись лучшие хоккеисты этих двух стран, променявшие родной лед на профессиональные арены.

Да, четыре победы дались нелегко, а сколько проведено труднейших тренировок дома! Много самообладания, волевой и физической выдержки потребовалось, чтобы достойно выступать под недремлющим оком тренеров. Увы, не всем это удалось. Сперва был объявлен предварительный «черновой» состав сборной команды, в который вошли 34 человека, а потом отобраны 24. В Канаде после товарищеской встречи со сборной профессионалов (на место в команде претендовало 35 самых блистательных хоккеистов профессиональной лиги) 29 августа наши тренеры должны представить окончательный список.

1 сентября прозвучит первый судейский свисток, вызывая хоккеистов на лед. Не забудьте включить свои телевизоры.

В. ВИКТОРОВ

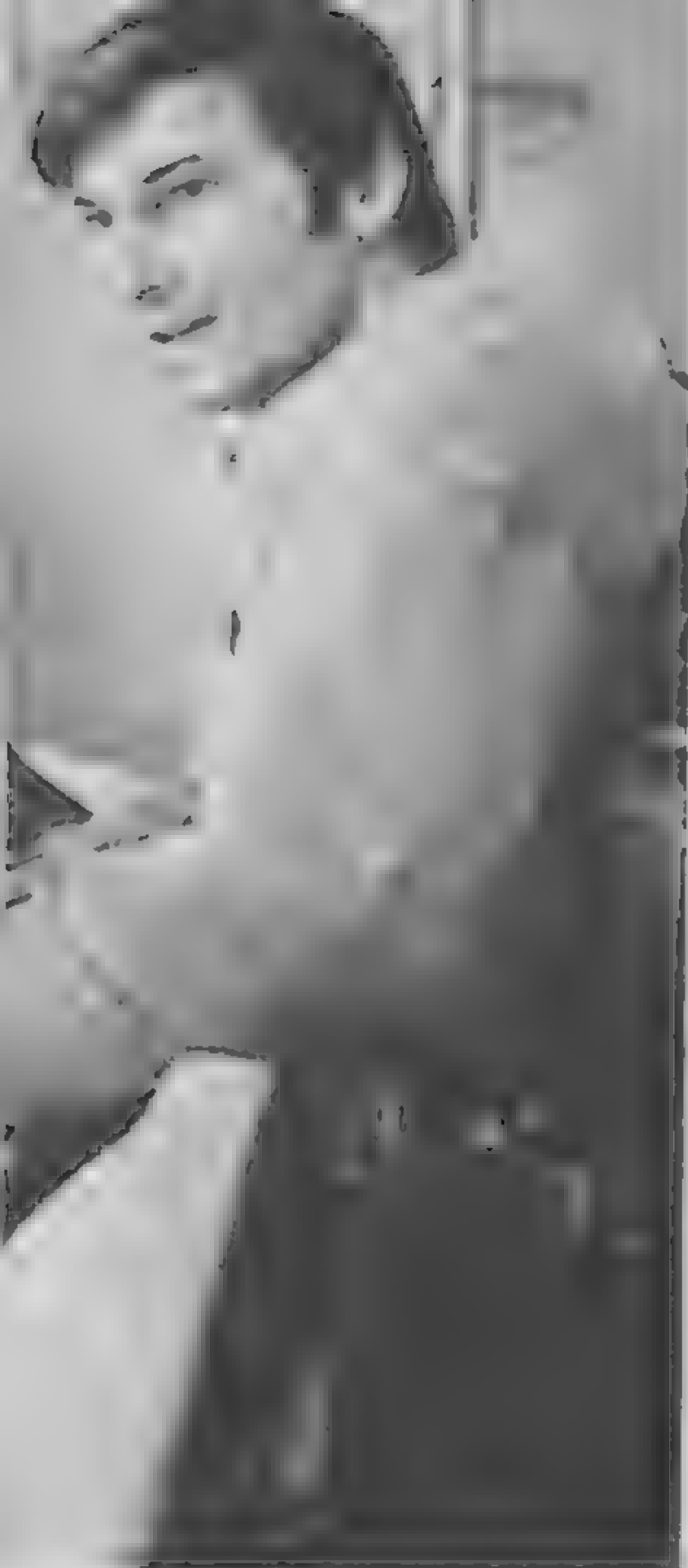
Новобранец сборной Игорь Ларионов.

Капитан сборной команды СССР Виктор Жлуктов перед выходом на лед.

Ветеран сборной Александр Мальцев и Владимир Крутов.

Валерий Васильев, Сергей Капустин и Сергей Бабинов.

Сергей Макаров с сыном и женой.

На тренировке.

Молодой хоккеист Андрей Хомутов хорошо зарекомендовал себя в главной команде страны.

В раздевалке.

Виктор Шалимов — один из ведущих наших нападающих.

ДРАМАТУРГ И РОМАНИСТ

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИКОЛЫ ЗАРУДНОГО

В человеческой жизни иногда столь замысловато слагаются ситуации, что перенеси их в книгу, и писателя, пожалуй, обвинят в надуманности. В 1939 году в Харькове, во время вступительных экзаменов в Украинский коммунистический институт журналистики, судьба свела меня с Миколой Яковлевичем Зарудным. Мы оказались в одной комнате общежития студенческого городка, и был еще с нами мой школьный друг, начинающий поэт Виталий Романенко. Микола буквально в считанные часы стал нашим кумиром. Он отличался от нас, «селюков», городскими манерами и веселым нравом, общительностью и раскованностью. Мы были очарованы нашим новым другом, охотно следовали его советам, как надо

держаться на экзаменах, и без утайки подражали ему.

Однако очень скоро жизнь разметала нас. Из института я был призван в армию и потерял связь с Харьковом. После войны узнал, что Виталий Андреевич Романенко погиб на фронте, а о Миколу долгое время ничего не слышал.

И вот в 1952 году в Москве, в Доме культуры «Правды», на 2-м Всесоюзном совещании молодых писателей я вдруг издала увидел смуглое, что-то напоминавшее мне лицо. Мелькнула догадка: «Кажется, Харьков! Институт журналистики!» Но ведь прошло тринадцать лет: имя и фамилия стерлись из памяти.

Спросил у кого-то:

— Кто вон тот цыганистый хлопец?

— Драматург из Винницы. На семинаре у Лавренева сейчас самый заметный.

«Нет, не он», — подумалось тогда; и я начал проталкиваться через людскую толчею к нему: все

же хотелось познакомиться с земляком — ведь и я родом с Винницыны.

Но это был он! Встретились, обнялись. Микола Зарудный признался, что тоже меня не узнал (я был в военной форме), и мы повели разговор как земляки, как товарищи.

Потом были встречи еще и еще — в Москве, куда меня позвала военная служба, в Виннице, где жил Микола Зарудный, потом в Киеве. Полагаю, что с высоты прожитых лет я могу уже без малейших колебаний подтвердить известную истину: для каждого человека дружба после мудрости есть самый прекрасный дар судьбы.

Очень приятно сознавать, что литературная слава твоего доброго друга стала широкой и прочной. Имя Микола Зарудного как одного из самых талантливых драматургов Украины сейчас широко известно в нашей стране и за ее пределами. Количество написан-

ПОСЛЕДНЯЯ СТРЕЛА

Виталий ЗАСЕЕВ

Если бы во время Олимпийских игр в Москве проводили конкурс на самую изящную лучницу, то Наталья Бутузова оказалась бы вне конкуренции. Даже крошечная Терин Донован из Австралии выглядела по сравнению с ней внушительно.

Свой рассказ о новой абсолютной чемпионке мира 1981 года по стрельбе из лука Наталье Бутузовой я не случайно начал с ее внешних данных: ведь стрельба из лука — атлетический, многотрудный вид спорта. Достаточно сказать, что за четыре дня соревнований спортсменке предстоит послать в цель около трехсот стрел, или, в пересчете на затраченные усилия, перенести на расстояние 50—60 метров более двух тонн груза. При этом надо сохранить и

плавность движений, и своеобразную ритмику, и точный расчет. Добавим к этому, что современному Робин Гуду, стреляющему из сверхчувствительного к малейшей технической ошибке лука, надо постоянно учитывать освещенность мишени, «нрав» стрелы, покоящейся на тетиве (примечательно, что из ста стрел, изготовленных одной и той же фирмой, из одного и того же материала, нет ни одной, которая бы летела в мишень точно так же, как предыдущая), скорость и направление ветра и еще десяток деталей, которые познаются после многих месяцев самоотверженного труда, бесконечного поиска своего собственного стиля стрельбы.

Наталья Бутузова стреляет раскованно и грациозно, но за этой кажущейся легкостью скрываются железная воля, мужская сдержанность и, как говорит сама Наташа, «двужилость характера». На Олимпийских играх в Москве она и глазом не моргнула, когда неверно учла порывы ветра, пропустила вперед Кето Лосаберидзе, и только самым близким друзьям было известно, чего это стоило Наташе.

Кстати, ветер и на чемпионате мира попытался сыграть с ней

злую шутку, и, не оказавшись Бутузова по-настоящему волевым человеком, не будь возле нее чуткого и понимающего наставника, каким является старший тренер сборной страны, заслуженный тренер СССР Арсен Балов, наверняка золотую медаль увезла бы с собой полька Алиция Цишковска или австралийка Мерилин Рамли...

Нынешний XXXI чемпионат мира, проходивший в итальянском курортном городке Пунта-Ала, собрал более двухсот лучников из 37 стран мира. Почти сто лучниц вышли на линию огня. Были среди них и хорошо известные спортсменки и молодые. Бутузова поняла, какую угрозу они таят, когда в первый же день соревнований хладнокровная американка

К. Веццетти захватила лидерство, опередив ее на одиннадцать очков. В отличной форме приехала на чемпионат и англичанка П. Эдвардс, оказавшаяся на втором месте. А что же Наташа? Она довольствовалась лишь десятым местом с весьма скромной для себя суммой очков — 596.

С местного ипподрома, где проходили соревнования, Бутузова уезжала с тяжелым сердцем. Десятое место по сумме двух дистанций (70 и 60 метров) — что может быть хуже? Огорчала и неудача подруг по команде. Ольга Рогова была на одиннадцатом месте, а олимпийская чемпионка Кето Лосаберидзе на семнадцатом.

В этот вечер у нее состоялся откровенный разговор с тренером.

ных им и увидевших сцену пьес уже достигает третьего десятка. Среди них можно назвать хотя бы такие: «На крутых берегах», «Ночь и пламя», «Веселка», «Если ты любишь», «Антей», «Мертвый бог», «Остров твоей мечты», «Фортуна», «Синие росы», «Верность», «И отлетим с ветрами», «Тыл»...

В героях пьес Миколы Зарудного угадываются потомки персонажей Гоголя и Котляревского, Квитко-Основьяненко и Карпенко-Карого... Будто взяв начала в удивительных характерах предков, эти образы принесли их в новую жизнь, развили в борениях страстей нового социального звучания. В целом вся драматургия Зарудного, почерпнутая из родников народной жизни, как бы утверждает нерушимость всех слагаемых национального украинского характера, выражает приверженность к историческим традициям, призывает к осмыслению обретенных народом в борьбе за новую жизнь качеств на достигнутых рубежах эпохи. И всей наполненности большим содержанием драматургии Зарудного сопутствуют смех и слезы, любовь и ненависть, обретения и потери — все то главное, из чего складывается жизнь человека. Драматург достигает выразительности действия и проявлений людских индивидуальностей без видимых усилий, и в этом

убедительно проявляется признак его богатого таланта.

В критике почему-то принято говорить о Зарудном только как о замечательном украинском драматурге. Но ведь Микола Зарудный еще и превосходный прозаик.

Среди литераторов бытует несколько жестоковатый обычай: когда кто-то восторгается творчеством того или иного писателя, а ты, сомневаясь в истинности или искренности восторгов, предлагаешь оппоненту: «Назови хотя бы одного-двух персонажей его книг» — это о прозаике, или: «Прочти хотя бы две строчки его стихов» — это о поэте. И нередко случается конфуз: ни героев книг, ни стихов не помнят...

Кто же читал романы Миколы Зарудного «На белом свете», «Уран», «Гилея», тот, я искренне убежден в этом, запомнил не только имена, характеры и судьбы их героев, но и сохранил горячие симпатии к ним и будет еще долго взволнованно размышлять над их поступками, над жизнью вообще.

В этих романах проявляется удивительная способность художника заставлять читателя забывать о том, что он сидит над книгой. Кажется, ты не читаешь, а являешься свидетелем и даже участником описанных событий. Я в полной мере испытал это, когда

переводил упомянутые выше романы на русский язык. Будто не вчитывался во фразы, а все видел и слышал, ощущал каждое движение души каждого персонажа. А сколько их! И все самые разные, непохожие друг на друга, интересные, земные, часто небезгрешные. В романах и пьесах Зарудного встает многомерный образ всей Украины, образ ее трудового народа, отличающегося лиризмом, юмором и песенностью, душевной чуткостью, готовностью откликнуться сердечной добротой на все светлое, несущее людям радость и с его непреклонностью к неправде, злу, несправедливости.

Исполненные высоких художественных достоинств романы и пьесы Миколы Зарудного несут в себе все признаки современной жизни с ее радостями, заботами и тревогами, с устремлениями людей к добру и миру.

Микола Яковлевич Зарудный к своему 60-летию пришел через годы напряженной учебы, сквозь железные ветры войны. Позади у него огромный писательский труд, радости творческих побед и печальные остановки перед порогами непреодолимости. Впереди же, несомненно, новые искания, новые художественные открытия.

Иван СТАДНЮК

2 сентября 1945 года была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам. С 1976 года — Социалистическая Республика Вьетнам.

ВОЛШЕБНЫЙ МИР ШОНГБЕ

Ю. ЛУШИН

Я уселся на слона, и он даже не вздрогнул. Уши его были подняты словно в некотором изумлении, а взор немного печален. Затеиловская упряжь украшала грудь и большой лоб, спину покрывала богатая попона с кистями. Бахро-ма опускалась чуть ли не до земли, почти закрывая мощные ноги-столбы. Два прекрасных бивня предостерегали: «Лучше не подходи!» Но это так, на всякий случай. Все видели добродушие слона, все, даже маленькие глиняные лягушки, безбоязненно сидевшие у самых его ног. Моего слона окружали другие, целое стадо, и некоторые походили друг на друга, словно близнецы. А вы слышали когда-нибудь о слонах-близнецах? Этим не может похвастаться ни один зоопарк мира. Здесь же они водились во множестве. Причем — отдельные удайцы сумели забраться даже на каменную ограду и выстроились там, как на параде.

Мое внимание привлекла красавица вьетнамка. Она вышла из диковинного сада, где вместо цветов на деревьях расцветали звезды. Потом возник вдруг сказочный дворец на островах. По темной воде заскользили джонки и сампаны, рыбак забрасывал свою сеть в надежде на удачу. По берегу то ли озера, то ли моря скакали слуги неведомого императора...

Я сидел на своем слоне и то ли грезил, то ли жил наяву в каком-то необыкновенном волшебном мире. Мне хотелось сочинить о нем сказку, и я не заметил, что уже начал ее сочинять.

Все это происходило со мной на юге Вьетнама, в прекрасном музее народного предприятия «Шонгбе», известном своими искусными гончарами, живописцами

Балов считал, что Наташа задалась целью во что бы то ни стало стать чемпионкой мира и начала бездумную погоню за очками, вместо того чтобы собраться и, не обращая внимания на соперниц, «играть в свою стрельбу». И вот Веццетти, и Эдвардс, и китайка Фа Наймен на какой-то миг навязали ей свою тактику.

Ночью Наташа почти не сомкнула глаз. А сколько она успела передумать за эту ночь!

Ей было двадцать лет, когда она впервые увидела лук. Она даже представления не имела, с какой стороны браться за это древнее оружие, но лук тянул ее к себе. Она и в институт физкультуры пошла учиться ради того, чтобы заниматься луком, и из Ташкента

в Москву переехала, чтобы совершенствоваться в этом виде спорта у самых лучших тренеров страны.

В секции, где Бутузова тренировалась, ее за глаза называли «старушкой». Иногда громче обычного, чтобы слышно было и ей, но это только подстегивало ее, настраивало на боевой лад. А скептики остаются скептиками. Даже когда ее пригласили в сборную страны, многие предсказывали ей после взлета мгновенное «приземление».

Первым ее, кажется, по-настоящему разглядел Арсен Балов. Это он как бы нечаянно обронил фразу, которая запала ей в душу: «Сумеешь пересилить желание стать чемпионкой — будешь ею». Тем самым Балов давал понять, что только внутренняя собранность, помноженная на трудолюбие, принесет желанные плоды. И вот теперь, в ответственный момент чемпионата мира, она снова «погналась» за медалью.

Второй день соревнований начинается с самой коварной дистанции — «полтинника», как называют пятидесятиметровый рубеж лучники. На этот раз Наташа стреляла собранней и выиграла. После двух дней соревнований она оказалась впереди с отрывом в 11 очков от финки П. Мерилуото. Ну что же, в последующие два дня остается повторить выступление на тех же дистанциях, сложить сумму, и...

И вот снова коварный «полтинник» собирает всех лучниц на линии огня. Наташа чувствует спину, что за каждым ее выстрелом в бинокль наблюдают не только зрители, но и соперницы. И каждая ее «десятка» повергает их в смятение, а каждая потеря очка вселяет надежду. Неожиданно с моря налетел ветер, расправил по-

лотница флагов, пригнул к земле траву. Сейчас самое главное не торопиться. На одну серию правилами отводится две с половиной минуты, и только по истечении установленного лимита времени стрелок теряет право на очередной выстрел. Так что время есть. Надо выждать, пока стихнет неожиданный порыв...

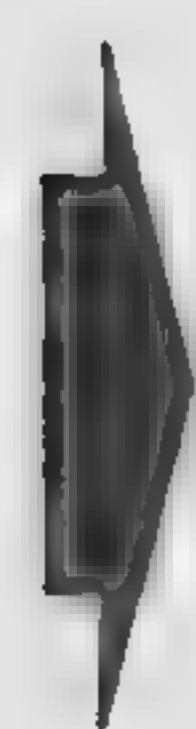
Она непринужденно поднимает лук, прицеливается и отпускает тетиву. В бинокль хорошо видно, что стрела вонзилась в красный сектор мишени ближе к желтому. Это «восьмерка», не так плохо. Неумолимо движется вперед стрелка секундомера, а ветер, как назло, не стихает. Подняв лук, Наташа снова его опускает и ставит на ногу. Пусть передохнут руки. А ветер рвет полотнища, сдувает шапочку с головы судьи. «Пора!» — говорит она сама себе. Стрела срывается — с тетивы... Подняв бинокль и увидев торчащее красное оперение стрелы в «молоке», она не поверила своим глазам. Но ошибки не было, ее стрела, изменив направление полета из-за порыва ветра, ушла в «крест». «Ну, быстрее, осталось всего десять секунд!» — не говорит, а молча кричит она сама себе, и вот третья стрела, подхваченная порывом ветра, вонзается в «единицу», и запас прочности, который она имела, сокращается до одного очка...

— Я была в смятении, — вспоминает Наташа. — Но потом увидела бледное лицо Арсена Шугайовича Балова, ехидную улыбку одной из своих преследовательниц и поняла, что не имею права подводить товарищей по команде, не имею права отступать перед стечением обстоятельств...

Остальные стрелы летели в желтый сектор мишени, а последняя оказалась в «десятке».

Наталия Бутузова на тренировке. Фото автора

и ткачами. Сидя на глиняной скамеечке-слоне, я смотрел и не мог насмотреться на великолепные керамические сосуды и вазы, расписанные в традиционном вьетнамском стиле, диковинных зверей с препотешным выражением на мордах и чудесную лаковую живопись. Роспись казалась настолько живой, что меня не удивило бы, начни вдруг изображения двигаться. Может быть, я и сидел так долго только потому, что ждал, когда же они оживут...

Голос заместителя директора «Шонгбе» Чыонг Конг Дака вернул меня к действительности:

— На фабрику я пришел мальчишкой еще в 1946 году, но уже тогда знал основы ремесла. В моей деревне Тьонг Бин Хиеп, она отсюда в четырех километрах, испокон веку занимались лаковой живописью и гончарным производством. Оттуда вышли многие известные мастера Южного Вьетнама. В то время на фабрике работало всего десять мастеров, принадлежала она хозяину, именем которого и подписывались все изделия... Сейчас это большое предприятие, на котором трудятся около 400 человек. Лаковые картины и керамика «Шонгбе» известны во многих странах мира, в том числе и в Советском Союзе. В живописи по лаку мы пока используем традиционные мотивы, однако новая жизнь заставляет нас и в искусстве искать новые пути...

О новых путях я слышал не только в Шонгбе.

В Ханое я познакомился с военным художником Хюи Тхоаном, майором вьетнамской Народной армии. С детства он любил рисовать, мечтал стать живописцем, но его родина больше, чем в картинах, нуждалась тогда в защитниках. В свои 16 лет Тхоан уже воевал — сначала против французских захватчиков, а затем против американских. Детская мечта жила в нем, и в перерывах между боями на кусках трофейного парашютного шелка кистью, сделанной из собственных волос, он рисовал своих друзей-однополчан, моменты атаки и пейзажи родной страны. Способного юношу заметили и включили в состав армейской агитбригады, где он рисовал карикатуры, писал революционные лозунги и плакаты.

— Работал примерно так же, как ваш Маяковский в «Окнах РОСТА». Работы не боялся и, как мог, занимался самообразованием...

Уже в то время у него возник дерзкий замысел — средствами традиционной лаковой живописи создать большое монументальное панно «Гимн Вьетнаму», в котором отразилась бы и история его родины, и борьба народа за свободу, и победа в этой борьбе. Он не знал, что до него никто во Вьетнаме не делал таких грандиозных картин, и это незнание сослужило ему неплохую службу. Во всяком случае, оно избавило его от сомнений...

Я видел семиметровое панно Тхоана в мастерских военных художников недалеко от парка имени Ленина в Ханое. Оно было почти закончено и поражало экспрессией, соединенной каким-то непостижимым образом с изяществом лаковой живописи. Мифологические и символические образы соседствовали с изображением реальных людей — солдат, крестьян,

вождя вьетнамской революции Хо Ши Мина, но не спорили между собой, а, напротив, усиливали впечатление, заостряли мысль. Можно было долго рассматривать отдельные части панно и находить при этом все новые нюансы. Несомненное художественное дарование Тхоана и своеобразное видение дополнялись необыкновенным упорством и трудолюбием художника. Как трудно изготовить даже небольшую лаковую картину, сколько на это уходит труда и времени, я тогда просто не представлял. Я узнал об этом на народном предприятии «Шонгбе».

...Мы вошли в цех и стали смотреть. Все начиналось с обычной доски из ствола хлебного дерева, которую покрывали сначала черным, коричневым или красным лаком — основа, фон. Затем в соответствии с замыслом художника наносился рисунок либо цветными лаками, либо в будущую картину вклеивались кусочки перламутра, яичной скорлупы, сусального золота и т. д. Все это потом вновь покрывалось слоем лака. Причем такой простой материал, как яичная скорлупа, в руках настоящего мастера способен творить чудеса. Вот из мелких наклеенных кусочков возник белый конь, или парус, или рябь на воде, или... Впрочем, перечислять можно бесконечно. Еще более удивительные превращения происходят с перламутром. Я видел, как работники вклеивали кусочки перламутра, выпиливая их ручными пилками из раковин. Это была филигранная работа, хотя на этом этапе в восторг от картины еще не приходишь. Но вот мастер осторожно счищает с перламутра лак и резцом начинает процарапывать орнамент — перья диковинной птицы, лепестки неземных цветов, листья, растения... Причем перламутр никак не окрашивается, он хорош сам по себе. Переливы красок на нем восхитительны и нежны — от жемчужного, розоватого до сине-фиолетово-красного, от благородного серого до таинственного черно-синего... И, наконец, наступает последний этап. Доску снова покрыли лаком и после предварительной шлифовки начали чистовую. Делают это голый ладонью много часов, а иногда и дней подряд, подсыпая на лак тонкий угольный шлифовальный порошок. Голый ладонью потому, что рука чувствительна к малейшей песчинке, способной поцарапать лак...

— Много дней, а иногда и месяцев проходит от начала до конца работы, — рассказывал Чыонг Конг Дака. — В некоторых картинах художники используют краски, которые с течением времени не выцветают, а, наоборот, становятся ярче, сочнее. Это похоже на процесс проявления фотографии, только здесь он проходит значительно медленнее, целые годы, а проявителем служит само время...

Мы еще долго ходили по фабрике, смотрели, как ткнут национальные ковры, как расписывают изделия гончаров. Перед отъездом я вновь зашел в музей. Знакомый слон привычно подставил свою спину. Я сидел, ждал волшебных видений и торопил время. Но волшебство не приходило. Оно не терпело суеты и торопливости ни в работе, ни в созерцании.

Ханой — Москва.

ТВ

МИМИКРИЯ

Вслед за кинокамерой наш взгляд скользит по фасаду пятиэтажного дома. Останавливается на широком окне, просторной лоджии... И мы оказываемся в беспорядочно уставленной вещами квартире... Так начинается телеспектакль «Обыкновенные обстоятельства» (автор пьесы Ю. Шпитальный, режиссер Г. Павлов).

Действительно, на телеэкране не происходит ничего необыкновенного: идет обычная жизнь людей, они ждут такси, чтобы перевезти вещи на новую квартиру, казалось бы, радоваться надо. Но, оказывается, не так просто покинуть дом, где прожито много лет. Тем более, что здесь останется жить старый отец.

Такси придет через полтора часа. Столько же времени занимает действие спектакля, из которого мы узнаем историю живущей здесь семьи: Виктора Митрофановича (народный артист СССР Р. Плятт), его дочери Елены (Е. Козелькова) и зятя Степана (Г. Фролов).

У Виктора Митрофановича есть еще сын Евгений (А. Инжеватов). Дела у Жени обстоят вполне благополучно. Он женат на хорошенькой девушке: у

старые рюмки — украшение семейного праздничного застолья, — они теперь становятся ненужными; большой финус, росший здесь все годы; старинную картину, зеркало в роскошной раме... И не очень-то весело старому человеку видеть, что все эти вещи — свидетели его счастья, его молодости — больше не нужны никому. Да что там вещи! Кажется, он и сам-то не нужен своим детям. «Время делает из нас не мудрецов, а никому не нужных стариков», — вдруг скажет герой Плятта своей внучке. С Катей (Т. Канаева) у него отношения полного взаимного доверия: Виктор Митрофанович беседует с ней как со взрослой; они понимают друг друга, и всем сердцем чувствует Катя, как плохо сейчас деду. Она считает, что родители поступают неправильно, покидая старого человека. И неожиданно восстает против этого, вдруг заявляя, что лотерейные билеты деду якобы выиграли «Волгу»... С детской увлеченностью она убеждает всех в своей выдумке, не осознавая ее последствий. А ведь «выигрыш» попал в самую точку! Подобно лакусовой бумажке, он вывалил душу взрослых, их скрытую суть, — степень зараженности той нравственной болезнью, которую Виктор Митрофанович деликатно определяет словом «мимикрия». Точнее — притворство. Приспособленчество.

Искренность семейные отношения, уважение к старости, хрупкий внутренний мир ребенка — с одной стороны. И «груда железяк», как называет Катя придуманный ею лотерейный выигрыш, — с другой. Вот на этом нравственном выборе и проверяются герои телеспектакля... И вдруг экспансивная Катя... сжигает эти злополучные билеты! Правильно сжигает. Ей ведь кажется, что теперь все станет на свои места. Но все ли?

Нет, далеко не так! Все остались такими, какие есть. А нам хочется еще и еще побыть с этим мудрым и милым человеком — Виктором Митрофановичем. Послушать его саркастически грустные монологи о времени, о себе, о жизни. Главное в них, пожалуй, — мужество подлинной человечности.

Прекрасно играет Р. Плятт. Собственно, на нем и держится постановка.

«Мир стоит на том, что кто-то кого-то любит!..» Не однажды повторит герой эту мысль. И мы заново открываем в ней старую, как мир, истину.

«Обыкновенные обстоятельства» не просто обыкновенный спектакль. Он активно заставляет зрителя размышлять о нашем сложном духовном мире.

И, может быть, становится добрее и лучше.

В. ДВОРЯНКИН

Ростислав Плятт в роли Виктора Митрофановича.

Фото Н. Агеева

них с «Марго» своя прекрасная квартира и дача; он энергично и быстро продвигается по службе. Да и у Елены все сложилось удачно. Любимая работа, муж — добрый и искренний человек, занимает хорошую должность, только что получил повышение; растет дочь Катя... До сих пор семья Лены вроде бы дружно жила вместе с отцом-пенсционером. Он помогал Лене и Степану растить и воспитывать Катю.

И вот пришло расставание. Виктор Митрофанович неприятно бродит по комнатам; предлагает Елене взять с собой то одну, то другую вещь:

ЧУДО, ИМЕНУЕМОЕ- ФОКУС

◀ Современные «волшебники» Арутюн и Амаяк Акопяны.

На заседание огоньковского творческого клуба Арутюн Акопян поднялся с чемоданчиком «дипломат», где лежали несколько номеров газет, колода карт, черные лакированные туфли, без которых ни один артист не выходит на эстраду.

Впрочем, на сцену в Карловых Варах, где в прошлом году проходил очередной международный конкурс фокусников, народный артист Армянской ССР Акопян вышел вообще без всякого реквизита: он был членом жюри. Но его очень просили выступить в заключительном концерте. И зал, перед этим просмотревший четыреста иллюзионистов и манипуляторов из двадцати стран мира, долго не отпускал со сцены артиста, вышедшего на сцену, где не было ни ящиков, ни столиков и никаких вообще приспособлений, помогающих совершить чудо, именуемое — фокус. Тогда же в конкурсе участвовал впервые сын Акопяна Амаяк, он занял второе место в группе комических манипуляторов. Арутюн Амаякович — старший «волшебник» — пришел в «Огонек» вместе с сыном.

Естественно, что им обоим, современным «волшебникам», было задано множество вопросов.

— Арутюн Амаякович, известно, что ваш отец был кузнецом-молотобойцем. Вы учились в техникуме, в институте, в хореографическом училище... И вдруг стали фокусником. Как это произошло?

— Пожалуй, это дело случая. Когда я приехал из Еревана в Москву и уже поступил в институт инженеров землеустройства, то попал однажды на концерт в Театре миниатюр, где меня буквально поразил один номер. Я смотрел, затаив дыхание и широко раскрыв глаза, на те чудеса, которые творил невысокий, невзрачный с виду человек. Он назывался — я тогда впервые услышал это слово — иллюзионистом.

С той поры я не пропустил ни одного концерта и не раз пытался пробраться за кулисы, но всегда на моем пути вставал сторож. Однажды моя попытка все-таки удалась. И к счастью, у выхода на

сцену стоял знаменитый «ящик без дна», из которого артист мог вынуть все что угодно. Я сунул в ящик голову и так увлекся его исследованием, что не заметил, как возник иллюзионист за моей спиной. «Вор!» — закричал он, схватив меня за плечо.

«Это жулик-профессионал, — подтвердил сторож. — Я его давно заприметил!» Вызвали милицию. И только вмешательство ректора института, которому позвонили по телефону, спасло меня от более крупных неприятностей.

Через два года иллюзионист снова приехал в Москву. Тогда, в полутьме кулис, он меня не разглядел, а я изменил на этот раз свою исследовательскую тактику: помогал таскать тяжеленные чемоданы, бегал за папиросами и за пивом, смотрел в глаза... Наконец он смиростивился и раскрыл секрет одного нехитрого трюка. На этом мой курс иллюзионных наук закончился.

Я окончил институт и уехал домой, в Ереван. Но все-таки забросил вскоре свою профессию инженера: мысль о фокусах не давала мне покоя. И лишь в двадцать пять лет впервые вышел на эстраду.

— Сколько же фокусов показали вы за это время? И как вы их «изобретаете»?

— В моем репертуаре свыше тысячи трюков. А вот как я их придумываю — вопрос сложный, и ответить на него нелегко. Иногда даже во сне мне видится мой новый фокус. Вскрываю, зажигаю свет, к великому неудовольствию жены. Тут же начинаю пробовать, репетировать... Увы, наяву далеко не всегда получается все так, как хотелось бы.

Главное — постоянная тренировка. Раньше я тренировался даже и по восемнадцать часов в сутки. У манипулятора — в отличие от иллюзиониста, который имеет дело с аппаратурой, — секрет в полном смысле слова в руках: в необычайной ловкости, развитости рук. Однажды за рубежом мне не поверили, когда я манипулировал одной рукой двумя колодами

карт, и попросили показать, нет ли у меня каких-нибудь скрытых приспособлений на ладонях или на запястьях. Народный артист Болгарии Евстати Христов, широко известный публике как мистер Сенко и посвятивший иллюзии полвека, недаром говорит: «Магия как таковой не существует. Магия — это знание и умение. Весь секрет — в технике и остроумии».

— А какие, по-вашему, черты волшебства наиболее привлекательны?

— На это тоже не так-то легко ответить. Жанру иллюзии более пяти тысяч лет. К сегодняшнему дню специалисты насчитали 126 различных, но обязательных его свойств и черт. Среди них — доброта, красота, новизна. Особенно предпочитаю я сам новизну, поэтому безжалостно расстаюсь со старыми секретами: уже выпустил пять книг с описанием различных фокусов. Веду раздел в журнале «Наука и жизнь». Правда, иные мои коллеги за это на меня обижаются...

— Сколько же у нас в стране манипуляторов и иллюзионистов?

— Около трех тысяч. Только в Москонцерте — тридцать человек.

— Арутюн Амаякович, вы почетный член Международной академии магов, победитель пяти международных конкурсов, обладатель специального приза за элегантность. Что вы хотели бы сказать о своих зарубежных поездках?

— Я побывал более чем в восьмидесяти странах. Особенно памятен мне Париж 1959 года. Туда съехались фокусники из двадцати стран, в том числе США, Японии, Франции, Индии, Италии, Австрии... Я завоевал Гран-при — Большую золотую медаль с изображением Робера Гудэна, основоположника иллюзионизма во Франции. Из современных зарубежных фокусников я бы отметил мистера Сенко, американца Джона Гудса и Саккаро из Индии. У каждого из них свой неповторимый почерк.

Вспоминаю поездку в Индию, где бесчисленное множество факиров и заклинателей змей. Расстилая коврики прямо на земле, они вытаскивают из мешков свой не-

мудренный реквизит, и представление начинается... Фокусники во всем мире сразу узнают друг друга. Я показал одному индийскому фокуснику несколько трюков и три из них подарил; старик разволновался: «Но у меня нет денег, чтобы вам заплатить; я хотел купить единственный трюк у заезжего американца, но даже и этого не смог». Я ответил: «Платить ничего не надо. Это мой сувенир». И мы расстались добрыми друзьями.

— Позвольте еще один вопрос. В одной цирковой песне поется:

По жизни сын идет своим путем,
Того, что было раньше, сыну
мало.
Но что-то в нем заложено отцом,
Но есть начало!

Ваш сын Амаяк закончил ГИТИС, снимался в фильмах «Солнце в авоське», «Взлет», а сейчас снялся в картине «Фантазия на тему любви» в одной из главных ролей. Как все это увязать с его увлечением манипуляцией?

— Ну, пусть уж об этом расскажет он сам.

Амаяк Акопян немногословен:

— Я начал заниматься фокусом с шести лет. Наверное, к сегодняшнему дню чему-то научился... Мой номер идет в комическом плане: я не только занимаюсь манипуляцией, но еще и танцую. Впрочем, фокусники должны не говорить, а действовать...

* * *

И тогда начались чудеса. Их совершали Арутюн и Амаяк Акопяны.

Одна из французских газет писала: «Акопян обманывает в двадцати сантиметрах от ваших глаз».

Нет! Не в двадцати, а в десяти или даже пяти сантиметрах. Арутюн Амаякович подходил к нам вплотную, и все равно секрет фокуса оставался неразгаданным.

Это — мастерство! Искусство. Оно требует, как всякое искусство, терпения и труда. И, конечно, призвания.

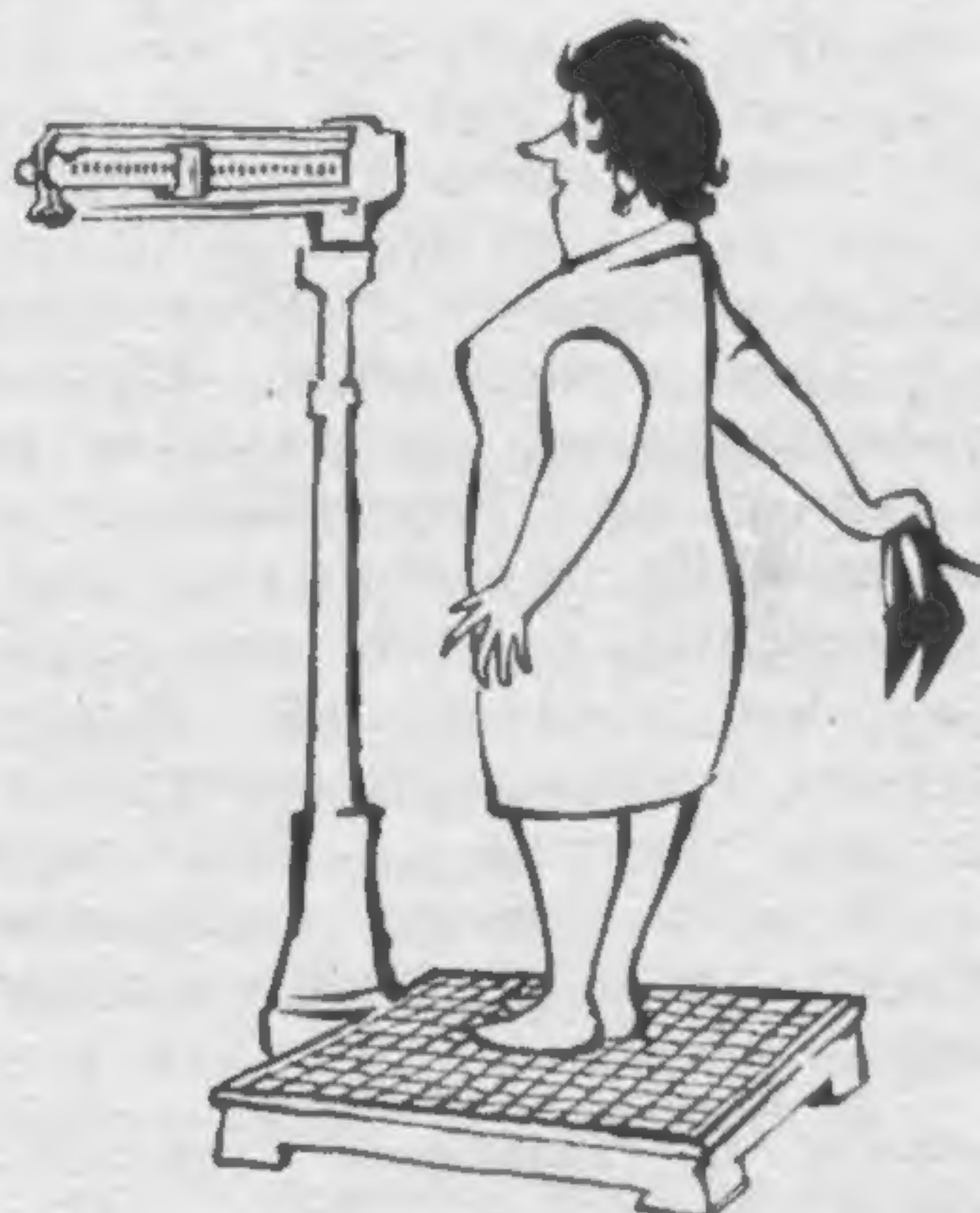
Встречу вел
Е. ГОРТИНСКИЙ.

— Вы слышали, как поют дрозды?

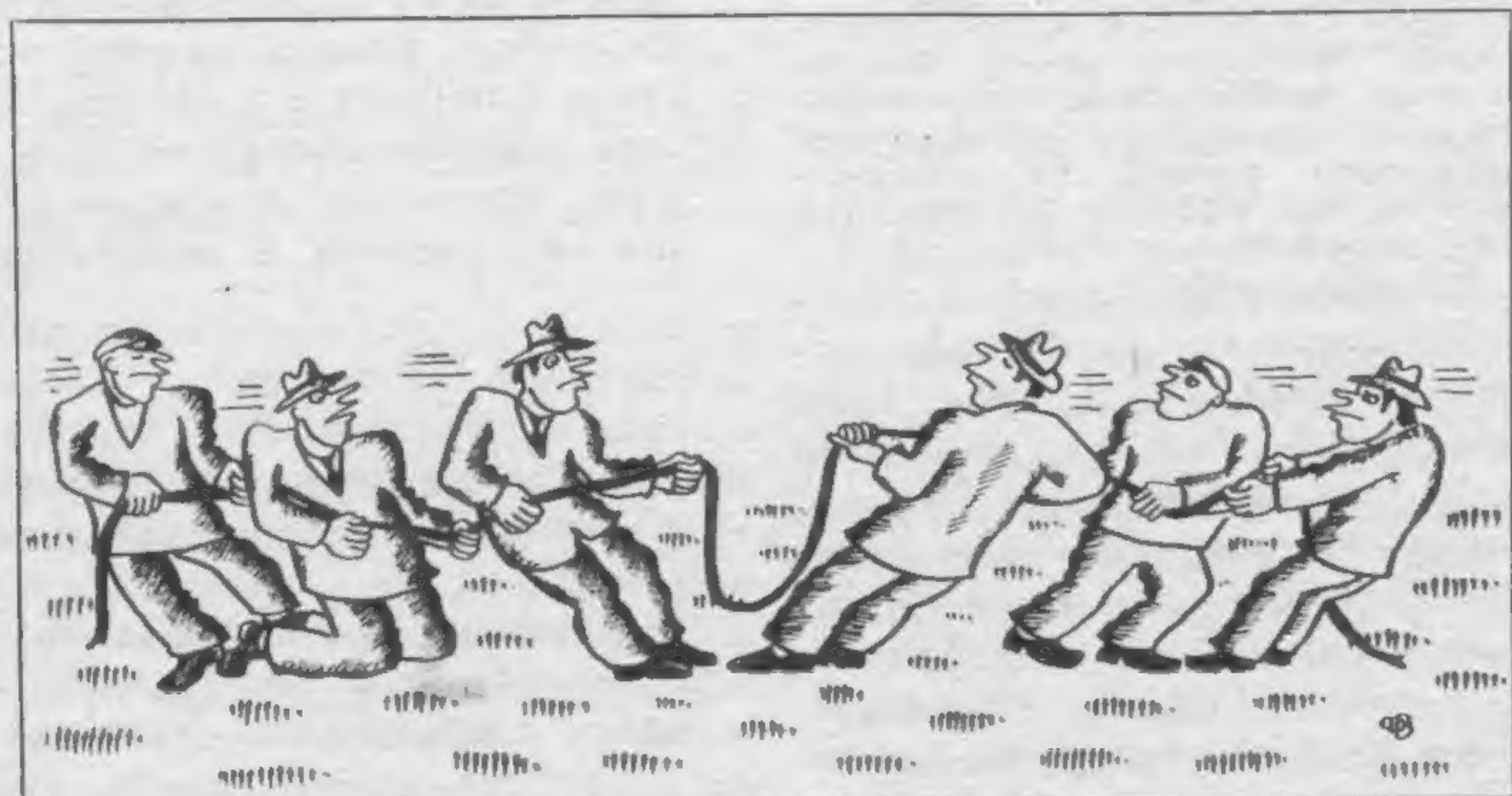
Рис. В. Воеводина

Рис. В. Тамаева

— Задержитесь на одну минуточку!

Рис. Н. Елина

Из последних сил.

Рис. В. Дубова

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ:

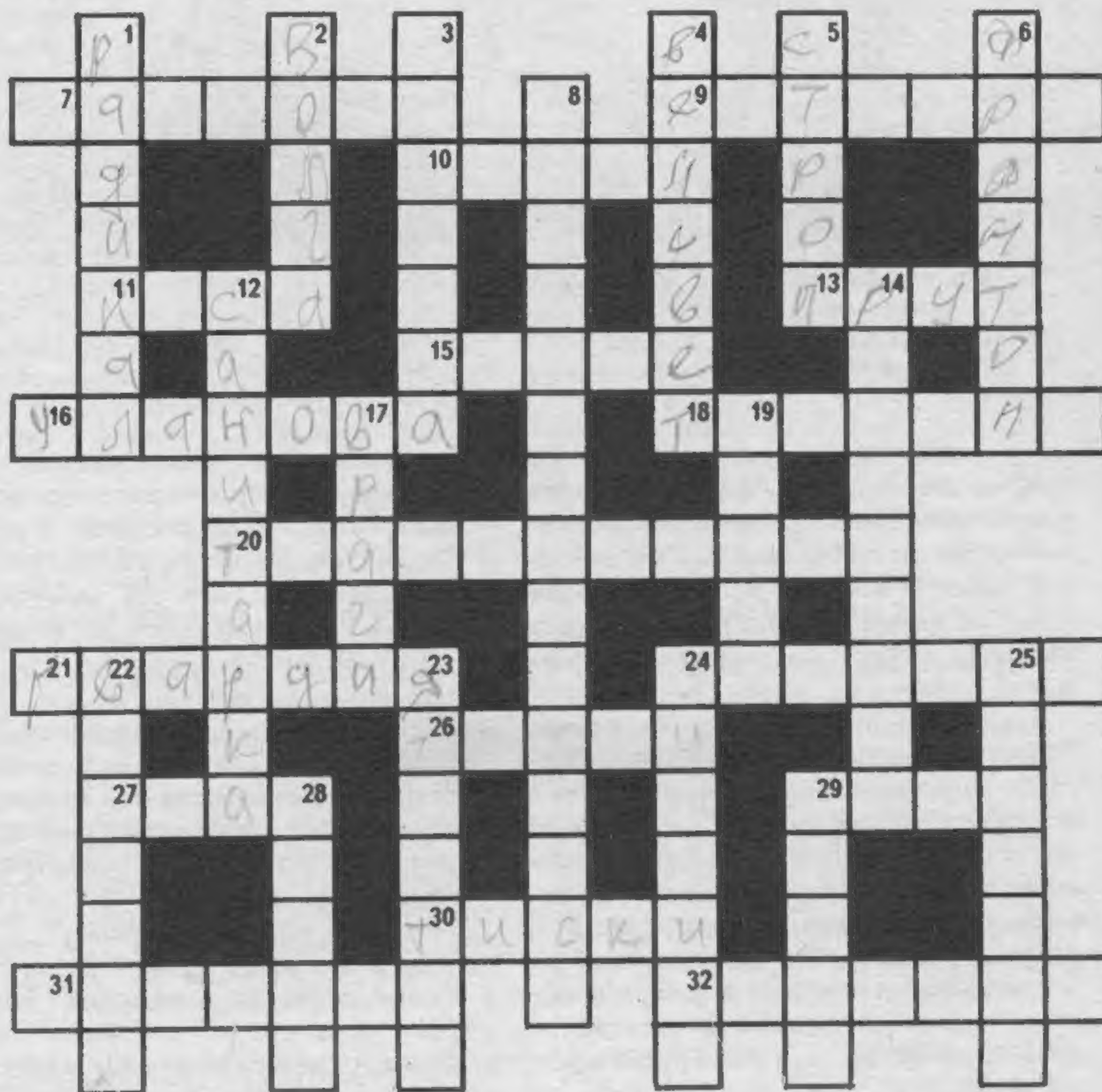
1 января 1982 года цена за экземпляр нашего журнала устанавливается в размере 40 копеек.

Это связано с увеличением стоимости бумаги для печати, затрат на полиграфическое исполнение и доставку журнала подписчикам.

Стоимость годовой подписки 20 рублей 76 копеек.

По горизонтали: 7. Поэма персидского и таджикского классика А. Фирдоуси. 9. Радиоактивный химический элемент. 10. Русский писатель. 11. Город в Челябинской области. 13. Приток Днепра. 15. Прочная многослойная ткань, заменитель кожи. 16. Балерина, народная артистка СССР. 18. Цветное стекло для изготовления мозаик. 20. Ученый в области автоматики и телемеханики, академик, Герой Социалистического Труда. 21. Отборная часть войск. 24. Национальный герой Никарагуа. 26. Народный духовой инструмент. 27. Денежная единица Ирана. 29. Декоративная композиция, орнамент наверху стены. 30. Приспособление для закрепления обрабатываемой заготовки. 31. Персонаж оперы В. А. Моцарта «Свадьба Фигаро». 32. Русский адмирал, герой Севастопольской обороны.

По вертикали: 1. Математический знак. 2. Марка советского легкового автомобиля. 3. Машина для подъема или перемещения грузов. 4. Плотная хлопчатобумажная ткань с рельефными полосками. 5. Канат, шнур парашюта. 6. Часть здания, выступающая за основную линию фасада. 8. Промышленный город на Украине. 12. Работница лечебного учреждения. 14. Государство в Центральной Америке. 17. Пьеса М. Горького. 19. Приток Оки. 22. Южное декоративное растение. 23. Актер и режиссер кино, народный артист СССР. 24. Белорусский издатель и просветитель XVI века. 25. Советский химик-органик, академик. 28. Финский писатель. 29. Плата за перевозку грузов морским транспортом.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34.

По горизонтали: 3. Гирокскоп. 5. Краковяк. 7. Катет. 8. Нетто. 11. Краматорск. 13. Призма. 14. Онегин. 15. Вельбот. 16. Комната. 17. Пескарь. 19. Плотина. 24. «Золото». 25. Орбита. 26. Решетников. 29. Сфера. 30. Триод. 31. Панорама. 32. Стенолаз.

По вертикали: 1. Скутер. 2. Кактус. 3. Гончаров. 4. Потомок. 5. Консоль. 6. Каватина. 9. Кизил. 10. Схема. 11. Карбюратор. 12. Колмогоров. 17. Прототип. 18. Спорт. 20. Ирбис. 21. Антифриз. 22. «Гренада». 23. Плинтус. 27. Ереван. 28. Офицер.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Село Половодово Пермской области: Таня Ершова и Саша Зебзеев надолго запомнят этот день. (См. в номере материал «Открой свою звезду».)

Фото А. Бочинина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сбор урожая. Роспись на керамике * Мастера из Шонгбе * Подсвечник * И этот фантастический зверь родился в Шонгбе * Так художник изобразил дочку императора * Битва на слонах оживает на стенках вазы. (См. в номере материал «Волшебный мир Шонгбе».)

Фото Ю. Лушина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 10.08.81. Подписано к печати 25.08.81. А 00416. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 2067. Заказ № 977.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137. ГСП, улица «Правды», 24.

Выпустили на свободу...

Рис. М. АБРАМОВА

ISSN 0131-0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

